

Народный календарь Южного Урала

Магнитогорск 2013

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»
Лаборатория народной культуры

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЮЖНОГО УРАЛА

Хрестоматия

Магнитогорск 2013

УДК 882
ББК ШЗ (2)
Н 28

Рецензенты:

Доктор культурологических наук,
Институт Русской Литературы РАН (Пушкинский дом)

А. Н. Розов

Кандидат филологических наук,
кафедра русского языка и общего языкознания МаГУ

И. С. Клинова

Авторы составители:

старший научный сотрудник лаборатории народной культуры МаГУ,

кандидат филологических наук ***С. А. Моисеева***

научный руководитель лаборатории народной культуры МаГУ,

доктор филологических наук ***Т. И. Рожкова***

Художественное оформление, компьютерный набор: заведующая кабинетом журналистики и речевой коммуникации ***Е. Б. Дерябина***

Дизайн обложки:

старший научный сотрудник лаборатории народной культуры МаГУ,

кандидат филологических наук ***Н. Л. Карничева***

Нотировка текстов:

кандидат искусствоведения, научный сотрудник Архива
традиционной музыки Новосибирской государственной
консерватории им. М. И. Глинки ***Н. А. Урсегова***

И. Е. Соловьева текст № 13.

Редактор: старший научный сотрудник лаборатории народной культуры МаГУ,
кандидат филологических наук ***И. А. Филипова***

Народный календарь Южного Урала : хрестоматия / сост. С. А. Моисеева, Т. И. Рожкова – Магнитогорск: МаГУ, 2013. - 214 с.

ISBN 978-5-4463-0099-0

Книга содержит подборку экспедиционных записей и исследовательских материалов лаборатории народной культуры МаГУ по традиционному календарю Южного Урала.

Хрестоматия адресована школьникам, студентам, учителям и всем, кто интересуется региональными разновидностями традиционной культуры.

ISBN 978-5-4463-0099-0

© ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет», 2013

© Лаборатория народной культуры ФГБОУ ВПО «МаГУ», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хрестоматия «Народный календарь Южного Урала» составлена на основе сборника материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры МаГУ «Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала» и сориентирована на использование фольклорно-этнографического материала в школьных курсах краеведения.

Хрестоматия состоит из двух разделов и приложения. Первый раздел включает в себя яркие фрагменты экспедиционных записей лаборатории народной культуры МаГУ, связанные с народным календарем. Второй раздел представляет собрание научно-исследовательских работ сотрудников лаборатории по календарно-обрядовому фольклору.

Издание сопровождается DVD-диском, на котором собраны видеофрагменты экспедиционных записей, позволяющие визуально представить локальные особенности региональной культуры.

Материал календаря сгруппирован по двум основным локальным традициям: календарь горнозаводских сел (Ломовка, Узян, Кага, Верхний и Нижний Авзян, Тирлян, Инзер) и календарь казачьих пограничных сел (Краснинск, Великопетровка, Увалька, Кацбах, Арси).

В административном отношении исследуемая территория неоднократно перекраивалась, включаясь в состав то Оренбургской, то Уфимской губернии, что серьезно осложнило архивную работу по истории заселения края. В настоящее время исследуемые поселения входят в южные районы Челябинской области и Белорецкий район Башкортостана.

По характеристикам К. Арсеньева, составившего в 1848 году «Статистические очерки России», восточная сторона Оренбургской губернии «представляет мало удобств для хлебопашества», поэтому земледелие играло второстепенную роль. Горнорудные богатства края способствуют развитию промышленности: «этот отдел губернии может по преимуществу называться металлоносным», «горное производство в Оренбургской губернии необыкновенно важно; оно занимает великое число людей, дает им заработную плату и приносит владельцам заводов богатые доходы»¹. Рудные богатства, бурное строительство заводов на Южном Урале, начавшееся со второй половины XVIII века, способствовало притоку русского населения. Чтобы обеспечить тяжелое и трудоемкое производство, государство разрешало промышленникам покупать деревни с крепостными, перевозить своих вотчинных крестьян, приписывало к заводам государственных крестьян. Управляющие с охотой принимали людей, пришедших по собственной воле. Известные промышленники Демидовы, владельцы многих заводов Урала, переселили

крестьян из своих вотчин в Брянском, Тверском, Симбирском уездах². Под строительство заводов шла активная скупка русскими предпринимателями башкирских земель. Устные предания башкир сохранили эти темы: «Жители ... трех аулов проживали в местах, где сейчас расположен город Белорецк. После того, как эти земли приобрел русский купец, француз Пашков велел заложить домну для плавки железной руды. Башкиры вынуждены были перебраться в другие места»; «Хозяин Узьянского чугунолитейного завода жил постоянно в Москве, а на заводе держал управляющего. Тот занимался скупкой земель у башкир – расширял заводские владения»³.

Карта экспедиционного изучения региона

Крестьяне из разных областей России, оторванные от родных земель, обустроивали быт при «железодельных» заводах в своих культурных традициях. «Оторванность горнозаводского населения от основной русской этнической территории способствовала консервации фольклорных традиций, их особенной стойкости и наличию архаических черт, во многом утраченных в фольклоре центральных областей», - пишет исследователь народной песни этого района Л.И. Брянцева⁴. Экспедиционная работа лаборатории подтверждает выводы исследователя. Русские горнозаводские села, основанные во второй половине XVIII века, сохранили необычайное богатство традиционного фольклорно-этнографического материала.

Немногочисленная литература по истории края дает противоречивый материал по датам основания поселений, так как авторы ориентируются на разные события, учитывая не только время основания заводов, но и выпуск первой продукции, начала работ после пожаров и т. д. Посёлок Ломовка, появившийся при Белорецком заводе (1762 г.), получил свое название от рода занятий его жителей: они были «ломовыми извозчиками» и поставляли сырье на Белорецкий завод. Собственное промышленное производство было налажено в сёлах Узьян (1777 г.), Кага (1769 г.), Тирлян (1752 г./ 1801 г.), Верхний и Нижний Авзян (1753 г.), Инзер (1890 г.). По данным книги М.К. Любавского, Авзяно-Петровский завод и завод на реке Кага были основаны графом Петром Ивановичем Шуваловым в компании с Кузьмой Матвеевым в 1754 году⁵. В 1760 году заводы купил Евдоким Демидов, при нем Кагинский завод начал «ковку железа из чугуна». Собранные в

экспедициях материалы сохранили противоречивые воспоминания о времени появления первых переселенцев, впечатления о пестроте состава населения.

«Мама рассказывала, Акулина Ивановна, у ней была бабушка и прабабушка. Одна 118 лет, другая 110 лет жили. Приехали в дремучий лес сюда. Их сослали с Волги, за то, что не заплатили налог на землю. Там тоже на «о» говорят» (Плохова Е.Ф., 1931 г.р., Ломовка).

«В Ломовке-то жили переселенцы, беглецы. Ломов был помещик. Их семь Ломовок в России» (Поздышев Ф. Ф., 1938 г.р., Ломовка).

«Я местная. И родители, и дети узянские. Народ у нас *сбродный, совсюду*. Дед умер в 1941 году, он говорил: с реки Яны приехали. Уж не дед, прадед он. Здесь же лес был, лес вырубил. Вот мой прадед со своим отцом *сюды* и приехали, *прям* лес рубили и избы себе ставили. Вот с реки Яны, это где-то далеко, а *игде* не знаю» (Савельева А.П., 1930 г.р., Узян).

«Кага населенная. Людей у карты проигрывали и их присылали сюда, пригоняли. Населяли возле реки. Мой прадед проигранный был» (Киселева М.К., 1923 г.р., Кага).

«Людей у коробе привозили да вываливали. И калмыков привозили и всяких *языков*, ну и рубили на месте *быд-то* дома. И, *быд-то*, озеро здесь было. Это раньше, когда село образовывалось» (Кузнецова А.А., 1921 г.р., Кага).

«Тирлян делится на две части: деревня в Низовке, она возникла в 1747 году и называлась Березовка, и поселок, который назывался Тирлянский. В 1752 году построили завод ... на реке Тирлянке. Тирлян переводится как страна зверей» (Л.Н. Волков, 1932 г.р., Тирлян).

«Тирлян-то постарше Белорецка будет. Делится на поселок демидовский да на деревню в Низовке, у нее название было – Березовка» (Н.П. Медведков, 1925 г.р., Тирлян).

«Основателем считается Сергей Павлович фон Дервиз, который получил от отца дворянина в наследство дачу... На Инзерский *чугуноплавильный* завод крестьян привезли из Пензенской и Пермской губерний» (Черепанов П.Н., 1954 г.р., Инзер).

Поселенцы сохранили традиционную для русской деревни пространственную структуру. Храм и господский дом располагались на возвышенности, наблюдается четкое деление на края, сложилась система сакральных природных объектов, среди которых главным остается родник, место паломничества в религиозные праздники. В Узяне – это Галкин колодец, в Каге – «сажилка», в Авзяне – ключ на Малиновой горе, в Тирляне таких источников несколько. Девятая пятница после Пасхи со второй половины XVI века почитается в регионе как день обретения иконы Божьей Матери в источнике под Табынском. Табынская святыня вот уже пять столетий объединяет православное население края. Торжественные и многолюдные паломничества богомольцев сохранились в памяти жителей горнозаводских сел. «Идут, бывало, на Табынскую, несут Божью Мать, заставляли нас её поцеловать, *перехреститься* и под иконой пройти, чтоб не болеть» (Петрова Е.С., 1935 г.р., В. Авзян).

«Через посёлок проходил крестный ход, несли Богородицу. Один мужчина, старичок, лежал, и еще не старичок, говорят, был очень больной. Так вот эта икона, она очень целебная, она Табынская Богородица. Встречали её с хлебом с солью, и когда люди встретили её, то передали просьбу от того мужчины: что, мол, он хочет, чтобы Божья мать его всё же посетила. Короче говоря, они здесь побыли, за ними идут ещё подво-

ды и не хотели ехать к мужчине. И вот Богородица встала. Ну, как встала? Вот, значит, они хотели её поднять и понести, а она не поднимается. Значит решили ее на повозку, а она не даётся никак. Ну, чё? Подошли здесь старшие и говорят: «Уж он просил, давайте...» Решили мужика вынести к воротам. И тогда Богородица далась. Вошли во двор, значит, он поцеловал, лёжа прям, поцеловал эту икону прям и сказал: «Спасибо, люди добрые, все же увидел Божью мать. Может она мне даст исцеление какое-то. Повернулись, значит, опять легко понеслась. А этот мужчина, через неделю и исцелился выходит» (Балдуева Е.В., 1927 г.р., Тирлян).

К концу 30-х годов XX века церкви были перестроены под клубы, неоднократно горели. Разрушение храмов, уничтожение икон отразилось в сюжетах о святотатстве и наказании за него.

«Когда церковь рушили, иконы жгли, колокола сшибали. Вот Бог нас и *наказывает*» (Балдуева Е.В., 1927 г.р., Тирлян).

«... Когда в 1933 году ломали ее, так ведь люди плакали. Логинов Андрей *высший коммунист* крест спилил, *дак* потом и сам *повесилси*» (Логинова А.В., 1929 г.р. Кага).

Ясно, что уходили из активного бытования народные праздники, связанные с церковным календарем. Посещение часовенки на Малиновой горе осталось в памяти М.С. Копытовой как праздник, который не одобряли власти: «Было время – разгоняли дружинники с Малиновой горы, бывало до штрафа дело доходит» (Копытова М.С., 1935 г.р., Авзян). По воспоминаниям Ф.Н. Сысуева запрещалось святочное ряжение у казаков: «В юности бегал, а потом вступил в комсомол. Такие игры не поощрялись. Комсомол был против этого. Меня и так тогда считали сыном врага народа. А комсомол был для меня святым. Потом не то что перестал участвовать в таких играх, но работал по их пресечению» (Сысуев Ф.Н., 1916 г.р., Краснинский).

Другой важный пласт традиционной культуры Южного Урала – казачья культура. Южный Урал – граница русских земель с кочевыми племенами, поэтому территория постоянно укреплялась пограничными сооружениями: крепостями, редутами, форпостами. Еще в наши дни в казачьих селах можно записать сюжет баллады, уходящий в глубь веков, во времена противостояния русских монголо-татарскому нашествию.

«Ох, и давно эту песню пели. Я ее помню немножко:

За Урал рекой огонечек горит,
Он горит да горит, мал малюсенок.
А дымок-то идет *тонк-тонюсенок*.
У того-то огня *злы* киргизы сидят,
Они судят, бранят, *русско* племя делят.
Что кому-то чего *доставался*.
Вот *достался* зятю *тещенька*.
Посадил зять *тещеньку* на большого коня.
И привез зять *тещеньку* к русской пленнице.
Вот привез зять *тещеньку* к русской пленнице,
К русской пленнице домработницу.
День – корову доить, ночь – детей качать.
- Вы по матери мне внучаточки,
А по папеньки – киргизяточки.

Потом дочь с матерью узнают друг *дружку* и сбегут.

Раньше киргизы здесь русских воровали. Кибитки у них недалеко тут стояли. *Молоды*, бывало, пойдут в посадку за вишней, они их воруют» (Долганова А.П., 1920 г.р., п. Увальский).

Число пограничных сооружений постоянно увеличивалось. Губернатор В.А. Перовский добивается строительства новой линии укрепления – от города Орска в направлении Троицка. Организация новолинейного пограничного района состоялась в марте 1836 года, было выбрано для поселений 32 места, так возникли казачьи села Краснинский, Арси, Кацбах, Великопетровка⁶.

На строительстве Магнитогорского металлургического комбината (1929 г.) судьбы заводских крестьян и казаков (Магнитская крепость, 1743 г.) сошлись. Богатая железной рудой гора Магнитная дала название не только старинной казачьей крепости, но и современному городу. Отношения складывались не просто: «В Магнитной издавна жило много авзянских. Им казаки не разрешали селиться в Крепости и Форштате – в казачьих частях поселка. Им позволялось строить дома на окраине Магнитной к северу от крепости. Так возникла улица, которую стали потом называть Шанхай» (Кулагин Л.К., 1938 г.р., п. Старая Магнитка)⁷.

Группировка материалов сборника по двум локальным зонам (горнозаводские села и казачьи) не безусловна. Разница историко-культурных основ заселения внутри групп до сих пор заметна и в языке, и в песенной культуре горных сёл, что отразилось в экспедиционных материалах: «Жителей Верхнего Авзяна называют «долгополые», жителей Нижнего Авзяна – «киргизы», а жителей Каги – «кулажники» (Бочкарева Р.И., 1930 г.р., В.Авзян); «У Каге свой язык. Они на «о» да на «що» *говорять*. У них и песни другие. Они горластые, *поють* громко. Кагинских не *ощень* уважали, «мякинники» звали. И они нас как-то называли» (Бардина М.Д., 1928 г.р., Авзян).

Различие проявилось в преобладании разных в жанровом отношении текстов: Ломовка, Тирлян, Узьян дали необыкновенное богатство духовных стихов; Кага, Верхний и Нижний Авзян – песенной лирики. По-своему отличаются и казачьи села. Жители п. Краснинский называют себя «дутовцами». Многие казаки в годы революционных событий ушли с армией атамана Дутова. С Краснинском связывают и личную жизнь генерала. Уже в наши дни можно услышать от стариков убедительный рассказ о том, что жена Дутова была из этих мест, здесь находились его богатые земельные угодья. «Живучесть» слова нельзя объяснить только историческими событиями, так как оно чаще фиксируется в речи молодых людей, которые не всегда могут вспомнить, что это была за историческая личность. Слово «дутовцы» знают и употребляют по отношению к жителям Краснинска представители других населенных пунктов.

Следуя датам народного календаря, составители выстроили тот ряд праздников, который воссоздается в памяти и современной жизненной практике горнозаводских сел Южного Урала и казачьего пограничья. Материал календаря группируется по основным его периодам: осенние праздники, зимние, весенние, летние. Отправной точкой годового круга избран осенний календарный цикл. Составители сборника следовали принципам комплексного подхода, при котором народнопоэтический текст погружается в единое поле традиционной культуры. Жанровый принцип публикации записей вырывает текст из глубин его бытования, а, главное, не позволяет сохранить этнографические, культур-

но-исторические подробности народного календаря. В сборник вошли экспедиционные материалы по каждому празднику в том виде, в каком они записаны от информанта и хранятся в архиве. Сохранены особенности устной речи, в тексте они помечаются курсивом; неточности воспоминаний, которые сами по себе могут оказаться значимыми, как, например, даты народного календаря информантами не всегда сообщаются верно. Особую фольклорно-этнографическую ценность представляют рассказы информантов 10-20-х годов рождения – О.И. Беляевой, А.Г. Илисёвой, П.М. Патрикеевой, Н.Е. Телятниковой, А.Ф. Чертихиной и др.

Каждый текст сопровождается необходимой информацией о времени, месте записи, дается шифр архивного хранения, указывается при этом наличие в архиве лаборатории видео или аудио варианта записи, сведения о личности рассказчика. Такая публикация материала дает возможность обратить внимание читателя как на современную традицию бытования, так и на характер исторических изменений календаря. Тексты колядок и песни посиделок публикуются с нотировками там, где это возможно было сделать по качеству экспедиционной записи. Каждый из разделов сопровождается кратким комментарием, цель которого помочь читателю сориентироваться в материале.

При подготовке к публикации сборника не удалось избежать влияния личности собирателя, книжного знания на характер задаваемых вопросов и круг обсуждаемых тем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. М., 1848. С.480, 487.
2. *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999. С.130.
3. Башкирское народное творчество: Предания и легенды. Уфа, 1987. Т.2. С. 218, 307.
4. *Брянцева Л.И.* Русская песенная традиция в современном Башкортостане // Фольклор народов России. Уфа, 1995. С.35.
5. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С.513.
6. На Урал-реке: Заповедные уголки Южноуралья. Челябинск, 1999.
7. Песни, обычаи и обряды станицы Магнитной: Материалы по традиционной культуре, фольклору и этнографии станицы Магнитной / Сост. *Серов А.Г.* Магнитогорск, 2003. С.118.

Т.И. Рожкова

В ПРИМЕЧАНИЯХ ПРИНЯТЫ СЛЕДУЮЩИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- г.р.**, – год рождения
- урожд.** – урожденная
- обр.** – образование
- кл.** – классов
- ЭК** – экспедиция
- ДМ** – записи в Доме милосердия
- п. 3** – папка
- т. 3** – тетрадь
- л. 3** – лист
- а/з** – аудиозапись
- в/з** – видеозапись
- к. 1** – кассета 1
- с/з** – самозапись

**КАЛЕНДАРЬ РЕГИОНА
ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ
(1993-2006 г.)**

ОСЕНЬ

Иван Постный – 29.08 (11.09)*
Семёнов День – 01.09 (14.09)
Воздвижение – 14.09 (27.09)
Покров – 01.10 (14.10)
Кузьма и Демьян – 01.11 (14.11)
Михайлов день – 8.11 (21.11)

ЗИМА

Никола Зимний – 6.12 (19.12)
Рождественский сочельник – 25.12 (6.01)
Рождество – 25.12 (07.01)
Святки – 25.12-6.01 (7-19.01)
Крещение – 6.01 (19.01)

ВЕСНА

Масленица – за 7 недель до Пасхи
Середина поста – среда на четвертой неделе
Жаворонки – 9.03 (22.03)
Пасха
Красная горка – первое воскресенье после Пасхи
Благовещение – 25.03 (07.04)
Егорьев (Юрьев) день – 23.04 (6.05)
Вознесение – сороковой день после Пасхи
Родительская суббота – 7 суббота после Пасхи
Троица – 7 воскресенье после Пасхи
Духов день – 51 день после Пасхи, первый понедельник после Троицы
Девичья сипенька – второй день Троицы
Бабья сипенька / Земля-именинница – третий день Троицы
Девятая пятница – 9-я пятница после Пасхи

ЛЕТО

Иванов день – 24.06 (7.07)
Петров день – 29.06 (12.07)
День Казанской Богоматери – 8.07 (21.07)
Ильин день – 20.07 (2.08)
Борисов день – 24.07 (6.08)
День Флора и Лавра – 18.08 (31.08)

* Здесь и далее первая цифра означает старый стиль, вторая, в скобках, - новый стиль.

ОСЕННИЙ КАЛЕНДАРЬ

Календарь осенних праздников в горнозаводских селах открывает день Усекновения главы Иоанна Крестителя 29 августа (11 сентября), в народе Иван Постный. В этот день в Узян съезжались гости из близлежащих сёл. Можно предположить, что это был престольный праздник для узянцев. Установить точно пока не представляется возможным, церковь разорена в конце 30-х годов. В праздничном угощении устойчиво проходят блюда из калины: пирог «калинник» и квас.

Семенов день 1 сентября (14 сентября) в соответствии с общерусской традицией осознается как конец лета. В экспедиционных записях появляются воспоминания о вечерних посиделках молодежи. Несмотря на то что в воспоминаниях информантов наблюдается некоторое смешение понятий – «ссыпки», «супрядки», «особки», – в контексте рассказов можно проследить семантические различия их употребления (подробнее см. словарные статьи к сборнику).

В празднике Воздвиженье, в местной традиции Сдвиженье 14 сентября (27 сентября) сохранилась смысловая основа – «двигаться». К этому дню старались завершить работы, связанные с землёй, «все убрать с огородов». Последующие праздники осени – Покров, Кузьма и Демьян, Михайлов день – отмечены сильным влиянием молодежной культуры. Этапы хозяйственных работ, связанные с первым снегом, осенним забоем скота и птицы, растворились в многообразных молодежных играх. Не сохранилось семейных праздничных обедов. Первые пельмени, пироги с мясом, курники появляются только в молодежных «ссыпках» и проходят как праздничное угощение.

В казачьих сёлах осенние посиделки, «откупные вечерки» называли «семики». Первый семик начинался с Покрова. Любопытно, что группы девушек, собирающихся в уличные хоры и откупающие дом у одиноких женщин, как правило, получали прозвища: «голуби», «четки», «коровы» и т.д.

Горнозаводские сёла

* * *

1. «Иван Постный 11 сентября. Это единственный праздник, на который Авзян приходил в Узян. На этот праздник пекли калинники – пироги с калиной. Калинник пекли из ржаной муки, тесто перемешивали с калиной. Пироги пекли несколько дней. Песни пели: «Ой, да ты калинушка-размалинушка, ты не стой, не стой на горе крутой» (Колесникова Е.П., 1915 г.р., с. Узян).

* * *

2. «Иван Постный 11 сентября по новому стилю, 29 августа – по старому. Приезжали с Каги, а в девятую пятницу туда едут из Узяна. Пешими приходили, обещание кто давал. Считали его как обещанный. На ключи ходили. Служба в церкви была, потом

дома чай *попьют* родные. Пирог обязательно пекли, калинники. Квас, конечно, разводишь. Сходишь, калины наберешь, засушишь и вот напечешь пирогов-калинников. Мочалом их перевязывали и в печь ставили. А зачем перевязывали? *Не знай, че они, убегут* что ли *оттуды*?

Кузьмишиши 14 ноября по новому стилю. На них собиралась вся молодежь – девчата с ребятами. Собирались в любом доме, угощение каждый свое носил.

Покров 14 октября, служба *бывает*. Бегали под *Кузьмишиши* девчонки и спрашивали: «Тетенька, как жениха зовут?» (Рассказова Е.Н., 1931 г.р., с. Узян).

* * *

3. «*Кузьмишиши* 14 октября по новому стилю. Девчата *постряпают*. Артелью собирались. Квас варили. Пирог пекли, делали пельмени. Кто *че*. Пели, плясали.

Особки были. Ребята *придут*, девчата соберутся. Собирались то у девчат, то у бабки. Зимой в доме собирались, а летом на лавочке. Играли и чижа, и кадрили танцевали в 6 пар, в 4 пары. В мячик играли, «лунки» – игра. В земле наладят лунки и в *эти* лунки мяч *катают*. У кого *попадет*, тот быстро *бежит*, мяч из лунки *берет* и в кого-то *бросает*. Если *попадет* в кого, тот и *водит*. *Водить* – значит, мяч *катает*. Мячиков-то хороших не было, мячики из шерсти из коровьей были» (Савельева А.П., 1930 г.р., с. Узян).

* * *

4. «На Ивана Постного все больше *калинники-та* пекли. Калинники мочалами связывали, чтоб пеклись. Это все бабушки делали.

Были особки. Пряли, вязали, плясали. Задание было, сколько напрядь. *Супрядка* – пряли много, вечером – гулянка. Особки и *супрядки* – это разное. В особках пряли, в особки по заданию матери девки пряли. *Супрядки* – хозяйка *собирает* у себя дома. Особка – молодые собираются. *Супрядки* – женщины. Ну, молодые были. Это *помоули* какой бабе, помочи. На ночевку девчата ходили лет в 17- 19.

У нас юбка нормальная, не то, что у молодых. Если увидят на ней какой прорешек – это позорно было. А *щас*? Носили кому как надо – сарафаны, юбки. Сарафаны были очень широкие, выделывали *сисятник*. Мы-то не носили сарафаны, мы юбки носили с воланами, с воланом и *уборкой*. Это еще поверх волана с *куколками*, со сборочками *нашьют*. Сарафаны были и розовые, и красные, и цветные. Гладили чугунным утюгом» (Габова Е.И., 1909 г.р., с. Узян).

* * *

5. «Супрядки – посиделки. В особках парни присматривались, кто как *вяжет*, не смеется ли лишнего – не любили парнишки. Штук пять-шесть девчонок сидели. Я замуж-то вышла, мне вот не *пришлось* на эти супрядки попасть. Они были раньше, до нас.

Раньше мы до самой страсти больно боимся, с парнишками боялись общаться» (Осокина А.П., 1924 г.р., с. Узян).

* * *

6. «Семенов день *уперёд* Кузьмы и Демьяна – первая *посиделка*, *засиживание*. На *Кузьмишки* Кузьма и Демьян справляли именины. Первые пельмени. На *Кузьмишки* пекли калинники. Напаришь калину у *пецке*. Раскатываешь тесто, туда кладешь калину, бечёвочкой завязываешь. Тесто пресное, но не сдобное. А моя бабушка сырую калину клала.

Молодежь *ую* зиму *сидить*. Собираются у *одном* дому. *Идут, несут, хто* дрова, *хто* постель. На *вещёрках* кадрили *пляшут*: шесть перехватов, каждый раз новая напарница. Да кадрили та не такая, как *щас*. Мне теперешние эти шуры-муры не нравятся» (Кудряшова В.М., 1925 г.р., с. Кага).

* * *

7. «Называли *посиденки*. Идешь в *посиденку* в эту, с Семенова дня они начинались. Тут и картошку копаешь, и в колхозе работаешь. И обязательно *засиживаешься* на *посиденках* с *маргалушкой*. Вяжем кружева, прядем, вяжем носки, чулки. А если пришли ребята, да мы их пустили, они занимают стол с *маргалушкой*, а мы уж на пороге сидим, вяжем, а они в карты режутся. Песни пели, балалайка была. На *посиденки* обычно ходили с 15-18 лет и до 25, пока замуж *не уйдешь*. Вот сидишь: чулки, носки – мое дело, шерсть прядешь, а ведь лапти носили, валенок не было, а в лапти нужно двое чулок и носки. Подруги, три у меня, пойдут снимут какой-нибудь дом, или у меня сидели, а то пойдут к какой-нибудь вдовушке, скажут: «Пусти, мы тебя дровами снабдим». Она отвечает: «Ну, конечно, *айдаме*». А парни в карты наиграются, а когда их домой начнешь отправлять, они ночевать просятся. Вот, примерно, ты меня заметил, ты со мной хочешь ночевать и товарища подсылаешь: «*Поди* к Таньке, скажи, что я буду с ней ночевать». Подумаешь, подумаешь, возьмешь да оставишь ночевать. А ночевали на дерюге – это половики, сшитые в три ряда, *хлопичные*. Одну дерюгу на пол подстелишь, а другой оденешься. По шесть человек, три парня и три девки. Спать ложишься *одемии*: кофта с рукавами, штаны не носили, юбка длинная, а парень в рубашке, в брюках обязательно, такого охальства не было, была честная любовь. Даже не целовались, если только *жалелись*. Если парень задумает поцеловать, он такую пощечину получит, чтоб знал свое место. Дружили по три-четыре года. Песни всякие пели «Потеряла я колечко», но в основном частушки; какую тему не тронь, на нее частушка, много колхозных было. Танцы были, пляски, сербиянка, как парни появляться стали после войны. Танцевали по кругу, а в основном танцевали *кадриля*. Выходит пара парней, до шести пар бывает, парни выходят, выбирают себе девчонок, как топнет ногой: «Маня Дронкина или Таня Калиничева» – *выходишь*» (Калиничева Т.Е., 1928 г.р., с. Кага).

* * *

8. «Сдвиженье 27 сентября, всё с огородов собирают. Покров 1 ноября по новому стилю, Бог землю покроет.

На посиделки собирались, чтобы весело было. Девчата *прядут*, ребята ходили ждали до тех пор, пока девки работы не *одолеют*. Потом ночевка, но озорства не было тогда.

Супрядки: женщина-хозяйка *зовёт* помогать, потом тебе *будут* помогать.

Если парень попросится на *нощевку*, а его не оставят – *знащит*, *щайник* повесили. А если парень придет на *нощевку*, *поляжит* 15-20 минут и *уйдет* – *знащит*, *щүүунок* повесил. Или девка так же. Так спокон веков шло. Били девку иногда. Это *када бывает* долго *дружить*, а потом с другим – ей и *попадет* на *щай*, на сахар.

Кадриль танцевали. Самый большой: шесть пар с одной стороны, шесть пар с другой стороны. Еще в *иуру иурали*, названия не помню: садятся, шапки *кладут друу* на *друуа*, *прыгають* через *уолову*. Сколько шапок сшиб – за ноги и по *заднице* столько же раз ремнём. А там уже пошли вальсы, *дрыуанцы* пошли, кадрили отменили» (Сухов Н.П., 1929 г.р., с. Кага).

* * *

9. «На *Кузьмишки* – обязательно пельмени, закон был такой. Соберутся девки, может, мальчишки. Ты – муки, *друуая* – мясца. *Хулиуанства*, озорства такого не было. Соберется группа большая. *Иурали*.

Посиделки – ребята *придут*, запросятся ночевать, кто понравится. Собирались у одинокой женщины, керосину приносили, дрова кололи» (Стрелкова А.К., 1922 г.р., с. Кага).

* * *

10. «Кузьминки отмечались 1 ноября. Это у нас был девичий праздник. Девки наряжались, приходили парни с гармошкой, и девушки пели, плясали. Это называлось «ссыпались», сходились, значит. На ссыпках собирались все вместе, ночевали с кавалерами без дозволения лишнего.

Михайлов день 8 ноября. Девушки тоже «ссыпались», собирались все вместе. На Михайлов день собирались в отдельной избе, до двенадцати часов пели, плясали. В этот день было много «глядельщиков» – старух, детей. Они заходили в избу, глядели на молодежь и уходили. Потом молодежь оставалась ночевать» (Плохова Е.И., 1904 г.р., п. Ломовка).

* * *

11. «Вот у нас раньше была Кузьма. Придет этот 14 *ноябрь*, вот девчонки ссыпаются в ссыпки. Нам не охота, я уж больно бойкая была. Говорила маме:

– *Мам, с чаво же я соберуся*, ведь все будут плясать.

– Санька, ну в чем же я тебя провожу-то, *нету* ничего, все *холщево*.

– Мама, как мне *охото*, там гармонь, пляшут девчонки, поют и мне *охото*.

И все равно уйду. Там через дом или два пляски идут.

Вот бегали по улицам, зацепимся рука за руку и бежим – *кóндалы*. Бежим, бежим, по одной улице пробежим, по другой бежим. В «Дрему» играли:

Сидит Дремушка на стульчике,

Плетет Дремушка *шалковый* поясок.

Не столь плетет, сколько времечко ведет.

Не пора ли Дремушке со стульчика слезать.

Не пора ли Дрёме красну девку выбирать.

Котора девка нравится, берет и сажает на стульчик. Играли с 8, 7, 10 лет. Когда дома бываю, приеду если я из *няньюков*, из этих уж *командывают* тут. Вот играли в «Дрёму». А *дремушка хыть* кого выбирали, парня ли, девку, *хыть* кого.

Раньше играли в бусинки. Мы девчонки маленькие землю швыряли, бусинки в землю положим, разделим на четыре кучки. Кто отгадает, в которой кучке эта бусинка, той бусинка и досталась.

Кузьму вот пели:

Кузьма-Демьян *вперед*,
Михайлов день *позаде*.

Пляшем, когда гармонь *играт*, когда нет – сами за руку и пляшем. На Кузьму-Демьяна квас делали, квасом этим угощали. У меня отец рассказывал: девки пироги пекут, на печь ставят, а мы лазим. Кузьму называли девичьим праздником» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., п. Тирлян).

* * *

12. «*Пельменнищали* на Кузьмишки 14 ноября. Тут уж, бывало, *мяса зарезжут*. Артелью собирались в какой-нибудь дом. Ребятишки с *уармошками*, и *напляшимси*. Девки – так *ще-нибудь сташимси, настряпаемси*.

Кадрель, бывало, плясали. Шесть *фиуур* было. Пятая вот плясовая. Парни *стоять*, а девок *заставляют* плясать под русскую. Так ведь все шесть *фиуур* и все *разно* пляшешь, всяко, по-разному. Раньше-то *ти уурали* ведь в Дрёму-та, до нас это еще, а мы-то уж нет. Вот и не помним эти старинные *ууры*, нам-то и играть-то некогда было» (Логина А.В., 1927 г.р., с. Кага).

* * *

13. «Мать рассказывала, что они собирали вечера на Кузьму и Демьяна. Собирались обязательно в бане. Квасу *наворют* и вот так приговаривают: «Кузьма-Демьян, Кузьма-Демьян *впереди-впереди*». Молодежь собирали и пекли курник, пирог с мясом. Это *еще* матери наши были» (Благова А.А., 1915 г.р., п. Тирлян).

* * *

14. «День Козьмы и Демьяна празднуем. На этот день девки *ворили* квас: в печи его парили, в *бочата* выливали. Приходили ребята. И говорили все у нас: «Ну, Козька-Демьян, скоро девки будут *ссыпаться*». Значит, *ссыпать* – собирать все, у кого что есть, квас там, салат. Все это специально было в избах, которые побольше» (Гаврилова А.Н., 1923 г.р., п. Тирлян).

* * *

15. «На Кузьму гуляли, но я не ходила, я еще была мала, меня мать-то не пускала. Смотрели ходили, вот мы девчонки, смотрели. На Кузьму можно было ходить лет с 15, а младше нехорошо. На Кузьму, ну, там *собяруться, играют, танцуют*. Как это раньше было, *кадрель*, что ли. В игры играли. Глаза завяжут, загадывают друг дружку, вот и бегают. Я-то нет, не играла. Дремушку на стульчик сажали, да пели *яму*. Ну, побольше, *те* девчонки:

Сидит Дремушка на стульчике,
Плетет Дремушка *шалковый* поясок.

Это я помню. На стульчик хоть *каво посодют*, *двячонку*, мальчишку ли» (Королева М.Ф., 1916 г.р., п. Тирлян).

* * *

16. «Первое время на *Кузьмишки* ходили. На свадьбу и на проводы *девцаты* не ходили, на *Кузьмишки* только. На свадьбах только мужчины и женщины. А ведь *щас* молодежь в первую *ощередь* за стол садятся. Раньше отец с матерью ходили везде, а мы нет – дома сидели» (Артемьев В.Л., 1926 г.р., с. Кага).

* * *

17. «Особки устраивались осенью в Михайлов день. Заранее кто-то отдавал под особки свою избу. Девушки приходили туда раньше, чтобы приготовить курники, пироги с мясом. Рассаживались по лавкам, вышивали и пели песни. Позже приходили парни и тоже садились на лавки. Вышивая, девушки обвязывали платочки как подарок тому, кто приглянется. Потом вставала одна девушка, подходила к любому парню со словами:

Сидит Дремушка во стульчике,
Не столь плетет, сколь дремлет она.
Плетет Дремушка шелковый поясок.
Пора другу со стульчику встать,
Пора другу девицу выбирать.
Бери ее за правую руку,
Сажай на коленочки себе,
Целуй её, сколько хочется тебе.

Все разбивались по парам. И ничего зазорного не было в том, что парень девушку целовал» (Щелыгина М.Ф., 1908 г.р., п. Ломовка).

* * *

18. «Кузьма и Михайлов день – девичьи праздники. Девчонки собирали ребят. Собирались на дому – плясали, пели, играли.

На посиделках позже одиннадцати вечера не задерживаться. Сидели на особках у кого-нибудь на квартире. Играли в «Дрёму», «Лапту», мяч, в «Чучу»*, в камешки, в «Черту», хороводы водили» (Медведков Н.П., 1925 г.р., Медведкова Е.Г., 1925 г.р., п. Тирлян).

* * *

19. «На Михайлов день пироги с мясом носили. Приходили люди глядеть. Девушки на скамейки вставали, чтобы на них глядели. Плясали под гармошку. Частушки пели, песни про любовь обманную пели, ну и другие.

* «Чуча» - игра в городки.

Играли на особках. Конечно, было. Посадят парня на стул и ходят вокруг: «Сидит Дрема на стульчике...» Кого выбирает, того на колени ему и целует. Еду приносили с собой: пирогов, курников» (Штырляева А.А., 1924 г.р., п. Ломовка).

* * *

20. «Посиделки были. Особой избу называли. Ребята к *им* придут *посиденничать*. Девчата прядут, кто вяжет, квасу наделают, *вечеруют*, вяжут. Девчат без дела не пускают, обязательно прядут или вяжут.

Особа – дом. Если я живу, баня если есть, если свободна – особа. Или одиночка есть, ей на салазках дров привезут, *затопют* и сидят там прядут, или в бане, или в пустой избенке. На вечерки ходили кадрили плясать. И в Святки они были, и в такие дни. Ребята приглашали девок в свои избы. Плясали, играли в стулья. Один сидит, другой спрашивает:

– *Че* ей сказать?

Кавалер посылает её:

– Пусть идет звезды считать.

Она возвращается:

– Их там не пересчитать.

– Но сколько? – он спрашивает.

– Пять.

Пять раз должен парень поцеловать её. Потом меняются» (Оглоблина Т.В., 1930 г.р., п. Тирлян).

* * *

21. «На особки играли в «Папу Римского». Парень и девушка сидели на стуле, а вокруг них водили хоровод и пели песни любые. Парень с девушкой, после того как песня спета, называли новую пару. Обычно это были парень с девушкой, которые дружили или друг другу нравились. Новая пара садилась на стул, и игра начиналась заново» (Колесникова Е.П., 1915 г.р., с. Узян).

* * *

22. «Особки? Были, были. Это раньше девки сидели. Зимой *сидять*, а летом на *лавошки* *выходить*. Вроде как-то по холодку собирались. Девчата ходили на особки, по моему, и в четырнадцать, и в пятнадцать, и в шестнадцать лет и старше. *Хто* ведь это дело любит, а кому и ничего не надо. Бывало, девки *скажут*: «Топить-то надо, холодно ведь». И дров беремья *унесут*. Собирались везде. Но чаще там, где одна женщина жила, вдова, например.

Ой, *че* только не делали на посиделках-то. И пряли, и вязали, носки вязали, кружева, скатерти... Кто чего делал, ни один без дела не сидел. Бывало, *рассядимси* в избе и запоем...

И песни всякие пели. Не вот что частушки, а протяжные. Сидишь вот, *че-нибудь* делаешь и поешь. Бывало, и застольные пели, и «Калинушку», и «Шумел камыш», *тада* и «Потеряла я колечко»... Их пели-то сотни, *тыщи*, не больше и не меньше.

Танцевали сербиянку, фокстрот, вальс. А летом с *уармонью* артелью ходили, кадрили танцевали. Он у моде был. Никакого *ууошшенья* сроду не было, тем более вина. Ведро с водой на стол – и *айда* пошел. У Миньки Андриянова гармонь всегда была с собой. Он и хлеб молоть с ней, и в поле с ней, и на улицу – *всеуда* с ней. *Эт* теперь её не услышишь. А у *Святки* не делали по вечерам *нищего*. К примеру, не *рукодельнищали*, *уадали* только да у карты *иурали*. Петь – всегда пели.

Бывало, на посиделках пели:

Пройду ль я, выйду ль я,
Пройду ль я, выйду ль я
Во доль, во долинушку да,
Во доль, во широкую.

Парень подходит к девке, они ходят по избе.

Сорву ль я, вырву ль я да,
Сорву ль я, вырву ль я да
С винограда ягоду,
Да с винограда винную.

То ли мне не ягода,
То ли мне не винная.
Я цветочек сорвала,
Я веночек совила.
Я на молодца гляжу,
Да я на молодца гляжу:
– Скажи, душа, скажи, цвет,
Скажи, любишь или нет?
– Я любить-то не люблю,
Я любить-то не люблю,
Да наглядеться не могу,
Да наглядеться не могу.

Пойду ль я, выйду ль я,
Пойду ль я, выйду ль я
Во доль, во долинушку да,
Во доль, во широкую.

Потом выходит другая пара и все повторяется (Осипова М.В., 1928 г.р., с. Кага).

* * *

23. «Собирались мы у вдовы. *Обыцно* шесть девок нас было, и парни приходили. Дров соберем, затопим и пряли сидели. *Ребяты* шли табуном. Как только они *заходять*, мы прялки бросали и плясать *нацинали*. А потом все парами спать ложились. Бывало, от самого стола до залавка *валеж* был. *Махера* с *махерином*, ухажерка с ухажером, так *тоуда* назывались они. А пели мы под *уармошку* прибаутки:

Милый мой, не беспокойся,
Одного тебя люблю.

Ты изменушки не бойся –
Никогда не изменю.

Будешь, миленький, жениться,
Сделай вечеринушку.
Не думай, не приду,
Не выроню слезинушку.

Хочет миленькай жениться,
Он не *хочет* меня брать.
Он не *может* переспорить,
Лиходейку – свою мать.

Давай, милый, поменяемся
Серебряным кольцом.
*Дорогой, будешь жениться –
Не спомянешь под венцом»*
(Аксенова П.А., 1920 г.р., с. Кага).

* * *

24. «Сидит Дремушка, сидит Дремушка
На *стулицы*

А ребята сидят на стуле, а *девки кружком ходят* около их:

*Плететь Дрёма
Шалковый пояс
Пора Дрема, пора Дремушке
Дремати,
Пора Дрёме уставати,
Шалковый пояс
Доплетати.
Вставай, Дрёма,
Бери, Дрёма, кого хочешь.*

Тут парень девушку *ловить*, какую ему надо. Вот он *ловить, цалуить*, а потом опять *пускаит*. Опять пошли «Дрёму» *ету кружком*. Так вот когда сидим, сидим на *посиденках*:

– Давайте, девки, «Дрёму». *Ребята, «Дрёму» будем ирать?*
– *Айдатя*, девки, «Дрёму».

Щас сташишуть скамейкю там, стула. Уселися кружком ребята, а мы около их, и пошли «Дрёму». И вот «Дрёму» споём, они схватють каких девок им надо, *поцалуют*. Опять *нацинаем»* (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Авзян).

Казачьи станицы

* * *

25. «Вечёрки начинаются с Покрова дня, с 14 ноября. В клуб не ходили, а выкупали дом у вдовы. На вечерки ходили с 15-16 лет. Парни приходили. Деревня делилась на два края: Ильдяк, Малолек. Парни с одного края не должны были ходить к девушкам другого края. Раньше на вечерках девушки пряли, плясали, *каравод* водили. В каждом *караводе* по 15 девушек. Первый танец – кадрили, потом краковяк, сербиянки. У каждого *каравода* было своё название: разведенки, если в *караводе* была разведенная женщина, сиделки, рыжи, если одна рыжая есть в *караводе*. Вечёрки были до поста. Потом ходить не разрешали» (Соколова А.Д., 1928 г.р., п. Краснинский).

* * *

26. «14 ноября, в Кузьминки пекли пироги с ягодами, изюмом, вишней. Несли на вечерки. Вечёрки проходили, где *сымешь*, у одиноких женщин. *Проказили*, пироги могли украсть парни. Танцевали кадрили. Вечёрки *всяко* были, и до утра, *которы* и у бабки и ночуют» (Копырина М.В., 1915 г.р., п. Краснинский).

* * *

27. «Семик-то – это вечерки *разны*, вот на праздники – на Покров, Кузьминки, все семики начинаются в октябре. Девки пирог с мясом пекут. Избу у какой старушки на зиму откупаем. Я на семик-то ходила. Мы пели «Чечётку» там, девчонки соберемся и пели эту песню. Улицами собирались, нас вот человек двадцать было» (Сурменёва А.П., 1923 г.р., с. Арси).

* * *

28. «Соберётся девчонок семь-восемь – хоровод, сегодня у одних посидим, завтра у других. Больше пряли, вязали. Парни приходят, баловались: «Сосед мил-мил, *чё* купил». Всякие игры были. Нас называли голуби, хорошие были. А были – свиньи, коровы, мартышки – всякие.

Танцуют кадрили, потом парней проводим, надо прясть. Норму делать надо. И по месяцу пряли*.

Специально одиночки женщины были, пускали. Это откупные вечерки. Дрова ей привезут, пуд пшеницы. Вечёрки до двенадцати, а то и ночевать оставались. Парням скажем: «Уходите, нам надо спать», – а сами начинаем беситься. Они в окошко подсмотрят, в следующий раз не уходят» (Мельникова Е.И., 1913 г.р., п. Краснинский).

* * *

29. «На вечерки пряжу брали, вязали. Женихи рядом сидели, клубки разматывали. Лет по семнадцать нам было. Мама ругалась, если поздно приходили. «*Нахлыщу*», – говорит. *Сёдня* вечерки были у нас, потом у другой, так у всех по одному дню. Вечёрки были только зимой.

Посиденки – это то же, что вечерки. Только *посиденки* делали мы, как только вышли замуж. Когда молодые еще были. Также пряли. Только парней не было: мужья дома спят, пока мы на *посиденках*» (Головина В.Н., 1925 г.р., с. Великопетровка).

* по месяцу пряли – при лунном свете.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колесникова Евдокия Петровна, 1915 г.р., урожд. с. Узян, обр. нет. ЭК-5, 1994 г., п. 2, л. 5, записали Андрианова О., Легонькова В.
2. Рассказова Екатерина Николаевна, 1931 г.р., урожд. с. Узян, обр. 4 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 1, записала Старикова Е.
3. Савельева Анна Петровна, 1930 г.р., урожд. с. Узян, обр. 4 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 7, л. 9, записала Старикова Е.
4. Габова Евгения Ивановна, 1909 г.р., урожд. с. Узян, обр. 1 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 5, записала Старикова Е.
5. Осокина Александра Павловна, 1924 г.р., урожд. с. Узян, обр. 4 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 11, записала Старикова Е.
6. Кудряшова Вера Михайловна, 1925 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-25, 2002 г., т. 3, л. 1-2, записала Засова О.
7. Калиничева Татьяна Егоровна, 1928 г.р., урожд. с. Кага, обр. 6 кл., с/з Перчаткиной Ю.И., 1999 г., л. 8-12.
8. Сухов Николай Петрович, 1929 г.р., урожд. с. Кага, обр. 7 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 46, записала Старикова Е.
9. Стрелкова Агафья Кирилловна, 1922 г.р., урожд. с. Кага, обр. нет. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 17, записала Осипова И.
10. Плохова Екатерина Ивановна, 1904 г.р., урожд. п. Ломовка. ЭК-11, 1998 г., п. V, л. 1, записала Смородина Л.
11. Чертихина Александра Федоровна, 1911 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. нет. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 24, записали Козырчиков В., Тимошенко А.
12. Логинова Анна Васильевна, 1927 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 7, записала Моисеева С.А.
13. Благова Антонина Андреевна, 1915 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 4 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 5, записала Моисеева С.А.
14. Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 7 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 17, записали Смородина Л., Гарипова М.
15. Королева Матрена Федоровна, 1916 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 2 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 10, записали Козырчиков В., Тимошенко А.
16. Артемьев Василий Леонович, 1926 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 18, записала Осипова И.
17. Щельгина Матрена Федоровна, 1908 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. нет. ЭК-4, 1993 г., п. 7, л. 1, записали Усаченко Ю., Чистякова М.
18. Медведков Николай Павлович, 1925 г.р., урожд. п. Тирляна, обр. 2 кл., Медведкова Елизавета Григорьевна, 1925 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. нет. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 12, записали Козырчиков В., Тимошенко А.
19. Штырляева Анна Александровна, 1924 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 7 кл. ЭК-11, 1998 г., п. № V, л. 12, записала Тюкавкина М.
20. Оглоблина Тамара Васильевна, 1930 г.р., урожд. п. Тирляна, обр. 6 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 9, л. 2, записали Моисеева С.А., Махмутова Л.

21. Колесникова Евдокия Петровна, 1915 г.р., урожд. с. Узьян, обр. нет. ЭК-5, 1994 г., п. 7, л. 7, записали Андрианова О., Легонькова В.
22. Осипова Мария Владимировна, 1928 г.р., урожд. с. Кага, обр. 5 кл., с/з Осиповой И., 1999 г., п. 3, л. 2, в/з к. 9.
23. Аксенова Пелагея Афанасьевна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл., с/з Осиповой И., 2000 г., п. 2, л. 1.
24. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-25, 2002 г., в/з к. 21, обработка Моисеевой С.А., т. 6, л. 26-27.
25. Соколова Агриппина Дмитриевна, 1928 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл. ЭК-12^а, п. 1, л. 5, записала Махмутова Л.
26. Копырина Мария Васильевна, 1915 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 4 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 3, записала Самигулина С.
27. Сурменёва Анна Петровна, 1923 г.р., урожд. с. Арси, обр. 2 кл. ЭК-22^а, 2001 г., п. 1, л. 1, записала Моисеева С.А.
28. Мельникова Ефросинья Ивановна, 1913 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, п. 5, л. 1, записала Чеканова И.
29. Головина Вера Николаевна, 1925 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 5 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 29, записала Чеканова И.

ЗИМНИЙ КАЛЕНДАРЬ

Зимний календарь в горнозаводских и казачьих селах представлен основными датами христианских праздников: сочельник 24 декабря (6 января) как завершение шестинедельного рождественского поста, Рождество 25 декабря (7 января), Крещение 6 января (19 января).

Вечером под сочельник (за три дня до Рождества, после пятого января) в горнозаводских селах выходили петь коляду. В казачьем селе Краснинский вспоминают «чететку», что пели рождественским мясоедом. Между тем, песня эта не календарная, а приурочена к колядованию в более поздний период. В экспедициях собраны разные типы колядных песен: песни-величания хозяина, его семьи с пожеланием богатства и благополучия (коляда, щедровка), песни-величания молодежи (таузень, чететка), шуточные колядки. Величальные песни исполнялись группой девушек, которые объединялись в уличные хороводы и обходили дома. Колядовали вечером под окном, но когда хозяева приглашали, заходили в дом.

25 декабря (7 января) – Рождество («коренной праздник»). Его особое значение определило систему предписаний (все чисто убрать, сходить в баню) и запретов поведения (не ругаться, не судить людей, не работать, можно свататься, но не жениться), что отразилось в рассказах информантов. Утром 7 января дома обходили дети, исполняя «рождественскую песню». При исполнении «Рождества» гостей обыкновенно усаживали на расстеленную у порога шубу, чтоб скотина велась, чтоб богатство было, на шубе и угощали. Устный характер бытования рождественского стиха, многолетний запрет на христианские обряды серьезно повлияли на текст, исказив его содержание.

После рождества («на третий день») до самого Крещения начинали ходить ряженые: *рядихи, ряженки, святки*; антиповедение которых («нагишом ходили, матерны песни пели», «ребятишек пугали») имитировало разгул нечистой силы: «Это что за черти, это святки пришли!» Среди ряженых были «страшные» персонажи (смерть) и «красивые» (цыганки). Особо запомнились случаи непристойного («перед нормально, а зад – голый») и страшного ряжения. Молодежь в святочные вечера играла в покойника: одного из группы кладут на скамейку, закрывают белой простынью и плачут, будто на самом деле. При ряжении персонаж «смерти» обматывали белой простынью, делали из картошки зубы, меняли голос, лицо обсыпали мукой (сажей). Когда рядились скотиной (в лошадь, корову, козла), выворачивали шубы, приделывали хвост - «и воют, и блеют, и орут». При ряжении лицо обязательно закрывали маской (тюлью), важно, чтобы ряженных не узнали, прятали волосы. В п. Ломовка голос при ряжении меняют и женщины, и мужчины. В Краснинске, казачьем селе, вспоминают, как под Новый год бегали за молодежью с палками и кнутами ряженые горбатые старички («мужики снаряжались»).

В полночь, главным образом на Рождество и Крещение, девушки гадали на замужество. Среди широко распространенных гаданий (по сторонам света, характеру шума, цвету вырванной шерсти) записаны тексты, основанные на более сложных символических связях, такие как замыкание на ночь девичьей косы (ведра с водой), пролезание под хомутом, выкладывание из лучин (спичек) колодца в голове у спящей девушки, хождение в полночь на кочерге (с кочергой) задом наперед за водой. Особо отмечено в материалах святочных гаданий пространство перекрестка, куда в полночь девушки приходили выспрашивать случайных прохожих о судьбе, слушать, в какой стороне залает собака (оттуда следует ожидать жениха), кружили друг друга.

6 января (19 января) водосвятие, главное событие Крещения. На реке во льду вырубали купель в форме креста (Иордань), ходили с иконами святить воду и купаться, «чтоб Бог здоровья дал». Того, кто рядился, «ходил святками», купаться заставляли. Дом старались осветить, над дверными проемами ставили кресты, изгоняя беса.

Горнозаводские сёла

* * *

1. «Коляда 5 января. Вечером собираемся и ходим «Коляду» петь. Мы маленькие ходили, и нам – кто гороху, кто воды.

Пели мы только «Коляду». На улице мороз, оденешь побольше чего и ходишь. Коляда пост оканчивает. Перед Рождеством в вечер если помолился на небо, то о чем молишь – все сбудется. Бог ждет рождения сына. В вечер перед Рождеством мама стряпала, а на Рождество с утра на заутреню. Мама потом дома поёт: «Рождество твое, Христе Боже наш...». Потом разговляемся чем есть. Рождество идет три дня – 6, 7, 8 января. Восьмого января до двенадцати часов. И мы, три сестры, утром ходили и пели «Рождество». Это 7 и 8 января. Полдеревни ходит. Все друг друга поздравляют. Святки сразу после Рождества, с 9 января до Крещения. Кто днем начнет гулять, но больше по вечерам. Кто святками ходил, того заставляли купаться в проруби. Так он, шайтан, образ человеческий менял.

Всю неделю по вечерам гуляли, а кто все Святки сидит да прядет и чешет. Как Крещение – так всё.

Кто чем на Святки снарядится. Животными хочешь рядись, кто цыганкой, *апайкой*, и идет ворожит, наговорит не знай *чо*. Вывернут шубу и *ходят*. «Страшно» тоже рядились. Маску страшную на бумажку, глаза вырежут и пугают. Кто мог – голос менял. Делай, что хочешь на святки. Была игра «в покойника». Запрещали отцы, матери. Это нехорошо, вроде тренироваться. Оденут покойником и ревут, а не вытерпеть, ревут-то *взаправду*:

Подходит теплое *леточко*,
А ты лежишь, *подружечка*,
Расцветут алые цветочки...» (Колесникова Е. П., 1915 г.р., с. Узян).

* * *

2. «Первым идет Новый год, потом Коляда, за два дня до Рождества. На Коляду соберемся, *дивно* нас, нарядимся *поплоче* и идем, ночью-то не видно, по дворам, по знакомым и поем. На Коляду не рядились и лицо не мазали. Просто оденешься и поешь:

Коляда пришла
Уперед Рождества,
Уперед Масленицы.
Мы ходили, мы искали,
Коляду святую.

Мы нашли Коляду
У Бешкоревых (например) на дворе.
Как Бешкоревых двор,
Поперед двора
Стоит бадья,
Бадья точеная, позолоченная.
Дай вам, Господи,
Лошадушку с жеребеночком,
Коровушку с теленочком,
Овечку с ягненочком,
Свинку с поросеночком,
Дай вам, Господи.
Уж ты, тетенька, добра,
Ленку горстку дала,
А ты, дяденька, *добер*,
Нам копеечку припер.

Поём только «Коляду», и нам дают.

Седьмого идет Рождество. Встанешь утром, оденешься чисто, хорошо, сам умоешься чисто и к бабоньке в церковь. А в церкви поёшь молитву специальную: «Христе боже наш, воссияй, свет божий и разума». Всех поздравляешь. Потом домой и за стол, разговляешься и мясом, и всем. Гости приходят, поздравляют, целуют, обнимают. Утром ходили по домам старухи, какие *шибко* бедные ... и пели «Рождество». В Рождество не рядились, не было такого порядка. Рождество – святой праздник, веди себя хорошо.

Потом до Крещения идут Святки. Вечером соберемся и *айда* гулять, нарядимся, с гармошкой идем. Без парней, одни девчонки да одинокие бабы. Нарядимся, разные юбки, одну выше, другую ниже, на голову платок или *скатерку*, *чо* есть. Морду *занавесим*, чтоб не узнали. В зверей парни вроде рядились. Да кто поймет в каких – шубу выворотят, измажут морду, и воют, и блеют, и орут, и всё. Кто мог, тот голос менял. Я – нет. Нарядились и баловались, песни пели, в окошки стучали. Стукнешь и отбежишь, хозяин или кто выглянет, а ты вскочишь, он испугается и заматерится. Парни баловали: и жопу выставят – выглянут из окошка, а он стоит, но так не нужно. Нехорошо. Ряженные как оборотни? Наверно, можно сказать. Не знаю. Кто пускал, заходили в дома, пели, плясали, хозяев смешили, ну баловались *всяко*. *Шутошные* похороны были один раз. Я на ферме работала, а у нас на Святки в деревне как раз проводы. А мы молодые, нам к парням надо, а начальник не пускает. Ну, мы со скуки положили одну. Укрыли её белой простыней, и давай выть в шутку, а потом *взаправду*. Прямо по-настоящему. Начальник отпустил, говорит: «Катитесь к черту». Рядились и гуляли не каждый вечер; вначале и как соберешься на неделе, и последний вечер до Крещения, а после уже нельзя. А так по вечерам собирались, прями и пели. Всё пели: и веселые, и грустные, старинные. Сейчас не рядимся; только, кто оденется мудрено, то говорят: «Ты *чо* как *святка* собралась?» А после Крещения уже всё – Христе Боже окрестили все, уже нельзя. А на Крещение воду святили, её пили – она как святая делается. Кто купается» (Бешкорева А. Г., 1919 г.р., с. Узян).

3. «Святки, когда январь. Рождество седьмого, а Святки на следующий день до самого Крещения. Если в воскресенье Рождество, то в пятницу Коляда. Колядуют: *ходят* по дворам и поют: «Пришла Коляда *наперед* Рождества, *наперед* Масленицы...». Я мала была тоже ходила. Нет, не рядились: как ходишь, оденешься и ходишь поёшь, а тебе за это что-нибудь дают. А рядились только на Святки. Потом Рождество, ходили в *церкву*, *молилися*. Придешь и разговляешься. Я, девчата, ходила, пела «Рождество».

На Рождество нужно всех поздравлять, не ссориться, не материться. Вот мужики напьются и даже дерутся – это грех в праздник рождения Христе Боже нашего.

Потом идут Святки, святые вечера. Веселый праздник. *Молоды* были, собирались вечером, и старые, и всякие, кто хочет. Нарядимся и песни поём, пляшем. Кто метлы в руки брал, палки и больше ничего я не помню. Пойдет артель – нарядишься, на лицо тюль, сетку, шубу *выворотишь*. На голову шапку, это когда парнем идешь. Брюки одеешь, лапти с *обортками*, усы намалюешь и идешь выплясываешь. Лицо кому надо мазали и страшно делали. Намажут черных полос, вот так (показывает).

Красиво наряжались. Возьмешь юбку с оборками, запон, а лицо все равно закрываешь. Зайдем в особку, нас старуха не узнает: «Это что за черти?» А мы выплясываем, её не пугали, но все равно страшно. А мы как заорем: «Это святки пришли!» Пугали парней, прохожих, на кого *ткнешься*. А по домам идешь:

– *Айда*, старуха, святки пришли.

– А *иде* они? Я их палкой!

А мы таким стучим в окошки и отбегаем, а парни снежками по окнам. Кривлялись, падали, изображали пьяных. Кого поймает встречного и в сугроб носом. Я знаешь какая была? Ого! Однажды играли «в покойника». Нарядили Дусю, подружка моя была, в покойника. Во все белое, платочек белый подвязали, кругом стали и завыли. Да так жалобно. Начнешь выть – все соберешь. Шутили-шутили. А на следующий день у неё температура под 40°. Когда выли, тут хохотали под окнами старухи, и вот нахохотали. И у меня под 40°, и сон снился всю ночь, будто *голанку* ломают много людей, черные такие, и душно мне.

Пугали. Я озорная была, соседку запугала вот как: стукнула в окошко и присела, а она морду высунула, а я тут как тут, морду замазала мукой, шары выкатила. Вот она орала! А я бегом, а она аж на крыльцо и *матюгов* мне в спину. А одного я напугала: постучала в окошко и стою кланяюсь. Дерюгу одела на себя, на лицо белый платок: «Господи, ... твою мать, господи, ... твою мать». А он шары вылупил, а я бежать. Шустрая я была, у-у-у.... Один раз надела белые штаны, кальсоны, *холщевы таки*, *исподни*, белую накидушку на плечи и на морду спустила. Иду сверху. Бабы в окошко вытаращились, а я иду: «А-а-а...», так протяжно, а уж ночь *пошти*. «Это чо такое?» А на следующий день говорили: «С могильника мертвый шел».

Играли и *шутюшные* свадьбы. Выбирали невесту и жениха. Парни идут на двор, мы невесту *скатеркой* накроем, а они там свистят, стучат, жениха будто везут. А мы: «Ох, не было, нет, ох, не было, нет, ох, нае-е-ехали...» Там разные присказки, я и не помню уже. Потом жених приходит и говорит: «Преклоню красну девицу до самого пояса». Мы начинаем поцелуи торговать – пока всех не поцелует, не отдадим. Потом мы все

за стол сядем, а он с ней. Сидим, пируем. Потом что-то про четыре уголка говорили. Танцуем, свадьбу как празднуем.

На Крещение ходили на Галкин колодец: вода хорошая, святят воду, нальешь её в бутылочку. Она стоит год-два, а откроешь – она духами пахнет. Парни, кто хотел, купались. А мы руки окунем, кто лицо» (Бочарова Е. М., 1909 г.р., с. Узян).

* * *

4. «Накануне Рождества, под Сочельник, поют «Рождество». Сочельник 6 января. От звезды до звезды не едят. Под Сочельник пели «Коляду» вечером. Подходят, под окно становятся и поют:

Коляда, Коляда
Накануне Рождества.
Мы ходили,
Мы искали
Коляду светлую
Мы нашли коляду
В (таком-то) дворе...

Когда *проколядушили*, тут хозяин сразу выходит и выносит что-то. А тот, кто поёт, в дом не заходит. Хулиганили *всяко*. Воду в стакан наливали, сверху семечек кидали и в карман выливали. Озорничали, в снегу валяли. А хозяин может пригласить в дом к себе и угостить чем-нибудь.

Так как рождественский пост, ели пшеничную кашу, рис с изюмом – *сочел*. На Рождество поют «Рождество» утром. *Заходят* в дом – хозяин шубу подстиляет. Это чтоб скотина велась. Сажали на шубу и угощали» (Бармина К. А., 1934 г.р., с. Кага).

* * *

5. «За три дня до Рождества пели «Коляду». Эту «Коляду»-ти пели *вещером*, ходили славили. Это уж все: и *маленьки*, *которы* и *стары* ходили славить. Им там *семещек насыпют*, али ещё *щё дадут*. 7 января утром ходили петь «*Рождество*».

Святки – две недели после *Рождества*. Тогда вот ребятишки *бежали пууали* под окошками. Так *щё-нибудь машуть* в окошки. А *вещером-ти уж* тёмно, страшно. Вот *пууали*, это *пууали* в Святки» (Логинова А. В., 1927 г.р., с. Кага).

* * *

6. «Коляду» пели, и *щас* ещё ребятишки бегают под Рождество *поють*. Её *вещером поють*. Раньше баловали, давали и есть, сверху *семещек насыпют*, внизу вода. И ребятишки, и взрослые ходили, и *девцата*, и ребята. Вместе ходили.

Рождество отмечали. Пели «*Рождество*» утром. Дядя, *покойнищик*, жадный был. Пришел я «*Рождество*» петь, а он закрылся, а я пролез, спел. Он мне: «Ты, ё-мое, как ко мне попал? Я те рубль дам, только скажи!» Утром люди приходили. Я небольшой был: «Открывай *сундушок*, доставай *пятачок*!»

На Святки баловали, мне отец, покойник, рассказывал. Не знаю, колдунья ли была, а свинья ходила. Её поймали, положили под короб, утром женщина оказалась. Гово-

рили: «В святки ходят поросятки». *Нощью* ходили колдунов ловили в Святки-то. Колдуньи под горой жили, вот там у нас» (Сухов Н. П., 1929 г.р., с. Кага).

* * *

7. «Колядовать по домам ходили, но больно-то не наряжались, больше песни пели:

Коляда-Коляда, где была?
За воротами.
А ворота где, где?
Вода снесла.
А вода где, где?
Бычки выпили.
А бычки где, где?
В тростник ушли.
А тростник где, где?
Девки выломали.
А девки где, где?
Ушли.
Дай Вам, господи,
И скота, и живота,
И куриного пера.
Дай вам кобылу с жеребёночком,
Бурёнушку с телёночком,
Овечку с ягнёночком,
Бабушку с ребёночком» (Ёлкина М.Д., 1926 г.р., с. Кага).

* * *

8. «Перед Рождеством и Святками избу *моют, стирают*, чтобы чисто было. За три дня до Рождества Коляду *поют*, а на Рождество «Рождество» *поют*. В Рождество ходили в *церкву*. В Святки вечерами ничего не делали, а играли в карты и в шашки, которые делали из липы. Всего их было десять штук, если кто проигрывал, то *щелбаны* ставили. В святые вечера нельзя было заплатки пришивать, а то ягнята будут пегие, в пятнышко.

Рождество праздновалось с 25 декабря по старому стилю и 7 января – по новому. Празднуется Рождество после шестинедельного поста, в который не *едят* скоромное, а потом на Рождество разговляются» (Васильева А. А., 1905 г.р., с. В. Авзян).

* * *

9. «Коляду» поют вечером, а «*Рождество*» – утром. А «Рождество» ходят петь – на полшубок сажают, чтоб овечки *велися*.

Рядились в Святки. Сажай измажешься. Ряженые пели частушки и плясали, чтоб не узнали, маски делали. Иван Платоныч встал на ходули, замотался белой *простыню*. Он *высокой* на ходулях... А мы как убежали в садок. А он шутник! Ходули с метр, мы перепугались» (Петрова Е. С., 1935 г.р., с. В. Авзян).

* * *

10. «Колядки справляли под Рождество. Раньше ходили петь «*Рождество*» утром. Женщины должны петь «Колядки», а мужчины – «*Рождество*», так как Иисус Христос родился. Заходят на порог, садятся на овечью шкуру, чтоб водилась живность, пели, добра желали. Подавали мясо разговеться.

Святки идут с 7 до 19 января. Ряженные ходили, юбку до полу одевали, шубу выворачивали. *Пужалы* – это так одевались, чтобы их не узнали. Ребят убирали, чтоб не напугать, а то один заикой остался, как ряженных увидел. Мазались сажей, одевали маски» (Щерепенькина М.В., 1926 г.р., с. Кага)

* * *

11. «За день до *Рождества* поють «Коляду».

Коляда светлая, пришла Коляда
Уперёд Рождества, уперёд масленицы.
Мы ходили, мы искали
Коляду светлую.
Мы нашли коляду
У (Лещёвых) на дворе.
Там стоит в бочке
Полно мёду налито.
Хозяйка и хозяин,
Открывай сундучок,
Доставай пяточок.

И ходим вечером поём. Мешочки *дадут* нам. Бегаем со двора на двор. Даже двери *закрывают*: *надоедят*, бегают друг за дружкой. А на *Рождество* *ходят* поють «*Рождество*». Утром рано: «*Рождество* твое, Христе Боже наш во сиянии...» Тоже подаешь им. А «Коляду» *идут* петь – кладёшь полушубок или кафтан какой, кофту им под ноги, чтобы куры велись. И вот за *Рождеством* уже мясоед – Святки. Это в карты *играют* и снаряжены *ходят* *гадают*. И вот сколько недель бывает мясоед – *кода* семь, *кода* восемь – за Пасхой гоняется. *Усе* Святки тут ходишь, бегаешь по улице. *Деуки*, большие – пятнадцать-шестнадцать лет: «Бабка, как жениха звать?» К *Рождеству* дом *выметишь*, напечёшь всего, яйца накрасишь. Утром разговляешься. Мясоед пройдет – тут уже Масленица, Пасха. На Рождество в церковь ходили, икону по улице носили попы. Поп *идет* и тут «Божья мать» со двора на двор. Если *заплатют*, *зайдет*. А Святки, вот, ты ходишь ворожишь. У 12 часов *нощи* колечко кладешь.... Вот, когда пряли, ткали, в Святки – нет, нельзя, только в карты играли. Сидишь, играешь в карты, не *заставляют* ничего делать. Святки *пройдут*, тут опять начинаешь: кудельки, моты, хлопья, лён прясть, пражу» (Илисёва А.Г., 1915 г.р., с. В. Авзян).

* * *

12. «Ходили колядовать:

Коляд, Коляд, *колядница*,
Коляд, красная девица.

Угощали кутьей. Кутья – счастье в дом.

После Рождества на второй день начинаются Святки: ходят ряженые по избам. Рядятся в лошадь, корову, козла. Собираются ряженые в избах и ведут разговор, чтобы друг друга не узнать, а для этого меняют голос: мужской становится женским и наоборот. Девушки и парни вечера проводят на *вечёрках*.

Для вечеров снимают дом, где все собираются, сидят, поют песни. Ночевки на вечерах, *особках*» (Евсейчев П. Т., 1924 г.р., п. Ломовка).

* * *

13. «*Колядовщики* ходили на первый день Рождества. Заходят и кричат: Открывайте сундучки, подавайте *пяточки*,

Копейка – не грош, я парень хорош.

На *Рождество* готовили пироги с мясом, *али* ещё *чаво*, кто как может, у кого что есть. Перед *Рождеством*, в сочельник, *ходят* в баню. Три дня в *Рождество* нельзя работать, ходили с гармошкой по гостям.

На Святки ходили только вечером. Шесть-девять девок ходят со своими ухажерами: наряжаются, закрываются покрывалом, чтоб родители не узнали, чтоб не увидели.

Святки пройдут, будет *Хрещение*, постоянно 19 января. Батюшка ходит с матушкой и все дома святит, если просят его, конечно, не силком. Ему деньги давали, кто –стряпню. Во время *Хрещения* сами ставили на печке и окошках кресты: и в бане, и в сарае – себя оберегали, святили, беса гоняли и как бы из себя тоже беса изгоняли

Ряженые ходят на Святки, на третий день Рождества. И нагишом ходили, и матерные песни пели. Собирались, гуляли, а *топерь* нет» (Скворцова З.Г., 1932 г.р., п. Ломовка).

* * *

14. «Ждем праздника как Бога Христа. Хотели, чтоб денег побольше давали. Перед Рождеством *углишкой бесьё* выгоняли из дома. Ведь всякие ходили: и черти, и всякие. В ночь с 6 на 7 января соблюдали пост, ели *уорох*, а уже седьмого числа праздновали: ели, пили всё.

На Рождество ругаться нельзя, прясть нельзя, вязать, а самое главное, людей судить нельзя.

С иконами ходили. Мы с батюшкой* пришли на *Ярдань*, а один мужик прыгнул в ледяную воду нагишом, чтоб Бог здоровья дал. Я стояла с иконой» (Кожина О. Н., 1938 г. р., п. Ломовка).

* * *

15. «*Тауси, тауси,*
Кишки да лепёшки,
Свиные ножки.
Бабушка, бабушка,
Дай *косник*,

* с батюшкой – с местным попом.

Не дашь *косник* –
Утащу *волосник*.
Бабушка, бабушка,
Дай лепёшку.
Не дашь лепёшку –
Посажу в кадуюшку».

Пели около окошка, вечером. В избу не заходили. Ходили младше 15 лет, лет в 8-10» (Баранова У. И., 1926 г. р., п. Инзер).

* * *

16. «Рождество – оно все время в числе, строго 7 января. К Рождеству ставили ёлку, квашню. Тесто все ставили, пироги всякие пекли. В доме все чисто, всё вымоешь, выстираешь. В Рождество в гости ходили. Мы ходили по вечерам, *вязалки* вязали. А уж 8 января – на ссыпку, вязать нельзя. Сидим нарядны, косы заплетены с бантами, бусы и сидим, семечки грызем. Идут парни, мы встаем, их на свое место *сажам*. А сами танцевать начинаем, ходим кругом и *притопывам* и песни поем. Потом *сымали* наряд, берем веники и выметаем весь сор после семечек, убираемся, а парни на улице *ждут*. Тут хозяйка из печи курники вытаскивает, и мы все садимся. Вот съедим один, другой вытаскивает. *Ссыпаясь* по два дня на Рождество, два дня на Михайлов день, два дня на Кузьминки. После пирогов спать ложимся через одного. И ведь *ничаго*, не так, как сейчас.

А вот на заговенье парни нас ведут всех к себе на пельмени. На столе только пельмени, вином угощали» (Зарубина Е. А., 1927 г.р., п. Ломовка).

* * *

17. «Мы на Рождество пели: «Открывайте сундучки, доставайте пяточки ...» С нами папа ходил. Шкуры на ноги натянет или лапти наденет. А то *удильник* возьмет, вроде он рыбак. Папа наш пел вот *таку* песенку на *Рождество*:

«*Рождество* моё *чеботарное*.
Был у меня дедушка-рыбака,
Долотом долбил рыбу –
Выдолбил рака.
Поехал на нём за дровами,
Задел за пень, за колоду,
Простоял три года.
Ни *пимши*, ни *емши*, ни *завтракамши*.
Прилетела святая блоха,
Схватила его за *волоса*
И *потащила* на небеса.
На небе живут не по-нашему.
Церковь из калачей сложена.
Блинами покрыта.
Дьякон, дьякон по церкви не *вякай*.
Ступай на Алтай, там поболтай.
Идёт дяденька с *Кутиша*,

Несёт большой *кнутиша*,
Отнеси, господи.
Идет тётенька с *копом*,
Несёт блинов стопу.
Подай, Господи, Саловым, Удаловым,
Всем Помыкаловым, Руновым,
Гурьновым, Фоминым,
Сраминым и Санькам Зиминым».

Фамилии настоящие, не выдуманые. Нам пирогов за это *полну сумку* надают» (Зимица В. А., 1930 г.р., п. Тирлян).

* * *

18. «*Рожество*» пели. *Зайдуть хуть хто и споють утрецком. Хто поеть*, тому шубу под *ноуи* подкладывали: «Посиди». *Эт штоб овецки* велись. Не зря у нас *щас усе овецки* подошли. Не стали *нищегó* соблюдать, вот исход» (Стрелкова А.К., 1922 г.р., с. Кага).

* * *

19. «В святочные вечера играли, наряжались «смертью» и пугали ребятишек. Играли в «покойника». Он лежит на столе или на скамье, а ты вопишь, кто-то *начинат* причитывать, все подхватывают. Кто как вопит, кто хорошо, кто плохо, кто как может.

Крещение в числе, строго 19 января. По домам ходил батюшка и освещал дома. С ним были матушка и старушки, которые пели.

Сами мы в церковь не ходили. В Крещение ставили крестики везде – это сами себя освящали, оберегали, угоняли беса.

Парни ходили кучками, тобольские и сухановские дрались между собой из-за *девок*» (Скворцова З. Г., 1932 г.р., п. Ломовка).

* * *

20. «В Святки похороны изображали. Вот покойника несут, ещё что-то там. В избу заносили. Плакать, вопить надо, кто как может. На стол выкладывают.

На Святки «смерти» ходили, детей пугали вечером. В особках ещё мы были. Кругом пройдем. Человек нарядится смертью, зубы из картошек сделает. Во всём белом. Идет вокруг дома, где ребятишки сидят. Они вообще под койки залезут. Она их выгонит. Ну, девки попляшут, и всё – уходят.

Когда покойника несут, голос меняли «по-святочному» и начинали причитать: «Ох ты, боже мой, как тебя жалко, не с кем будет дружить».

Рядиха заходит и может делать *чо хошь*: может шутить, пугать. *Чо* смерть захочет, все делали. Берут *сломаны* балалайки и пугают. Мажутся, хвосты, крылья приделывают» (Кожина О.Н., 1937 г.р., Скворцова З.Г., 1932 г.р., Штырляев И.В., 1927 г.р., п. Ломовка).

* * *

21. «Играли в покойника. В субботу игровой вечер. Девушки *постряпуют* пельмени у кого водить. Наряжали покойника. В чем есть человек, закрывают белой простыней, кладут на скамейку и плачут, будто на самом деле. Покойником наряжали того, кто пожелает. Пели:

Кака была, кака стала
Подруженька любимая, золотая,
Как мы жили дружно,
Как делились во всём» (Щелыгина М. Ф., 1908 г.р., п. Ломовка).

* * *

22. «На Святки мы вот собирались и приносили, у кого что есть. Нарядами иногда менялись. Наряжались *рядихи* во все *обряды*, например, запон чёрный надевали, вышитый рюшами. Эти запоны *рядихи* носили только тогда, когда был большой праздник, и вот на особки на Святках. Как придут *рядихи* в дом, *которы* накрасятся, *которы* чулок на голову натянут, так что и не узнает никто. Мы ходили за линию – балалаек наделаем, и вот одна девушка играла, а все другие пели. А все ходили глядеть на нас, глядельщики это были. А мы все на лавки с девками встанем и пляшем. И все родители смотрят на нас. Бывало, родители парня девчонку ходили смотреть, хороша ли невестка. На седьмое готовили курники и угощали всех ребят, а они нас потом угощали пельменями. Были танцы. Ходим, например, кругом, а парни на нас смотрят. А если одежда плохая была, то мы прятались *куды-нибудь* в уголок, чтоб на народ не показываться» (Горелова Е.И., 1935 г.р., п. Ломовка).

* * *

23. Пришла Коляда вперед Рождества,
Вперед Масленицы.
Мы ходили, мы искали Коляду святую.
Мы нашли Коляду у дедушки (Ивана) на дворе.
Дай бог вам скотинушки, здоровья,
Детушек – на Святки».

Вон *святки* идут – это ряженые. Шубу наизнанку, лицо спрятано, платком завязано. Ряженые в снег толкали, когда *встречают*, *бегут* и *швыряют* в снег. Были в белых простынях, но смерть не навязывали. Зубы делали из картошки, нос тоже. На голову всё выворотит, как будто зверь какой *идёт*. Маленьких пугали. Хвост приделывали, лицо сажей мазали, мукой.

Ряженые ходили и днем, и вечером. Пели, *варюжку* подсунешь – где семечки *насыплють*, где воды» (Петрова В.Ф., 1914 г.р., с. Узян).

* * *

24. «На Святки ходили ряженые: обряжались в рвань, солдатское, мужские брюки. Лицо мазали сажей и помадой. Когда заходили в какой-нибудь дом, целовались с хозяевами и старались их измазать. Хозяева угощали ряженых» (Алифанова А.П., 1929 г.р., с. Узян).

* * *

25. «На Крещение ходили по домам, собирали печенье-кресты. Положено было отдать *хрест*. Пели:

Иисус Христос, подай мой крест.

Половинка говенья преломилась,

Кадушка с молоком прикатилась» (Щелыгина М.Ф., 1908 г.р., п. Ломовка).

* * *

26. «Когда здесь у нас была церковь, ходили на родник с иконами, набирали воду, поили скотину. Это делали на Крещение, святители воду» (Косарева М.Ф., 1930 г.р., п. Ломовка).

Казачьи станицы

* * *

27. «В Сочельник старались ничего не делать. *Постовали*, ели *скоромно*: семя конопляное, тыкву пареную, картошку. А на Рождество разговлялись. Обязательно на столе курник, блины, сыр. Приглашали *сватей*, всех родных. Пели песни, гуляли. Хозяева стелили шубу у порога – кто первым приходил в гости, должны были сесть на неё. Это делалось для того, чтобы овцы велись. Ребятишки рано утром ходили по домам на Рождество. Заходили в дом и говорили: «Здравствуйте, хозяин и хозяйюшка, с праздником Христовым». Пели песню рождественскую. Хозяева давали кусочек и обязательно *денюшку*, это чтобы деньги водились. На Святки ходили ряжеными. Мужчины одевали маски, ходили пугали людей, бегали с кнутами. Девушки молодые гадали: бросали валенок через ворота – в какую сторону покажет, там и жених живет.

А на Крещение, кто был ряженым, должен был искупаться в проруби, чтобы избавиться от греха. Тогда можно заходить в церковь. На Новый год зерно раскидывали. Заходили в дом, кидали зерно на *божничку* со словами: «Расти, пшеничка, до самой *божнички*» (Долганова Н. К., 1918 г.р., с. Кацбах).

* * *

28. «Сидим-сидим в квартирах где-то в Святки. «Пошли девчонки «Чечетку» петь?». «Пошли». Приходим, постучимся в окошко: «Тетенька, не спеть ли вам «Чечётку»?». Если скажет, споём. Ходили петь, у кого молодежь есть. Если тут одни мужики живут, чё к ним ходить. А специально не присматривались, знаем просто, что там парень есть. А другой раз даже и не вырос он. Хозяйка скажет: «У нас ещё и жених-то маленький, идите дальше к кому-нибудь, у кого взрослые парни».

Хороводы мы водили. Возраста разные, одни поменьше, другие постарше, и каждому хороводу было имя дано: чечётки, голубки, кнопки. Ребята приходили, не сидели у одних; посидят здесь, к другим пошли. Нас, например, называли *лещётки*. Я вот даже и не знаю, что это такое, вот так называли: «Пойдем к *лещёткам*».

«Чечётку» мы пели под окошком, на улице, ещё в 30-е годы ходили пели.

Что жила была чечётка,

Что жила была лебёдка
На боярском дворе. 2 р.

Посадили мы чечётку,
Посадили мы лебёдку
За решёточку. 2 р.

Ты сиди моя чечётка,
Ты сиди, моя лебёдка
За решёточкой. 2 р.

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка
Семь дочерей. 2 р.

Что и Дарью, и Марью,
Федосью,
Степаниду, Фульманиду,
Что седьмую Катерину,
Душу Катеньку. 2 р.

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе семь зятёв:
Ивана, Романа,
Евстигня, Лексея,
Дементия, Клементия,
Седьмого-то Лексея,
Душу Лёшеньку.

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе двадцать *внучиков*.

Два *сижня*, два лёжня,
Два поползня,
Два у лавочки стоят,
Два учиться хотят,
Две Акульки в люльке качаются.
Две Олюшки ко краюшке подвигаются.
Две Алёнки в пеленке лягаются.
Как на стулике сметана,
У сметаны два Степана,
Да два Стёпаньки. 2 р.

А в избу войдём, в комнату, тогда пели:

Во горенке, во новой, во новой,
Стоял стулик дубовой, дубовой.
На нём чайник золотой, золотой.
Лимонадом налитой, налитой.
К нему Ваня подходил, подходил.
Лимонада наливал, наливал.
Свою Маню угощал, угощал.
Вот, а Манечка пила, пила, пила.
Себе друга нажила, нажила.
Вот у Ванечки цепочка горит,
А у Манечки сердечко болит.
Вот болит, болит побаливает.
К себе Ванечку споманивает.

Нас после угощали, давали горох, семечки» (Таныгина Е.Д., 1916 г.р., п. Краснинский).

* * *

29. «Чечётку» пели на Рождество. Где *вечёрки*, *наряжуются* и туда заходили. Пели также:

Уж вы сени, мои сени,
Сени новенькие,
Сени новые кленовые
Решетчатые...

Теперь я уже и не помню дальше.

В Новый год старички ряженые бегали. Догонят ребяташек, *говяхи* считать заставят. Ряженые сперва хорошие ходили, потом страшные» (Лычагина Е.Г., 1910 г.р., п. Краснинский).

* * *

30. «Раньше ходили по дворам, пели «Чечетку». Девчонки соберутся. Выносили гороху, семечек, пшеницу. Пшеницу мы продавали и покупали семечки. Пели девчонки пятнадцать-шестнадцать лет. Сразу споем, под окошком. Хороший человек приглашал в дом, пели там «Клады голуби на рученьки...» Споём, спляшем и уходим к другим. Пели только в Святки» (Мельникова Е.И., 1913 г.р., п. Краснинский).

* * *

31. «Ходили пели «Чечетку» рождественским мясоедом. Ходили по дворам девчонки, сами пели – и под окошком, и в избе с пляской. Шли в первый дом, где парень есть.

Хороводы были, песни пели. «Суслики» – наш хоровод. Названия ребята придумывали.

Посадили мы чечетку,
Посадили мы лебедку

За решеточку.
Ты сиди, наша чечетка,
Ты сиди, наша лебедка,
За решеточкой.
Нажила себе чечетка
Себе семь дочерей
И Дарью, и Марью,
Акулину, Степаниду,
Сольманиду... (ну 7 штук).
А седьму-то Катерину,
Душу Катеньку.
Нажила себе чечетка
Себе семь зятьев
Романа, Степана,
Демьяна... (опять до 7).
А любимого зятя
Еремушку (забыла)»
(Копырина М.В., 1915 г.р., п. Краснинский).

* * *

32. «Чечётку» пели рождественским постом. По дворам к ребятам ходили под окошком петь. Постучишь, спрашиваешь: «Не спеть ли вам «Чечётку?». Скажут: «Заходите!». Выбирали, кому петь. По *робятам* ходили.

Увидали чечётку,
Увидали лебёдку
На боярском дворе.
Посадили чечётку,
Посадили лебёдку
За решёточку.
Ты сиди, моя чечётка,
Ты сиди, моя лебёдка,
За решёточкой.
Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе семь дочерей:
Дарью, Марью, Федосью,
Одиносью, Лохманиду,
Что седьмую Катерину,
Ты помилуй,
Сударь-барин,
Моих семь дочерей,
Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе семь зятьев:

Что Ивана, Романа,
Дементия, Клементия,
Евстигнея да Сифея,
Что седьмого Алексея,
Душу Лёшеньку.
Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе двадцать *внучатов*:
Два и сижня, два лёжня,
Два поползня,
Два у лавочки стоят,
Два учиться хотят,
Две Окульки в люльке качаются.
Две Агашки в рубашки наряжаются
Две Варюшки *ко* краюшке подвигаются.
Как на *суднике* сметана,
У сметаны два Степана,
Да два Стёпаньки.
Ты помилуй.
Сударь барин,
Моих двадцать *внучатов*.

После «Чечётки» величать надо было. Песней. А *щас* уж забылось это» (Воробьева А.А., 1909 г.р., с. Арси).

* * *

33. «Чечетку» пели девушки. Раньше хороводы ходили, вечером по дворам ходили. «Чечетку» пели всем знакомым. Сперва родным пели.

Хороводы по 6, 8, 5 девчонок. Наш – козы дикие. Как ребята подходят, мы убегаем. Вот нас и прозвали так – козы дикие» (Сысуева А.И., 1911 г.р., п. Краснинский).

* * *

34. «Нас рыжими дразнили, девчонка у нас одна рыжая была. Были *пеканки, краснушки*. Петь «Чечетку» шли туда, где жених был. Постучат, разрешения спрашивали. Бывало, у окошка попоем и убежим» (Дьяконова М.Г., 1936 г.р., п. Краснинский).

* * *

35. «После Кузьминок – Михайлов день, после него – заговенье, рождественский пост. Песни пели, на *вечёрки* ходили. Придешь, в окно *постукаешь*: «Можно «Чечетку» спеть?» «Пойте». Больше шли, где мальчишки. Давали морковных, репных *паренок*, конских «орехов» – для смеху. Всегда спрашивали разрешения. Если есть там парень, да хороший, то зайдите в избу и величайте. Величаешь, поешь да кругом пляшешь. Семечек дадут.

В десять-двенадцать лет пряли вовсю, вечером девчонок пять-шесть соберется, напряди и говорим: «Пошли, девчонки, «Чечетку» петь. А когда бывает темно, кто-нибудь из взрослых ведет.

Что жила была чечётка,
Что жила была лебёдка
На боярском дворе. 2 р.

Увидали мы чечётку,
Увидали мы лебёдку
На боярском дворе. 2 р.

Поймали чечетку,
Поймали лебёдку
На боярском дворе. 2 р.

Посадили мы чечетку,
Посадили мы лебедку
За решёточку. 2 р.

Ты сиди, моя чечётка,
Ты сиди, моя лебёдка,
За решёточкой. 2 р.

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка
Семь дочерей: 2 р.

Дарью, и Марью,
Катерину, Салманиду,
Степаниду...

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе семь зятьев:
Ивана, Романа,
Лисея, Евстигня...

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе двадцать *внучиков*:

Два сижня, два лёжня,
Два поползня,
Два у лавочки стоят,

Два учиться хотят,
Две Варюшки ко краюшке подвигаются,
Две Акульки в люльке качаются.
На столе стоит сметана,
У сметаны два Степана,
Да два Стёпаньки. 2 р.

Как старички в Новый год пробегут, потом девушки собираются. Юбки одевают по-цыгански: первая юбка ниже второй, вторая ниже третьей.... Штук пять. На грудь шалей кашемировых навяжут. Идут по улице, собираются у двора, на перекрестке останавливаются, начинают плясать, петь» (Грудинина А.И., 1910 г.р., п. Краснинский).

* * *

36. «До 14 января – красивые ряженые, цыганки. Одевали кашемировые шали, красивые старинные юбки, надевали накидки на лицо, тюль, вязанные кружева, чтобы не узнавали.

Приходили в дом, спрашивали: «Можно *святошникам* зайти?» Затем проходили, гармонист играл, все плясали. Потом открывали лица, здоровались. Их угощали семечками, горохом. Дети тоже наряжались.

В старый Новый год плясали на перекрестках, красиво наряжались, плясали на каждом переулке – краковяк, польку, *ойру*. Проходили всю улицу. Ходили только к своим, к родственникам. Просили, кто что даст, сильно не наглели.

После 14 января и до Крещения 19 января – страшные ряженые, надевали вывернутые шубы. Страшными ряжеными ходили меньше.

Коляда – хохлацкая, мы её не поём.

«Чечётку» пели после Рождества, на Святки, перед Рождеством петь грех. Ходили по всем домам подряд» (Соколова А.Д., 1928 г.р., п. Краснинский).

* * *

37. «А старички бегали в старый Новый год: на спине делали горб, шерсть и мотки не вешали. Бегали с *бадагом*, с палкой, заставляли *говяхи* считать. Если считаешь, то хорошо, молодец, в школу ходишь; а если нет – сиди и учись, не выглядывай» (Шеметова М. А., 1941 г.р., п. Краснинский).

* * *

38. «Под Новый год пели девчата. Вот приходим в дом: «Здравствуйте, пожалуйста, можно вам песенку спеть, да вашему сыночку». «Пожалуйста, дорогуши, запевайте». Вот мы и запеваем:

То не Волга-река разливается, *Таузень*.
Что Иванушка жениться собирается, *Таузень*.
Он на вороном коне, на *черкасском* седле, *Таузень*.
Кисейна рубашка, косой вороток, *Таузень*,
Вы *хозявушки*, *хозявы*, не *скупитесь*, *Таузень*,
Золотою казной, *поделитесь*, *Таузень*.

Вот он наш холостой, мы придем и будем петь ему: «Что не Волга-река разливалась, что он-то жениться собирался, он на *воронем* коне, на черкасском седле...». И они нас, хозяева, уделяли. Керосином, кто даст. А нам *чѐ*, раньше ведь не было *лектричества*, кто свечку даст. Свечку зажжем и сидим, и песни поѐм, и пляшем, и ещё *чѐ* делаем.

«*Таузень*» парням пели, возраст как подходит, и мы к ним ходили. «Здравствуйте, разрешите вам пропеть «*Таузень*?». «Пожалуйста, пожалуйста». Хорошо приветствовали. Споѐм, а они нас уделяют, «золотой-то казной»: то свечку дадут, то *керосинчику*. А нам это самое дорогое. Потому что мы сидим за делом. Нас провожают – пряди, вяжи. Пуховы шали вязали, а без дела тебя не пускают.

Мы ходили по своим ребятам, им и пели «*Таузень*».

Коляду пели, это у нас Рождество называлось. Это в детстве, меньше нас девчонки ходили пели. И мы пели, когда девчонками были. Взрослыми мы уже не ходили. Когда меньше была, с братьями ходила» (Плотникова М.И., 1911 г.р., Южакова А. К., 1911 г.р., с. Кацбах).

* * *

39. «Старички бегали на Новый старый год. Старичками снаряжались мужики в отличие от *кажимоток*. На перекресток соберутся и ржут. Горбы себе приделают. Шубу оденут, *подпоясаются*. Богатый пошире пояс оденет, да подлинней. Подвыпьют чуть-чуть. Бегают, народ стращают. А то вольют кнута* богатому, на кого обиду носят» (Сысуева З.Д., 1929 г.р., п. Краснинский).

* * *

40. «Старичками бегали на Новый и старый год. Я сам бегал в 20-30-х годах. *Снарядишься* и пугаешь мальчишек: «О-оо, о-оо». Они визжат, разбегаются, кто куда. Поймаешь одного, ради шутки заставляешь его конские *какашки* считать или палку глотать. Палку обливали водой и выставляли на мороз. Она служила посохом у старичков. Приставали старички к холостякам. Ребятишки бегали за ними, травили их. А одевались в шубу навыворот, горб приделывали, бороду, шапку.

В юности бегал, а потом вступил в комсомол. Такие игры не поощрялись. Комсомол был против этого. Меня и так тогда считали сыном врага народа. А комсомол был для меня святым. Потом не то что перестал участвовать в таких играх, но работал по их пересечению» (Сысуев Ф.Н., 1916 г.р., п. Краснинский).

* * *

41. «Были не только кажimotoк, но и старички. Старички бегали в старый Новый год, в Святки и в *Рождество*. Ими рядились люди разных возрастов – и мужчины, и женщины. Одевались подобно старичкам, обязательно бороду делали из шерсти или лохмотьев, чтобы сделать вид. Старички ловили молодых, валяли их в снегу или мазали сажей» (Осипова А.Ф., 1938 г.р., п. Краснинский).

* «вольют кнута» – побьют.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колесникова Евдокия Петровна, 1915 г.р., урожд. с. Узьян, обр. нет. ЭК-7^б, 1996 г., п. 4, л. 8-9, записала Малинина А.
2. Бешкорева Анна Григорьевна, 1919 г.р., урожд. с. Узьян, обр. 1 кл. ЭК-7^а, 1996 г., п. 4, л. 5-7; в/з к. 2, а/з к. № I, обработка Малининой А.
3. Бочарова Евдокия Михайловна, 1909 г.р., урожд. с. Узьян. ЭК-7^б, 1996 г., п. 4, л. 1-4, в/з к. 2, записала Малинина А.
4. Бармина Капитолина Алексеевна, 1934 г.р., урожд. с. Аскарово, в Каге с 1943 г., обр. сред. медиц. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 28, записала Осипова И.
5. Логинова Анна Васильевна, 1927 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 8, записала Моисеева С.А.
6. Сухов Николай Петрович, 1929 г.р., урожд. с. Кага, обр. 7 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 11, записала Старикова Е.
7. Ёлкина Мария Дмитриевна, 1926 г.р., урожд. с. Кага, обр. 5 кл. ЭК-7^а, 1996 г., п. V, л. 67, записали Белозерова В., Артемьева А.
8. Васильева Агафья Алексеевна, 1905 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. нет. ЭК-10, 1997 г., п. 10, л. 8, записали Бондаренко Е., Бедилова С.
9. Петрова Екатерина Спиридоновна, 1935 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 10, л. 9, записала Рожкова Т.И.
10. Щерепенькина Матрена Васильевна, 1926 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл. ЭК-7^а, 1996 г., п. V, л. 66 записали Старикова Е., Сергеева А.
11. Илисёва Анистья Григорьевна, 1915 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 10, л. 11^а, записала Бондаренко Е.
12. Евсеичев Петр Тимофеевич, 1924 г.р., урожд. г. Кустанай, в Ломовке с 1927 г., обр. 4 кл. ЭК-4, 1993 г., п. 1, л. 6, записала Шакирова Ю.
13. Скворцова Зоя Гавриловна, 1932 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 3 кл. ЭК-8, 1997 г., п. 3, л. 6-7, записала Борюшкина Л.
14. Кожина Ольга Николаевна, 1938 г.р., урожд. п. Ломовка. ЭК-8, 1997 г., п. 3, л. 12, записала Демина И.
15. Баранова Устинья Ивановна, 1926 г.р., урожд. д. Ирныкши Архангельского района, Башкирия. ЭК-19, 2000 г., п. 2, л. 8, записала Осипова И., в/к 15, обработка Дерябиной Е.Б.
16. Зарубина Елизавета Акимовна, 1927 г.р., урожд. п. Ломовка. ЭК-8, 1997 г., п. 3, л. 13, записала Пастернак О.
17. Зимина Валентина Александровна, 1930 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 7 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 2, записала Моисеева С.А., в/з к. 13, 14, обработка Моисеевой С.А.
18. Стрелкова Агафья Кирилловна, 1922 г.р., урожд. с. Кага, обр. нет. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 17, записала Осипова И.
19. Скворцова Зоя Гавриловна, 1932 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 3 кл. ЭК-8, 1997 г., п. 8, л. 14, записала Пастернак О.
20. Кожина Ольга Николаевна, 1938 г.р., урожд. п. Ломовка, Скворцова Зоя Гавриловна, 1932 г.р., обр. 3 кл. Штырляев Иван Васильевич, 1927 г.р., урожд. п. Ломовка. ЭК-11, 1996 г., п. 1, л. 1-4, в/з к. 1, обработала Малинина А.

21. Щельгина Матрена Федоровна, 1908 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. нет. ЭК-4, 1993 г., п. 7, л. 3, записала Рогожинская М.
22. Горелова Екатерина Ивановна, 1935 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 7 кл. ЭК-11, 1998 г., п. V, л. 18, записали Смородина Л., Тюкавкина М.
23. Петрова Вера Федоровна, 1914 г.р., урожд. с. Узян, обр. нет. ЭК-7^б, 1996 г., п. 5, л. 1, записала Старикова Е.
24. Алифанова Анна Прокопьевна, 1929 г.р., урожд. с. Узян. ЭК-5, 1994 г., п. 2, л. 4, записала Матвеева О.
25. Щельгина Матрена Федоровна, 1908 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. нет. ЭК-4, 1993 г., п. 1, л. 9, записала Рогожинская М.
26. Косарева Мария Федоровна, 1930 г.р., урожд. п. Ломовка. ЭК-11, 1998 г., п. V, л. 19, записала Темникова М.
27. Долганова Нина Кузьминична, 1918 г.р., урожд. с. Кацбах, обр. 4 кл.; с/з Янзаковой Л., 1999 г., п. 17, л. 5.
28. Таныгина Ефросинья Дмитриевна, 1916 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 6 кл. ЭК-12, 1998 г., п. 1, л. 3, записала Рожкова Т.И., в/з к. 1, обработка Дерябиной Е.Б.
29. Лычагина Ефросинья Григорьевна, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12, 1998 г., п. 5, л. 1, записали Самигулина С., Чеканова И.
30. Мельникова Ефросинья Ивановна, 1913 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 1, записали Самигулина С., Чеканова И.
31. Копырина Мария Васильевна, 1915 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 4 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 3, записали Самигулина С., Чеканова И.
32. Воробьева Анна Афанасьевна, 1909 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22, 2000 г., п. 5, л. 1, записала Чеканова И.
33. Сысуева Анна Ивановна, 1911 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 2, записали Самигулина С., Чеканова И.
34. Дьяконова Мария Григорьевна, 1936 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 2, записали Самигулина С., Чеканова И.
35. Грудинина Анна Ильинична, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 6-8, записала Чеканова И.
36. Соколова Агрипина Дмитриевна, 1928 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 5, записали Воскобоева Н., Махмутова Л.
37. Шеметова Мария Александровна, 1941 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. ср. спец. ЭК-12^а, 1999 г., п. 12, л. 10; п. 10, л. 3, записала Чеканова И.
38. Плотникова Марфа Ивановна, 1911 г.р., урожд. с. Кацбах, обр. нет, Южакова Анна Кирилловна, 1911 г.р., урожд. с. Кацбах, обр. нет. ЭК-8^а, 1997 г., в/з к. 8, обработка Дерябиной Е.Б., а/з к. 1.
39. Сысуева Зоя Дмитриевна, 1929 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 10 кл.; с/з Чекановой И., 2001 г., п. 4, л. 2.
40. Сысуев Федор Николаевич, 1916 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. ср. спец.; с/з Чекановой И., 2001 г., п. 4, л. 1.
41. Осипова Александра Федоровна, 1938 г.р., урожд. Горьковской области, проживает в п. Краснинский, обр. 7 кл.; с/з Осиповой О., 2001 г., п. 4, л. 7.

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ

Горнозаводские сёла

* * *

1. «Гадали косами: через косу *просунывали* замок, и вот *лягешь* спать, кто приснится – откроет замок – тот *жаних*.

Ешчо гадали как-то по бобам: берешь несколько штучек, раскинешь и гадаешь.

Или перед сном вымоешь полы, тряпку в мешочек и под подушку. И вот, значит, у кого порог будешь во сне мыть, там и живет твой муж» (Скворцова З.Г., 1932 г.р., п. Ломовка).

* * *

2. «Гадали на Рождество. Девчонками были, по пятнадцать лет, идем в хлев и ловим кур. Кого поймали, в избу заносим. Если курицу поймала, ведь сразу не знаешь, кого поймала, там ведь темно, и она в избе закричит, значит, свекровь злая будет, а если петух закричит, то свекор злой будет.

А еще ночью на родник ходили, что за кладбищем. В рот воды там набирали и до дому шли. Если донесешь воду и не проглотишь, значит, замуж в этом году выйдешь.

Камни со дна родника доставали. Если белый, то жених светлый. В общем, на цвет смотрели» (Гаврилова А.Н., 1923 г.р., п. Тирлян).

* * *

3. «Ведро на голову одевали, за ворота выводили. Стукнешься об столб – замуж выйдешь в этом году.

Гнёт¹ в ворота ставили. В *каку* сторону упадет, туда и замуж пойдешь» (Сорокина В.М., 1912 г.р., п. Тирлян).

* * *

4. «Мы гадали на *Рождество*. Колодец из спичек дома *складешь*, потом на речку, воды наберешь. *Оттудова* идешь, нельзя ни с кем ни говорить, нельзя и оглядываться. Приходишь домой и выливаешь *эту* воду. Я – себе, она – себе. И *ложисьси* спать. И это время ни с кем не разговариваешь; всё, легли спать, и вот кто тебе приснился, тот и *жаних* будет. Мне вот *приснилси* на черной лошади в гимнастерке, точь-в-точь мой му-

¹ «гнёт» - палка, сено возили

жик. А я ведь его не знала; приехала *суда*, увидела его – и прям точь-в-точь он мне *при-
снился*.

Курицу заносили и гадали: если она зерно начинала клевать – свекор будет *бога-
тай*, если зеркало – *хворсить* будет свекровь, если воду пьет – свекровь пьяница» (Ан-
тонова А.И., 1927 г.р., п. Тирлян).

* * *

5. «*Бастрик* кидают через ворота. Куда летит, туда и замуж идти. Ставили дугу, в которую лошадь запрягают, а за ней две шапки. В одну шапку клали ленточку, а в дру-
гую гребенку. С закрытыми глазами пролазили под дугой – на какую шапку наткнутся, то и будет. Если наткнутся на шапку с ленточкой, то в девках в этом году останутся.

Ходили ночью в сарай, выдергивали пучок шерсти у овец. Если выдергивались черные волосы, то жених будет темным, если волосы были светлые, то жених будет светлым.

На Святки серёжки загадывали. Девчата ночью ходили на речку, брали из речки ведро воды. Приходили в дом. В ведро кидали свои серёжки, булавки, колечки. Пели песни, в которых говорилось об их дальнейшей судьбе. При словах:

Кому сбудется, не минуется,
Кому вынется, тому вынется.

Вытаскивали вещь из ведра, чья она окажется, то ту девушку ждет та судьба, о которой пели песни» (Лотохина В.С., 1930 г.р., с. Узьян).

* * *

6. «Под Новый год девушки собирались в избе, устанавливали на пол лошадиную дугу и гадали о замужестве. Если девушка с завязанными глазами пролезала под дугой, то, значит, должна была в этом году выйти замуж. Если же она уползала мимо, то, значит, в этом году ей суждено оставаться в девках» (Бешкорева А.Г., 1919 г.р., с. Узьян).

* * *

7. «Гадали на Новый год. Выйдешь на улицу и идешь; кого первого мужчину встретишь, имя спросишь. Так мужа будут звать, а если женщина – свекровь. Если *перёд* женщину встретишь, злая будет свекровь.

Валенок за ворота бросали – *куды* носом, оттуда и жених будет.

Выходили на перекресток и ждали прохожего. Идет, а ты ему: «Здравствуйте». Если весело ответит, муж будет веселый, добрый. Если пьяный сильно пройдет, муж пьяница будет. Если бедно одет, то в бедности жить будете» (Бочарова Е. М., 1909 г.р., с. Узьян).

* * *

8. «В Святки *гадали* так. Девки шли на речку, надо чтобы *пробежная* вода была. У колодец не ходили, у *рещку* ходили. Воды *той* приносили и *гадали*. *Кощеруа* вот есть, *пецку* *зауребать*. На *той кощеруе* как вроде верхом едешь и *упрёд* ведро несёшь. На *той кощеруе-то* как на палке вот верхом и едешь. Это ведро в дом на стол ставили и там пели прибаутки, как кто знает. Женщина *постаршее* *нащинает* петь. Например:

Под Новый год, сосновый уроб.

Кому сбудется, не минуется.

Кому выльется, а мне *выльется*.

И вот она вынимает, например, *мене* или вам – кольцо ли, серьги ли. *Хто чё* клали. И *скажут чё к щему*. Но и вот уже не помню. Много таких песенок-то было, и *охальные были*» (Рассказова Е.Н., 1931 г.р., Габова Е.И., 1909 г.р., с. Узян).

* * *

9. «Колоды делали в головешках. Спать ляжешь, спичек наберешь, сделаешь колоду, замок положишь около; кто за водой придет – будет жених.

Бегали садки мерили; рейки пересчитывали в палисаднике, сколь ухватишь. А *чё* это, не знаю» (Рассказова Е.Н., 1931 г.р., Габова Е.И., 1909 г.р., с. Узян).

* * *

10. «Гадали мы ещё так: сор я намела, и договорились мы, что утром я его выношу. И вынесла я его, а мне навстречу Андрей *бежить*. Вот мой муж и был Андрей. Так вот и гадаем: кто навстречу попадет, тот муж или из той родни муж. У меня так и *сбылося*» (Андриянова А.С., 1939 г.р., с. Кага).

* * *

11. «Под старый Новый год и Крещение гадали: через ворота бросали валенок – куда носок его укажет, там и жених. Или идешь вечером в хлев, чтобы узнать, какой муж будет, ловишь курицу, она-то в темноте не видит. Наливаешь воду, рвешь клочками бумагу, ставишь зеркало, насыпаешь пшеницу. Если курица пойдет к бумаге, то муж будет образованный, пить начнет – пьяница, к зеркалу подойдет – франт, к пшенице – колхозник.

Или спрашивали встречного: «Кто мой жених?», или подслушивали разговор в доме где-нибудь.

А под старый Новый год идешь на речку, набираешь воды в ведра, ведра закрываешь на замок, *ложишь* ключ в голова. Кто придет во сне за ключом – тот жених» (Бармина К.А., 1934 г.р., с. Кага).

* * *

12. «На святочные вечерки наряжались, гадали. Но в Святки ничего не делали, святые вечера считались. Гадали нас трое-двое. За водой пошли, косы расплели, на кочерге ехали. На кочерге приехали, воды набрали и пошли обратно и чтобы не оглядываться. Пришли и у *этот* стакан кидали, у кого какое колечко есть, булавка, это уже под Крещение. Она прикрыла это дело и песню поёт:

Ехал мужик по городу,
Торчать ноги из коробу.
Кому песню спели,
Тому добро.

Вытаскиват – вот мужик пьяница. Каждой разную песню поёт.

Овечек драли у конюшни – какой, белый или черный мужик будет. На перекрестке дугу ставили, в дугу лазили – кто мимо уползет, кто дугу на себе унесёт. А примета верная. Вот запомнилось: одна пролезла в эту дугу, не задела, не сшибла – точно она замуж ушла, этим мясоедом и ушла. Кидали валенки – куда носом валенок упадет, там и жених живет» (Калиничева Т.Е., 1928 г.р., с. Кага).

* * *

13. «И на Святки, и под Новый год ворожить ходили. Под Новый год ворота открывали, дугу ставили – если пролезешь, замуж выйдешь. А на Святки сны загадывают: матери судомойку, ухват, сковороду, *щапельник* под кровать кладут – кому блины будешь печь? Кто матери приснится, тот её зятем будет.

Перстень в стакан кидали и пели песни, кто под какую песню вытащит свой перстень, тому-то и сбудется:

Ехал мужик из городу,
Торчат ноги из коробу.
Кому эта песня сбудется,
Тому добро.

Выйдешь за городского замуж.

* * *

Сидит старик у *пещурочки*,
Сухари толчёт.
Кому эта песня сбудется –
Тому добро.

За старого замуж выйдет» (Ёлкина М.Д., 1926 г.р., с. Кага).

* * *

14. «Под Новый год ворожили: через ворота валенки кидали. В какую сторону упадет, оттуда и жених. Овечку с закрытыми глазами выбирали. Если схватишь черную, то жених чёрный, белую – то белый.

Утром на Крещение пол метут, сор на *проулок* несут. *Ждут*, мужчина или женщина какая пройдет, с той родни и жених.

Под Новый год ночью стучали в окошко: «Чей у меня жених будет?» Мама *сказывала*: дед мой божественный был. Вот девки-то эти в окошко стучат: тять, а, тять, а его трогать-то нельзя, он молился, *дак* он подошел к окну и говорит: «Тьфу, анафенская». Или ведро на голову одевали, кружили. Ворота открывали: если выйдешь за них – и замуж выйдешь, а если не выйдешь, то и замуж не выйдешь» (Артемьева А.В., 1920 г.р., с. Кага).

* * *

15. «Гадали под Новый год. Кидали валенки через ворота – *куды* носом ляжет, *туды* замуж выйдешь. Ещё под Новый год ворота открывали, дугу ставили; если пролезешь через дугу – замуж в этом году выйдешь, мимо дуги – долго не выйдешь. В полночь в конюшню ходили у овечек шерсть драть. Если чёрный клок, тёмный жених бу-

дет, белый клочок – светлый. На Новый год ряженые на кочерге за водой ездят – ведро повесят на кочергу и несут» (Куликова Н.И., 1909 г.р., с. Кага).

* * *

16. «*Удали* всяко. Кидали *бастрик* на *раздорожье*. Ходили по деревне, у окошко спрашивали: «*Тетынь, тетынь*, как *маво* жениха звать?» Делали колодец из спичек, ставили наперсток с водою. Ложились спать и говорили: «*Хто приведет коней поить*, тот мой суженый».

У ведро кольца бросали. Если, к примеру, *мене* попадет кольцо, которое бросила старше *мене* девка, то мне жених *будет* старик» (Кузнецова Е.К., 1930 г.р., с. Кага).

* * *

17. «Вечером ворожили, по садкам ходили; обнимаешь садок и считаешь парами столбики на заборе – если есть пара, то замуж не выйдешь, а если нет, то в этом году выйдешь.

Еще выходили на улицу и слушали собачий лай – в какой стороне лает, в ту и замуж пойдешь. Ходили под окна и спрашивали: «Тетенька, как моего жениха зовут?» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

18. «Была одна старушка, и мы с ней вместе гадали.

Делали *убук* – это большое бревно из дерева метра два, а середина выдалбливается. В *убук* *ложилось* белье, пересыпалось золой и заливалось кипятком. А воду кипятили: *ложили* в чугунок с водой раскаленные камни. После двенадцати часов шли на двор – если кто натыкался на *убук*, то на мясоед замуж выйдет.

Ещё гадали. Клади из лучин колодец в *головашки*, а в середину колодца ставили наперсток с водой, строили и ложились спать – кто приснится, тот и женихом будет. Ещё при этом приговариваешь: «Суженый-ряженый, [приходи] коня поить».

После двенадцати ходили воду собирать на речку. В воду положишь замок – кто *придеть, откroitь*, – а ключ в *головашки* положишь.

Через ворота *бастрик* и лапти кидали. Кидали и смотрели, в какой стороне *головашкой*, в той стороне и замуж выйдешь.

По вечерам заходили в любой дом и говорили: «Тетенька, тетенька! Скажите, как *маво* женишка будут звать?» *Скажут* имя. И вот такое имя *будет* у мужа» (Горбатова И.Ф., 1912 г.р., с. В. Авзян).

* * *

19. «По столбу постучишь – откуда собака залает, оттуда и жених» (Подшивалова А.А., 1923 г.р., с. В. Авзян).

* * *

20. «Под старый Новый год *удали*. *Вещером* у нас раньше один такой *тюфяк*, вот мы его и заставляли мешать воду, это Володя Зеркин был. К проруби ходили за водой и

шли *уадать*. Наливали воду в посуду, кидали туда свои серёжки или ещё что, песни пели, а тюфяк этот мешал воду.

Как, бывало, подденем его – он и руку *заморозить*, вода-то лёд. И припевали:

Под Новый *год* сосновый *уроб*.

Ой, девы, люли,

Кому вынется, тому *вся* добро.

Это к смерти.

Семеро коней *приуряжены* стоять.

Ой, девы, люли,

Кому вынется, тому *сбудется*.

Это к замужеству.

Кот кошку звал в охлопья спать.

Ой, девы, люли,

Кому вынется, тому *сбудется*.

Под конец:

Кому песню спели,

Тому *уся* добро»

(Телятникова Ф.П., 1921 г.р., Гущинская М.И., 1941 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

21. «Под Новый год *девцата* *уадали*. За водой у двенадцать *щасов* ходили на *рещкю*. Молиться надо было. У *эту* воду кольца клали, пели *усем* песню. А потом воду на перекрёсток выливали, а *снеу* собирали. Утром *снеу* *растаеть* – какой волос *будеть*, у *снеу-то* *растаенным*, такой и жених. Раньше же *мноуо* лошадей держали. Конский волос на улице везде лежал.

И ложку воды наливали – и на мороз. Если пупом застынет – замуж, если ровно – умрешь» (Платонова А.И., 1927 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

22. «На *Рождество* *уадали*. Ходили у 12 *щасов* на *береу*, с *овецек* шерсть *дёртали*, у хомут лазили. *Ставють* хомут на *дороуу*. Ползёшь на *корякушках* с закрытыми *улазами*. Если у хомут попадешь, то скоро замуж выйдешь. Пели песни, серёжки *зауадывали*. *Щастушки* пели, не протяжные песни. Намешаешь у колоду, у *тазу* воду и поешь:

Кому вынется, тому *сбудется*.

Кому песню спели, тому *вся* добро.

Хто кольцо *кладеть*, *хто* *урёбёнку*, *хто* *лендоцку* и *мешають*. Вытащишь кольцо, *пердаёшь*, *хто* *зауадывал*. Вот, например, ты, тебе кольцо *передають*, *поють* «Семеро коней *приуряжены* стоять...»

Кому *поють*, та и замуж *выйдеть*. У ложку воды наливали. У кружке молоко ставили. Как *замерзнеть*. Если воронкой – умрешь, если *уоркой* – замуж выйдешь» (Телятникова Ф.П., 1921 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

23. «Гадали под старый Новый год. *Ходють* девки за водой в Авзян*, у овечки шерсть *надеруть* и в ведро *накладуть*, туда же серёжки, кольца *набрасають*. Пели:

Под Новый год сосновый гроб.

Кому вынется, тому сбудется.

Припевали всякие. Сколько раз *споють*. Ну и правильно, *бываить* сбывается. А ещё так под пляску около этого ведра:

Свистнула *иуолощка* по чужой стороне.

Кому вынется, тому сбудется.

Кому песню спели, тому вся добро.

К замужеству пели.

За дверь кашу, водичку *становили*. Мама *усе* ложечки *наполнить* водой, *поставить* на сковороду – чья ложечка замерзнет с *ямошкой* по середке, тот, правда, помрёт. Люди ставили кашу, тоже так же гадали» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

Казачьи станицы

* * *

24. «Нам надо у вдовы петуха взять, у вдовца – курицу. Что клевать будет: зеркало – модный, вино – пьяница.

Из бани брали камешки маленькие, в колодец бросали: какой шум. Тихо булькает или нет. Определяли свёкра, свекровку, деверя, золовку.

Вот идем на озеро, к проруби. Идём смеёмся, хохочем. Там наберём воды в рот и идём взад пятками, молча. Засмеёмся, прольём, возвращаемся. Надо было дойти до вечерок и вылить воду на скобку, ручку ворот. Выльем, запомним порядок и сидим ждём, какой парень войдет в дом первым, вторым, третьим... Имя так определяли» (Шутова Р.Г., 1925 г.р., п. Краснинский).

* * *

25. «*Всяко* ворожили: пимы кидали, ребята возьмут да *утащат*. *Поманежут*, только потом отдадут.

Со скалкой на перекресток ходили. Начинаешь её катать, в каком ухе больше скрип отдается, в той стороне жених – с Ильдяка или Малолека.

Петуха воровали и курицу; принесут в избу зерно, воды. Если петух сначала зерно клюнет – богато жить будешь; воду – муж пьяница; курицу долбит – муж бить будет.

Взяд пятки в проруби воду брали» (Грудинина А.И., 1910 г.р., п. Краснинский).

* * *

26. «Гадали ходили. Со свечкой в подпол. Сидишь, свечка горит, один стакан воды поставишь и глядишь, как суженый-ряженный выйдет, что там тебе покажется.

* «за водой в Авзян» - имеется в виду река Авзян.

Было ещё: ведро на голову наденешь, на перекресток выйдешь с ведром на голове, *накружат* тебя и вот куда пойдёшь. Идешь, идешь – к какому двору подойдешь, туда и замуж отдадут» (Таныгина Е.Д., 1916 г.р., п. Краснинский).

* * *

27. «К церкви ходили, охватывали ограду. Сколько ограды обхватишь, столько богатства будет. Потом считали: «Сусек, мешок, короб». Сусек – богатый, мешок – бедный, короб – средний» (Шарова М.Г., 1927 г.р., п. Краснинский).

* * *

28. «Мы сидели у хозяйки зимой на вечерках. На Новый год, бани тогда на берегу были. Камни с бани стаскаешь в прорубь. Если шипит, то свекровь злая будет; холодный же камень спокойно упадет» (Медведева Е.А., 1917 г.р., с. Арси).

* * *

29. «На *Рожество* камень бросали из бани в озеро; если шипит – свекровка будет злая, семья *неважна* будет.

Глаза завязывали и пускали – куда придешь, *туды* и замуж тебе. Вот мне так сделали, а я *куды* ушла, сама не поняла. Девки говорили, что на сторону ты замуж пойдешь. Так это и правда» (Кузьмина Т.К., 1914 г.р., с. Арси).

* * *

30. «Гадали, кто умел. В зеркало глядели: если в зеркале голова появится, надо его перевернуть, а то суженый *тяпнет*. Или, где кусты, *лягешь*, глаза защуришь, сколько веток сломаешь, столько детей будет. В баню идешь задом, камни с каменки берешь на жениха, на свекровь и на свекра. А потом по-очереди в прорубь пускаешь: первый – жениховый, если медленно опускается – хороший будет; потом на свекровь, если камень бурлит – значит, злая будет.

В ставню зад высунешь, если тронет лохматая рука, то жить будешь богато, если нет – бедно. А парни прознают про это, да шутят» (Михайлова З.Е., 1918 г.р., с. Увалька).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скворцова Зоя Гавриловна, 1932 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 3 кл. ЭК-8, 1997 г., п. 3, л. 6, записала Борюшкина Л.; п. 3, л. 14, записала Пастернак О.
2. Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г.р., урожд. Костромской обл., в Тирляне с 1926 г., обр. 7 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 14, записала Чернова О.
3. Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 3 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 12, л. 14, записала Куркина О.
4. Антонова Александра Ивановна, 1927 г.р., урожд. д. Николаевка, в Тирляне с 1946 г., обр. 7 кл. ЭК-17, 1999 г., а/з обработка Моисеевой С.А.
5. Лотохина Валентина Сергеевна, 1930 г.р., урожд. с. Узян. ЭК-5, 1994 г., п. 9, л. 1, записала Андрианова О.
6. Бешкорева Анна Григорьевна, 1919 г.р., урожд. с. Узян, обр. 1 кл. ЭК-6, 1995 г., п. 10, л. 6, записала Филимонова Л.
7. Бочарова Евдокия Михайловна, 1909 г.р., урожд. с. Узян. ЭК-7^б, 1996 г., п. 4, л. 4, в/з к. 1, обработка Малининой А.
8. Рассказова Екатерина Николаевна, 1931 г.р., урожд. с. Узян, обр. 4 кл., Габова Евгения Ивановна, 1909 г.р., урожд. с. Узян, обр. 1 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 4, записала Осипова И.
9. Рассказова Екатерина Николаевна, 1931 г.р., урожд. с. Узян, обр. 4 кл., Габова Евгения Ивановна, 1909 г.р., урожд. с. Узян, обр. 1 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 3, записала Старикова Е.
10. Андрианова Александра Степановна, 1939 г.р., урожд. с. Кага, обр. 6 кл. ЭК-7^а, 1996 г., п. V, л. 55, записали Старикова Е., Сергеева А.
11. Бармина Капитолина Алексеевна, 1934 г.р., урожд. с. Аскарново, в Каге с 1943 г., обр. ср. медиц. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 35, записала Старикова Е.
12. Калиничева Татьяна Егоровна, 1928 г.р., урожд. с. Кага, обр. 6 кл., с/з Перчаткиной Ю.И., 1999 г., п. 1, л. 11-12.
13. Ёлкина Мария Дмитриевна, 1926 г.р., урожд. с. Кага, обр. 5 кл. ЭК № 7^а, 1996 г., п. V, л. 67, записали Белозерова В., Артемьева А.
14. Артемьева Анна Васильевна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, обр. нет. ЭК-7^а, 1996 г., п. V, л. 52, записали Старикова Е., Сергеева А.
15. Куликова Надежда Ивановна, 1919 г.р., урожд. с. Кага, обр. нет. ЭК-7^а, 1996 г., п. V, л. 53, записали Белозерова В., Артемьева А.
16. Кузнецова Елена Кузьмовна, 1930 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-25, 2002 г., т. 3, л. 5, записала Засова О.
17. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-14, 1999 г., п. III, л. 15, записала Сороколетова М.
18. Горбатова Илена Фалеевна, 1912 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 3 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 5, л. 5, записала Бедилова С.
19. Подшивалова Анна Андреевна, 1923 г.р., урожд. В.Авзяна, обр. 2 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 8, л. 5, записала Самигулина С.

20. Гушинская Мария Ивановна, 1941 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 7 кл., Телятникова Феодосия Петровна, 1921 г.р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК-25, 2002 г., т. 1, л. 26-27, записала Осипова И.
21. Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 3-4, записала Засова О.
22. Телятникова Феодосия Петровна, 1921 г.р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 9, записала Засова О.
23. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 5, л. 2, 3, 13, записала Повираева Т.
24. Шутова Раиса Георгиевна, 1925 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 5 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 4, записала Чеканова И., в/з к. № 1, обработка Дерябиной Е.Б.
25. Грудинина Анна Ильинична, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 5, л. 6, записала Чеканова И.
26. Таныгина Ефросинья Дмитриевна, 1916 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 6 кл. ЭК-12, 1998 г., п. 1, л. 5, записала Рожкова Т.И.
27. Шарова Мария Григорьевна, 1927 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 4 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 12, л. 3, записали Гарипова М., Дюсмекеева Н.
28. Медведева Евдокия Александровна, 1917 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22, 2000 г., п. 5, л. 4, записала Смородина Л.
29. Кузьмина Татьяна Кузьминична, 1914 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22^а, 2001 г., п. 1, л. 3, записала Моисеева С.А.
30. Михайлова Зинаида Егоровна, 1918 г.р., урожд. с. Увалька, обр. 4 кл. ЭК-15, 2000 г., п. 1, л. 8, записали Чеканова И., Куркина О.

ВЕСЕННИЙ КАЛЕНДАРЬ

Встреча весны во многом определяла благополучие года, поэтому календарь чрезвычайно насыщен значимыми ритуалами. В нём четко просматриваются начальный, срединный и конечный периоды. Начало приходится на Масленицу и праздник Сорока мучеников, называемый «Жаворонки» 9 марта (22 марта), середина – на пасхальные праздники, завершает весенний цикл Троица.

Масленицу в регионе справляли в течение недели («ую неделю Масленица»). Особо выделяются последние четыре дня: четверг, когда молодоженов приглашали на блины к теще («будут масловаться»); пятница, начало традиционных катаний на лошадях; суббота – угощение родственников со стороны жениха; воскресенье – прощенный день, зять обязательно несёт подарок теще.

Обязательное развлечение на Масленицу – ледяные горы. Катались и дети, и взрослые, и даже старухи, чтобы «лён был долгий». Вместо санок использовали «ледянку» – «кал говяжий замораживали». В Каге к Масленице ставили карусели. Все четыре дня молодежь каталась по центральным улицам на лошадях. Замужних женщин, наряженных в старинные юбки, фартуки, усаживали в короб, обставляли прялками и мялками («ехали, пряли, пели»). В Узяне, провожая зиму, лошадь запрягали в маленькие санки, сажали «бабу» и катали по улице. В Каге вспоминают проводы с Дедом Морозом и Снегурочкой. Примечательно, что блины, не съеденные до окончания Масленицы, можно было доесть через неделю в «сборное воскресенье». До середины XX века на Масленицу «снопы какие-то жгли», с развитием клубной работы стали сжигать «куклу».

В казачьих станицах последний день Масленицы называли «закатным» воскресеньем. В этот день снаряжали конницу – «молодушки верхами поедут», своего рода выставка вышедших замуж в текущем году девушек. Старых дев старались закопать в снег.

Богатый материал собран по празднику «Жаворонков». В день Сорока мучеников в горнозаводских сёлах женщины пекли хлебцы в виде птичек («жаворонков»): вырезали крылышки, клеили глазки. Дети в этот день обязательно должны были залезть с ними на крыши сараев и «покликать» весну, подбрасывая при этом птичек вверх. Часто в печенье запекали монету, соль, щепку, уголёк с целью узнать дальнейшую судьбу своих детей. У казаков в этот день бегали «кажимотки» - женщины в вывороченных шубах. «Кажимотка» гонялась за незамужними девушками, требуя у них мотки нарядной за зиму пряжи: «Чё сделали? Чё нарядили?». В казачьих станицах в середине поста, на четвертой неделе, загадывая на судьбу, пекли из пресного теста кресты с начинкой.

Благовещенье традиционно остается тяжелым днём, в который запрещено работать, начинать новое дело, надевать новую одежду. До настоящего времени бытуют поговорки: «Птица гнезда не вьёт, девица косы не плетёт»; «Благовещенье чуй, за рекой не ночуй». Егорьев день отмечен в календаре первым выгоном скота в поле и началом работ в огороде. Скотину выгоняли в табун освященной вербой, сеяли рассаду капусты, используя магическую силу первого куриного яйца. Приметы, связанные с этим днём, распространены в настоящее время: Егорий подошёл, рассаду сеять надо; на Егория кукушка начинает куковать; Егорий с теплом, Никола с кормом. Примечали и первый весенний гром, и первый дождь: в первый гром «перемётываются», чтобы

спина не болела; валяются на земле, чтоб урожай был; водой первого весеннего дождя моют коровье вымя, чтобы больше молока давала.

За неделю до Пасхи встречают вербное воскресенье: освящают вербные веточки в церкви и хранят их рядом с иконами на божничке. Этими ветками хлестали друг друга, приговаривая: «Вербохлест, бей до слёз!».

В пасхальную неделю красили яйца, пекли куличи, специально выращивали овёс в чашке, выкладывая туда крашенные яйца, изготавливали из ржаной соломы «Репей». В воскресенье жгли «костры-лугуны» в поле. Заканчивалась пасхальная неделя в горнозаводских сёлах праздником Красной горки, во время которой проходили смотры «девок на выданье». С этого дня молодежная игра переходила из замкнутого пространства в открытое – на улицу, на природу. Основным развлечением молодежи становились уличные хороводы и качели. Качели устанавливали на возвышенностях, на концах деревни, у кладбища.

В весеннем календаре горнозаводских сёл особо отмечена Девятая пятница после Пасхи. К источнику на Малиновой горе села В. Авзян до настоящего времени съезжаются люди с близлежащих деревень. По бытующим представлениям чудодейственная родниковая вода с давних времен помогала людям исцеляться, спасаться от засухи.

Завершает весенний период народного календаря Троица. В горнозаводских поселениях Троицкий цикл открывался субботой - троицкой, родительской. Ходили на кладбище, несли конфеты, пироги. В первый день молодежь собиралась на поляне у кладбища: «яйца мекали на лён», подбрасывая их как можно выше, «веночки плели, а потом на кладбище их расплетали». Девушки старались погадать не только на свою судьбу, но и судьбу родственников («венки вили из берёзки, один на тятю кинешь, другой – на сестру, третий - на маму»). Второй и третий день Троицы известны как праздник сипеньки. Женская половина деревни выставляла столы на улицу и собирала угощение. Третий день Троицы называют ещё днём земли-именинницы. В этот день старались на земле не работать, почистить колодцы: «вычистят колодец, выскребут косарьком». В Ломовке в первое воскресенье после Троицы провожали «вёсну» маленькие девочки во главе с мальчиком – «гармонистом».

В казачьих станицах в четверг перед Троицей девушки ходили в лес завивать венки, а развивали в первый день праздника «после церкви». Гадали на судьбу: зарывали яйца под берёзами, плели венки. Их пускали в озеро, оставляли на дереве, вкладывая в них «билеты» с именами женихов.

МАСЛЕНИЦА

Горнозаводские сёла

* * *

1. «Масленицу справляли в марте, на прощенный день. Вот праздник-то был! Ряженые *усякие* на тройках катались, блины пекли, потом и продавали. Одевали юбки старинные, длинные *запоны*, шаль вышитая, фуфайка *подпоясынная*. На лошадях катались. Возили молодых, и *пужила*, и ребятишек. Были и бабы с прялками. Бывало, оденутся, *выйдуть сюды*, на базар – как будто *прядуть*, а потом кататься ехали. Одевались по старинке: куртки суконные, тканые, юбки тканые.

Были и «*вещёрки* тётчины», были. Вот *стрепня-то* была, у! Бабы тогда ещё лён пряли. *Вынесуть* гребень, *наденуть* посконь и давай *ево* мять. Мяли, мяли, а потом пряли. Из *нево* юбки, платья суконные ткали. Ну а на *вещёрки*, под Масленицу они были, тётца блины *стряпала*, зятьёв *потчевала*, *снох* тоже не забывали. Тогда зятю говорили:

«Приглашай тещу-то». Ну, всё равно к нам приходили – к тещам. Правда, тещу тоже блинами угощали. Пельмени было грех стряпать – только блины. Целую неделю ведь Масленица была. К выходному дню блины пекли и всю неделю ели их. Песен много на праздник пели, правда, *щастушек* мало было.

На санях тоже катались. Мы, старухи, и то летали с *юры*, *от* летали так летали. Катались и *вещером*, и днём, утром не до этого было. Скользко на *юре* было, потому что Масленица пришла – блины, поэтому маслом смазывали.

А потом прощенный день был. Приходили *друу* к *друуу* прощаться: «Прости меня», – и как-то легче становилось на душе. Так мы и жили, в праздники-то» (Желнина Л.И., 1938 г.р., с. Кага).

* * *

2. «На масленичную неделю пекут блины. В пятницу Масленицу *снаряжают*, усаживают на повозку в корыто и возят. На второй день Масленицы – катание на лошадях. Масленица – это *снаряженная* баба или мужик, покрытый весь. Молодежь каталась с гармониями и песнями.

Приехала Масленица,
Пришла с блиночками
Нас накормить...

В последние дни Масленицы – проводы её: доедали блины; если не могли доест, то выносили их на мороз на улицу. Но в сборное воскресенье всё можно доест; блины разогревали и поедали, и свадьбу можно было сыграть в этот же день.

Когда ходили сжигать Масленицу, шубу одевали наизнанку, одевали на ноги лапти, рядились» (Бочарова Е.Д., 1914 г.р., с. Узьян).

* * *

3. «Была и Масленица. Раньше молодые сойдутся в мясоеде. И с четверга до воскресенья в Масленицу живут у тещи, будут *масловаться*, у меня будут жить. А в воскресенье – прощальный день. Будем в ноги кланяться, будем целоваться. Да песни все эти же пели:

Прошла Масленица весёлая,
Наступил великий пост...

И все обнимаемся, целуемся:

– Прости меня Христа ради.

– Бог простит.

Всех на лошадях катали. Но детей нельзя сажать на кошевке, если нас табун. Молодых обязательно сажали, где кони с ленточками, да нарядные. И женщин возили. *Мяльницу* возьмут, в короб поставят. Она едет с песнями. Это Масленицу провожали. Эта женщина подпоясана была, вывороченная шапка. В воскресенье вечером это её и катали, поздно.

Блины пекли, а уж на другой день останутся эти блины, то нам уже не дают. Если сухие, *немазанные*, то мама на сухари их высушит.

С горы ледяной катались. Я корыт не знаю сколько с *говном* перелепила своими руками! К Масленице их подморозишь, намажешь их, опрокинешь, замёрзнут. На сле-

дующий день ещё водой обольёшь, и хорошо. Мы как катались, как катались! Выйдут и начнут кататься. Вот Масленицу проводили, и кареты наши остаются – больше не катаются. И бабки катались, старухи: «Давайте-ка мы с вами...»» (Чертихина А. Ф., 1911 г.р., п. Тирлян).

* * *

4. «Утром, если есть молодые, то в четверг перед Масленицей молодых приглашали на блины к теще. И там они находились до субботы. Даже если какая-нибудь работа, то возвращались обратно в дом тещи. В субботу приглашали *сватъёв* со стороны жениха, а в воскресенье – наоборот.

Катались на лошадях. Соберутся женщины. Как закончится Масленица, собираются *рядихи*. Запрягут лошадь, сядут в короб пряжи. Если лошадь ещё есть, на неё – *мяльницу*, длинна была *мяльница*, мяли снопы. *Нарядуются*, платок подвяжут, *куфайку* наденут, пимы. Пряжу *посадют*. На другой короб – *мяльницу*. Может, юбку старушечью, фартук наденут и прядут. Едут, поют и голосовые, и прибаутки. *Щас-то* лошадей мало стало. Раньше на скамейку выходили, семечки грызли и *смотрют* Масленицу: туда едут, сюда едут.

В воскресенье вечером прощенья просят друг у дружки на коленях и *цалуются*. В субботу приглашают родителей жениха, а в воскресенье – родителей невесты. Вечером просят прощенья и всё; все отгуляли, начинается пост» (Оглоблина Т. В., 1930 г. р., п. Тирлян).

* * *

5. «До Масленицы с горы катались: *карыты* были, *какашками* подморозишь и катались. Тут гора была Пилясова. Кто на санках, кто на *карытах*. Не только *маленьки*, но и взрослые катались. На Масленицу вечером собираются как свахи и едут. Я пряду в *коробу* с прялкой. Брюки, шапку мужичью надевали, лицо тряпками закрывали да запевали. И всяко, всяко. Повесишь на гребень кудельку и прядешь. Поёшь да кричишь как *ненормальна*:

Что ты, Масленица, не семь недель,
Прогуляла бы не семь рублей.

Чучело возили в *коробу*. Едут на лошадях, а мы семечки грызем, чёрно всё от них. А к вечеру выезжали эти прялки. *Мяльница в коробу*. Коноплю на дугу вешали. Много женщин в короб насядут. Одна прядет, друга вяжет. *Масляничную бабу жгли*» (Сорокина В.М., 1912 г.р., п. Тирлян).

* * *

6. «Весну *усё* время *встрещали*. У низу у центре запряжали пару лошадей. *Снащала* зиму *провожают*ь и тут же *снаряжают*ь девку и *катают* её. Это вот на Масленицу было. Ещё на Масленицу ставили кол из *снега*, который заливали навозом. На него одевали колесо, на которое привязывалась жердь. А к жерди салазки прицеплялись и айда пошел. На колесо один садился, кружил его и катал других на санках. Я помню, нас *мужуки* раскатывали, а потом и сами катались. Айда пошёл!» (Артемьева А.В., 1920 г.р., с. Кага).

* * *

7. «На Масленицу выйдешь на проулок, *беруть* колеса от телеги, обливают водой, она *застывает*. Жердь *привяжут*, к жерде санки и катаешься, и катаешься. А катали лихо! Аж страшно, ужас охватывает, как *каталси*» (Сафронова М.С., 1935 г.р., с. Кага).

* * *

8. «На Масленицу катались старухи на санях, чтобы лен был хороший. На салазках с *горы* обязательно. *Соунуться*, подпояшутся и катаются с *горы*, *говорят*: «Теперь лен будет хороший». И мама моя соберётся кататься. Валенки писанные были у неё. Придет назад. Я говорю: «Накаталась уже?». А она: «Хватит, раз *скатилася*» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

9. «На Масленицу блины пекли. Молодых катали на лошадях. Это *кто боуатые*. А бедные на санках катались с *гармоней*. *Снаряжатые* старухи катались, *щудили*, плясали – праздник. Утром мужик наряжался, кутаз* на шею вешал – Масленица. Ходили по домам, требовал *уощения* – блинов. Если ему не давали блин, то он хватал кого-нибудь и увозил на санках. Однажды моего отца схватил и *уташиил*, катал по деревне» (Силаева А.Е., 1923 г.р., Соколов И.Ф., 1924 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

10. «На Масленицу катались молодые на лошадях. Рядили лошадей, сбруя красивая, наборная была, колокольчик, косички, *лендочки* на дуге. *Насажают мелочи* и *катають*. В прошлом *юду* у *Каге* мужику телевизор дали за это, на Масленицу-то.

С горы катались на Масленицу. Бабки должны были кататься, да и все должны были без *исключения*. На Масленицу *обыщай* в Авзяне – на прощенный день зять идёт к теще с подарком. «Зять на кофту принёс», – так *говорять*. Зять идет – смотришь, *наряженный*, жакетка меховая, у жены – шаль пуховая поверху, концы назад завязаны. А от тещи уже с *гармошкой придуть*. «Стряпала теща про зятя *пирог*», – пели на свадьбу. Со стряпнёй *идуть* и *поють* её». Тёща не ходила в *юсти*, ждала зятя с *дочерью*. В понедельник – *горюн* день, пост. Блины всю неделю пекли, *пашкетной*, щи мясные варили.

После Масленицы – бери прялку, пряди холсты, наряжай стан. Прясть собирались не по одной – вместе, *вещером*, и девки, и женщины. Сукно тёрли в горячей бане, *раскачивали*» (Копытова М.С., 1935 г.р., с. В. Авзян).

* * *

11. «На Масленицу ходили ряженные. Гуляли, пели, плясали. Наряжались Масленицей: *наденуть* шупан† какой-нибудь, юбку длинную, *пойдут* разметать снег полами. Бабы снаряжались, пели, плясали. Старики катались с *горы*. В чехарду *прыгали* даже

* кутаз – большой колокольчик

† шупан – халат.

старики. Лошадей рядили, катались. И старые, и молодые. Молодоженов катали на лошадях по деревне.

Зять на Масленицу *ташишит тёшше кохту, цалует её*» (Платонова А.И., 1927 г.р., с. Н.Авзян).

Казачьи станицы

* * *

12. «Встречают Масленицу – тоже шубу выворачивают. Масленица идет неделю, в первый и последний день Масленицы, когда катаются, кто кудель прядет, кто ткёт.

Молодушки *верьхами* и на запрежке катались. Пели, кто какие знает песни, вот эту:

Из улицы, вдоль по улице
Идет толпа красных девушек-молодушек,
Одна из них, наперед идет, вперед идет,
Путь указывает.
Откель взялся добрый молодец,
Увел-украл красну девушку» (Воробьева А.А., 1909 г.р., с. Арси).

* * *

13. «На Масленицу три дня *каталися* девки, *ребяты*. Да все по двум улицам вкруговую. Как только колокол *донкнул*, так все – уже вечерня на Великий пост. В прощенный день молодые обходили всю родню. На закатное воскресенье пельменями заговлялись, женщины их стряпали, а мужчины шли к молодым, яму выкопают, их туда сажают, снегом закидывают.

Молодушки наряжались, лошадь украсят. Кашемировую шаль сверх *пальты* надевали. Проезжали, песни пели хорошие, *проголосные*, *бегу пускали*. А мужики связывают трое дровней, укрепляют на них жерди, а сверху короб *повешают*, запрягают двойку-тройку лошадей. Едут, и в корзине тоже мужик с водой, и где много народу, он брызгает. Проедут, и всё – Масленица долой. У каждого двора костер из соломы – блины жгут, говорят. А мы, маленькие, верили, что все блины сгорели, но мама потом скажет: «Вот осталось чуть-чуть» (Грудинина А.И., 1910 г.р.).

* * *

14. «Когда единолично жили, у каждого лошади, так катались на Масленицу. А у нас в последний день в воскресенье вечером соломки у каждого двора наташат – *Масленку* сожгли. Три дня катаются: пятница, суббота, воскресенье. На снегу сожгут *Масленку*. Вся неделя масляная. Прощеный день называется, когда солому жгут, в воскресенье каждый ходит, просит прощения. Сейчас не *постуем*, но знаем, что пост» (Кочкина П.Д., 1913 г.р., с. Великопетровка).

* * *

15. «Молодушки ходили в Новый год, снаряжаются, по 8 юбок одевали, шали кашемировые на оба плеча. Пели:

Вдоль по бережку, по крутому
По желтому песку и по песучему.

Катались и в Масленицу по деревне, рядили коней, ехали друг за другом, пели» (Копырина М.В., 1915 г.р., п. Краснинский).

* * *

16. «Как последний день Масленицы – конница, я сама три раза ездила. Сядешь верхом, *катались* красивые. Лошадь чистят, половик стелят, *упояской* привяжут и едут красивые. Две *улки* всего проезжали. Три ряда, бывало, едут. Песни всякие пели» (Шеметова М.И., 1907 г.р., п. Краснинский).

* * *

17. «В закатное воскресенье, перед Масленицей, все катаются на лошадях. Все молодушки, что зимой замуж вышли. Хорошо, красиво одеваются. В цветных платках, поверх пальто завязаны. Прокатываются верхом на лошадях все в один ряд по улице, все молодушки. Поют песню:

Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому,
По желту песку,
По сыпучему
Тут-то шли-прошли
Три полка солдат,
Три полка солдат,
Три полковника» (Таныгина Е.Д., 1916 г.р., п. Краснинский).

* * *

18. «Это когда конница пойдет. Молодушки, пожилые бабы *верьхами* поедут. У *кажный* лошадь. Баба сядет также на лошадь, рядами едут и поют. Мы уж за *ими* следом едем и пляшем, а они вперёд едут и поют, эти бабы-то.

Вдоль да по бережку,
Вдоль да по крутому.
По желту песку,
Да по сыпучему.
Ой, да люли-люли,
Да по сыпучему
Мы пойдем, братцы,
Да во Казань-гору,
Во Казань-гору,
Да во Россеюшку,
Во Россеюшку,
Все споженимся,
Ой, да люли-люли,

Все споженимся.
Мы возьмем, братцы,
Да сёл Варшатских,
Да сёл солдатских.
Ой, да люли-люли,
Да сёл солдатских.

Конница идет по *улкам*, сколь их там наберётся. Потом ещё какие-то там песни поют. Мне лет тринадцать-четырнадцать было, когда ходили мы за конницей» (Шеметова М.Д., 1915 г.р., п. Краснинский).

* * *

19. «Молодушка – высватанная невеста. После сватовства девушки и сама невеста катались на санях. Катались обычно на Масленицу. Снаряжали лошадь, обязательно был кучер. *Снарядная* лошадь, запряженная в сани, называлась *кошава*. В *кошаве* сидела молодушка, а девки стоя танцевали и пели. *Кошава* останавливалась у каждого дома. Хозяева по обычаю встречают, приглашают в дом, наливают всем по стопочке. Катались также в Святки. Молодушки наряжались в длинную юбку, нижнего белья не надевали, было грех надевать нижнее бельё, считалось, что это мужское. На молодушке было много бус, кокошник и *уаль*. Пели много песен и на разные темы.

Был обычай «солить молодых». В день свадьбы молодожены выходили на *вулицу*. Если было зимнее время, то их «солили» снегом. Если лето, то обливали водой» (Трушкова Н.А., 1923 г.р., п. Краснинский).

* * *

20. «В Масленицу *каталися* молодушки. Снарядятся, на каждом перекрёстке потанцуют, попоют. Ходили только по Советской и Карла Маркса. Сейчас ничего нет – всё телевизоры отбили. Всё *забылося*.

Потом пойдут молодых солить, чтобы не проквасились. Мужики едут с лопатами – в снег закопать надо. Засолят. Кто не выходят, их вытащат, всё равно засолят. Игры это» (Шутова Р.Г., 1925 г.р., п. Краснинский).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Желнина Любовь Ивановна, 1938 г.р., урожд. с. Кага, обр. 6 кл., с/з Осиповой И., 1999 г., п. 1, л. 1.
2. Бочарова Евдокия Дмитриевна, 1914 г.р., урожд. с. Узян. ЭК-5, 1994 г., п. 2, л. 6, записали Моисеева С.А., Фесенко Т.
3. Чертихина Александра Федоровна, 1911 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. нет. ЭК-21, 2000 г., п.3, л.18, записали Моисеева С.А., Гарипова М., Смородина Л.
4. Оглоблина Тамара Васильевна, 1930 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 6 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 3, записали Моисеева С.А., Махмутова Л.
5. Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 3 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 7-8, записали Чернова О., Махмутова Л.
6. Артемьева Анна Васильевна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 19, записала Осипова И.
7. Сафронова Мария Семеновна, 1935 г.р., урожд. с. Кага, обр. 6 кл. ЭК-7^а, 1996 г., п. V, л. 54, записали Старикова Е., Сергеева А.
8. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-14, 1999 г., п. III, л. 18, записала Сороколетова М.
9. Силаева Анна Егоровна, 1923 г.р., урожд. с. Н. Авзян, Соколов Иван Федорович, 1924 г.р., урожд. с. Н.Авзян, ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 19-20, записала Засова О.
10. Копытова Мария Сергеевна, 1935 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-20, 2000 г., п. 5, л. 6, записала Осипова И.
11. Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 4-5, записала Засова О.
12. Воробьева Анна Афанасьевна, 1909 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22, 2000 г., п. 4, л. 9, записали Смородина Л., Чеканова И.
13. Грудинина Анна Ильинична, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 3, л. 1, записала Чеканова И.
14. Кочкина Павлина Дмитриевна, 1913 г.р., урожд. д. Толсты, Карталинского района, в Великопетровке с 1960 г., обр. 1 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 15, записала Чеканова И.
15. Копырина Мария Васильевна, 1915 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 4 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 3, л. 2, записали: Самигулина С., Чеканова И.
16. Шеметова Мария Ивановна, 1907 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 3, л. 3, записала Чеканова И.
17. Таныгина Ефросинья Дмитриевна, 1916 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 6 кл. ЭК-12, 1998 г., п. 2, л. 7, в/з, к.12, обработка Дерябиной Е.Б.
18. Шеметова Мария Дмитриевна, 1915 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 2 кл., с/з Чекановой И., 2001 г., п. № 5, л. 1.
19. Трушкова Надежда Андреевна, 1923 г.р., урожд. г. Воронеж, Нижневедовский р-он, в Краснинске с 1951 г., обр. нет, с/з Олеповой О., 2001 г., п. 5, л. 2.
20. Шутова Раиса Георгиевна, 1925 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 5 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 3, л. 3, записала Самигулина С.

ЖАВОРОНКИ

Горнозаводские сёла

* * *

1. «У детстве, когда *девицонкой* была, жаворонков пекли. Кажется, 9 марта. Я *каж-ный год* их пеку. Туды кладешь *деньги, уюлек*. *Деньги* – к *богатству*, кто вынет *уюлек* – к смерти. У жаворонков, бывало, *улазки* налажу *щеремухой*. Ребятишки *крищали*:

Жаворонки, прилетите,

Лето принесите,

Зиму унесите» (Калашникова А.А., 1910 г.р., с. В. Авзян).

* * *

2. «Жаворонки пекли на Сретенье. Сретенье – это зима с весной *встрещаются*. Это *уде-то* в марте. Бывало, женщины *поють*: «Жаворонки, прилетите, красну весну принесите». Жаворонки пекли только из пресного теста. Делашь *жутик*, завяжешь узелком. Делашь носик, *улазки* из *щерёмушки*. На боках расплюснешь, сделаешь *крылушки*, хвостик распушишь» (Кудряшова В.М., 1925 г.р., с. Кага).

* * *

3. «Пели в марте, ребятишки на крыши залазили и пели.

Жавороночки, прилетите,

Красну весну принесите,

Нам зима-то надоела,

Много сена (хлеба) переела» (Баранова У.И., 1926 г.р., п. Инзер).

* * *

4. «Мы с братом на поветях кричали:

Жаворонки, жаворонушки,

Прилетите-ка,

Принесите-ка весну красну,

Зиму прогоните-ка.

В пятнадцать-двадцать лет кричать не полезут. *Чать* в марте было. Пекли жаворонков из пресного теста. Мама пекла» (Сорокина В.М., 1912 г.р., п. Тирлян).

* * *

5. «Весной мама птичек пекла из теста. А мы брали их, залазили на повети и пели: «Весна красная...» *Птицке*, чтобы пела, а нам, чтобы было здоровье *хороше*. И эту *птицку* ломали и кидали» (Сорокина В.М., 1912 г.р., п. Тирлян).

* * *

6. «Весну встречать ходили, жаворонков кричали. Мама пекла петушков из теста. Песни были про жаворонков:

Жаворонки, жаворонушки,
Прилетите-ка,
Красно *летушко* принесите-ка,
Холодну зимушку унесите-ка.

И бросали жаворонка печёного. Потом ещё кричим. Потом мама выйдет, скажет: «Хватит, всю птичку-то разломали» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., п. Тирлян).

* * *

7. «Жаворонков этих пекли из пресного теста. Запекали в них пятаки, загадывали теленка или другую животину. Кому достанется пятак, тому и теленок.

Кричали с весны, не помню, с мая, что ли. Старались забраться повыше. Подкидывали их. Кричали:

Жавороночки, прилетите к нам,
Красно солнышко принесите» (Патрикеева П.М., 1910 г.р., п. Тирлян).

* * *

8. «Жаворонков мама пекла, когда были *маленьки*. Из теста пекли, *наладють* *прям* как *настоящу* *печушку* и *улазки* *сделаютъ*, из черёмушки *улаза* и носик *наладятъ*. *Ешё*, бывало, мама *сделаетъ* их *нащипенными*: там *солюшку* *положить*, мак там, *деньги*. И вот *щё* кому попадетсЯ, вроде так и жить будешь. *Солюшка* – *знащитъ*, жизнь солона, копейка – *боуатый* *будеть*. Детям их раздавали» (Логинова А.В., 1927 г.р., с. Кага).

* * *

9. «Жаворонков кричали, но только не мы. Мама рассказывала.

Жаворонки, прилетите,
Принесите лето красное,
Весну теплую, хлебобробную,
Добро в дом принесите.

Кричали их на дворе, мама и пекла жаворонков» (Урцева В.И., 1930 г.р., п. Тирлян).

Казачьи станицы

* * *

10. «Жаворонков кричали обычно на 9 марта, в середине поста:

Жавороночки, прилетите-ка,
Красну веснушку принесите-ка,
Нам зима-то надоела
Весь хлеб переела.

Кричали мальчишки лет тринадцати, забравшись на поветь. Пекли жаворонков из сдобного теста. Свернёшь калачиком, хвостик выправишь, головку сделаешь, крылышки. Тогда и *кажимотка* выскакивала и пугала детей.

Женщины в Великий пост должны были прясть и ткать. А *кажимотка* бегала и пугала маленьких девочек: «Кажы моты. Кажы, сколько напярла». Отсюда и название – *кажимотка*. Я сама бегала. Мать меня *снарядит*: горб приделает, шубу оденет, *подпоясает*, бадаг* даст, для веселья. Я к Шеметовым бегала, к Марии Александровне, у них Манечка маленькая была. Я её пугала: «Ну чё, много мотков напярла?». А она боится, ребёнок же, на печь заберётся. А я молодая была, ума-то не было.

Кажимотки бегали с утра по соседям, два-три двора» (Сысуева З.Д., 1929 г.р., п. Краснинский).

* * *

11. «Жаворонков обычно кричат в день Сорока святых, это 9 марта. Кричали раньше и девушки, и дети, а сейчас уж редко кто будет это делать, разве что малые дети и то ради забавы. Залезали дети и девки на поветь или сарай и кричали:

Жаворонки, прилетите,
Крынку масла принесите,
Яйцо красно,
Весну красну!

Пекли раньше жаворонков в форме птичек. Замешивали сдобное тесто, на сметане, клали три яйца, сахар, соль, чуть-чуть соды и мешали тесто. Выпекали любое количество, чем больше, тем лучше. Раньше ведь ходили очень часто в гости друг к другу, особенно по праздникам» (Осипова А.Ф., 1938 г.р., п. Краснинский).

* * *

12. «Жаворонков кричали 9 марта. Их напекут, и идем на повети, кидаем их так:

Жавороночки, прилетите-ка,
Красну веснушку, принесите-ка,
Нам зима-то надоела,
Ручки-ножки *познобила*,
Скотинушку поморила.

Пугали так, заставляя работать» (Михайлова З.Е., 1918 г.р., с. Увалька).

* бадаг- палочка

* * *

13. «Жаворонки – весной. Они в одно число 9 или 7 марта. Сама и пекла, и лазили кричать.

Раскатаешь лепешечку. Головку не катаешь, оставляешь толстенькой, вырезаешь хвост, крылья. Глазки из вишенки. Кислое тесто делаешь сдобным. Для сдобного *ложишь* пахты или маргарин.

Количество жаворонков? *Кака* семья. Два листа примерно, каждый схватит по жаворонку, лезет на крышу. Кричат:

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела,
Всё сено съела,
Весь хлеб съела,
Всё переела.
Жаворонки прилетите....

Я *дак щас* не знаю, когда жаворонки. Девчонкам своим ещё пекла. 14 лет ещё все лазили. 14-15 лет – это всё ещё детство. Как испечешь, прямо горячее берут. Встают с постели, ну-ка лезь давай, да они и сами знают» (Кожухова Т.Г., 1929 г.р., с. Великопетровка).

* * *

14. «Мать *пташечков постряпат* в форме узелка. Детей дополна, в теплый день выйдешь и кричишь:

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите,
А зиму унесите,
Нам зима надоела.

Это 9 марта по старому стилю, а сейчас 22 марта было. По церковному писанию праздник «Сорок святых». В этот день птички *ваккурат* прилетают» (Кочкина П.Д., 1913 г.р., с. Великопетровка).

* * *

15. «На 22 марта пекут жаворонков. Пресное тесто намесят, как на пельмени, и птичек лепят. Дети залазят на поветь и кричат:

Жаворонки! Прилетайте-ка,
Красну весну принесите-ка,
Нам зима-то надоела,
Весь хлеб *приела*,
Всю кудель переплела,
Веретёнки переломала.

Кажимотка – женщина наряжается как Баба Яга. Дети залезут на крышу – она их пугает. Лицо сажей, тряпье, шубу, лицо закроет куделью, навесит на лицо и взрослых пугает» (Таныгина Е.Д., 1916 г.р., п. Краснинский).

* * *

16. «На праздник Сорока святых, всегда 22 марта, детям пекут жаворонка. Дети залезают на сарай и кричат:

Жавороночки, мои матушки, прилетите,
Красну вёсну принесите.
Нам зима-то надоела,
Все запасы переела.

В этот момент *кажимотки* ребятишек этих гоняют и заставляют считать *говяки*. Полушубок вывернут, мажутся сажей старички и старухи. Гоняли ребятишек поить скотину» (Борзенкова В.К., 1940 г.р., п. Краснинский).

* * *

17. «Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела,
Всю солому переела.
Всю скотину заморила....

22 марта – жаворонки. Кричали их. Когда *хошь* – то утром, то днём. На *вила* лепёшки повесят, на поветь залезут или на крышу, да и кричат. И *кисло* тесто пекут, и *пресно*, кто *како* сделает. Глаза жаворонкам из вишенок делали, хвост разрезали и маслом мазали. А пекут *стоко*, у кого *сколь* детей да внуков. Всё их детям раздавали. А те ели их, да и всё тут» (Третьякова Е.Е., 1920 г.р., с. Великопетровка).

* * *

18. «Жаворонков все стряпали 22 марта. В другой день нельзя. Тесто делали, какое есть: пресное, кислое. Делали две полоски, потом разрезали – делали хвост. Глаза из ягод или изюма. Печешь столько жаворонков, сколько внуков, сколько детей. Всем *по жаворонке*. Дети выходили на двор, кричали:

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела,
Все сено переела.

Ребята сразу съедают жаворонков, а мы так, чай пили» (Головина В. Н., 1925 г.р., с. Великопетровка).

* * *

19. «22 марта закликали жаворонков. Пекли жаворонков из сдобного теста, глаза-вишенки. Кричали на крыше ребятишки:

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела
И скотина всё сено съела»
(Вахтерова М.Н., 1939 г.р., с. Великопетровка).

* * *

20. «Сорок сороков у нас называют праздник – 22 марта сорок птиц прилетает. Жаворонки мы звали. Обычно детей заставляли жаворонков кричать. *Бувало*, ребятишки залезут на крышу и кричат:

Жаворонки-чивринки, летите,
Нам лето несите.
Нам зима надоела
Всю картошку съела.

В году пятьдесят шестом у нас вот отец сына отправляет жаворонков кричать, а на улице вьюга, пурга, а сынишке-то тогда года три было, а отец его учит: «Говори так:

Жаворонки летите,
(туда его мать)
Там лето несите
(туда его мать)».

А сын плачет, ему холодно, буран, а *нады* на крышу лезти» (Попова В.Г., 1933 г.р.; Долганова А.П., 1920 г.р., с. Увалька).

* * *

21. «Хоть *сколь* пеки! Лист или два. Половина поста пройдет, так пекут жаворонков и кричат. Весной это. Выходят на двор, на повети:

Жаворонушки, мои матушки,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела,
Весь хлеб переела.

А тут *кажимотка со своём*: «*Чё* сделали? *Чё* направили? *Чё* вязали?» Подойдет, палкой *постукат*. Сами же раньше ткали, сами пряли» (Шеметова М.Д., 1915 г.р., п. Краснинский).

* * *

22. «Жавороночки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела,
Весь хлеб переела.

Кричали дети утром на крышах. Печенье *посодют* на палочки. Жаворонки – это не в дни бывает, с весны где-то.

Делали из сдобного или пресного теста. Я делала примерно листик – *ребётня* перетаскает. Глаза делали из вишен» (Юлаева Т. В., 1928 г.р., с. Великпетровка).

* * *

23. «Жаворонки пекли. Тесто пресное, как на пельмени. Узелком заворачиваю тесто, хвостик надрезу, глаза-вишенки. И кричим:

Жаворонки, прилетите,
Красно лето принесите.
Нам зима надоела,

Скотина всё сено съела.
Лазили на сено, на сарай» (Татарникова А.И., 1940 г.р., с. Великопетровка).

* * *

24. «Жавороночки так делали. Тесто сделают, потом глазки из вишенок, хвост сделают. После выйдем на поветь и кричим:

Жавороночки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела,
Весь корм переела»
(Осинцева А.В., 1908 г.р., с. Великопетровка).

* * *

25. «Жаворонки мать настряпает, краской покрасит. А мы залезаем на повети. И, бывало, на голову жаворонков посадим и кричим:

Жавороночки, прилетите-ка,
Холодну зиму унесите,
Красну весну принесите-ка»
(Кожевникова К.А., 1923 г.р., п. Краснинский).

* * *

26. «Пекли, да на поветях подбрасывали, да кричали:

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима *назнобила*,
Всю скотину поморила.
Улети, зима, не к нашим,
А к *чувашим*.

Пекли кресты и внутрь клали щепку, пшеницу или деньгу, а потом тянешь. Сын мой вытащил со щепкой, ревел и в пятнадцать лет умер.

Кресты-пророки,
Изломайте все пути-дороги.
Нам зима-то надоела,
Все руки *познобила...*»
(Пузикова Е.Г., 1925 г.р., с. Увалька).

* * *

27. «Жаворонков пекли. Выходили кричать на поветях:

Жаворонки, приходите,
Тёпло лето принесите,
Холодну зиму унесите.
Нам зима надоела,
У нас сена-соломы нет.

Печенье наденешь на вилки^{*}, на рог – да повыше поднимешь и кричишь. Моты-то носили тоже. *Казали*, чё направили. Сами не знаем кому. Жаворонкам этим.

Кажимоты – это такой день был; *казали* моты, чё направила. Великим постом это было. Прибаутки эти были, и жаворонки, и моты в один день.

Это чтоб пряла хорошо, а то замуж не возьмут. Придет *кажимотка*, будет просить: «Чё направила?».

Наряжались. Шубу выворачивали, в *робячьи* штаны одевались. Кто сетку наденет, кто намажется сажей. Девки наряжались.

Кужелька – это шерсть» (Воробьева А.А., 1909 г.р., с. Арси).

* * *

28. «Жаворонков стряпали из пресного теста:

Жаворонки, прилетите,
Красно лето принесите.
Нам зима-то надоела,
Хлеб весь переела,
У скотины всё сено съела»

(Сибирчикова Т.Д., 1936 г.р., с. Великопетровка).

* * *

29. «Девчонками всё жаворонки делали. Мама хорошо их делала.

Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите.
Нам зима-то надоела,
Все сено съела,
Всю скотину заморила.
Жаворонки, прилетите!

Великим постом на четвертой неделе в *середе хресты* пекли. Перелом поста семинедельного, вот на четвертой *хресты* пекли. Запекали палочку, ягодку» (Артемьева Е.Е., 1932 г.р., с. Великопетровка).

* * *

30. «Девкам говорили: «Давайте прядите, а то жаворонки прилетят, *жопу* расклюют».

Пекли жаворонков из теста. Запекали кто чё. Если щепка – умрет человек, пуговица – хорошо жить, горох – тоже житье.

Стращали этими жаворонками. Заставляли прясть, даже за ножку стола привязывали» (Сурменёва А.П., 1923 г.р., Кузьмина Т.К., 1914 г.р., с. Арси).

* * *

31. «Жаворонков кричали. На повети залазили: «Не будешь прясть, тебе *воробьишка жопу* расклюёт. А ты: «Жаворонок, не клюй мне *жопу*, вот я направила».

* вилки - вилы

Жаворонки-жавороночки,
Прилетите,
Красно лето принесите.
Нам зима-то надоела,
Много сена переела...

Маленькие были; мать жаворонков *напекёт*, на крышу залезешь и вот кричишь.

Я начинала молоденькой, маленькой прясть. С бабушкой всё ходила: охлопки пряла, а она – мочки, намоченную коноплю. Говорили: «Не будешь прясть, *тя* никто замуж не возьмет, ленивая» (Медведева Е.А., 1917 г.р., с. Арси).

* * *

32. «*Кажимотка* – это весной, когда должны птички прилетать, жаворонки. *Кажимот*, *кажи мот* – вот такое, то есть кажи мотки, которые ты за зиму напярла. Женщины ведь обычно в деревне зимой начинали прясть, вязать, ткали. И вот покажи свои изделия, мотки, что шерсть спряли. Никто эти мотки не показывал, просто было так заведено. Говорят: «Тебе ничего и показать-то, ты не пряла, не вязала, не работала за зиму». Это значит просто показать свою работу. Женщина пряла. На мужчину же не скажешь *кажимот*. Может, кто и наряжался неопрятной, но на моём веку такого уж не было» (Коваль В.Е., 1927 г.р., с. Арси).

* * *

33. «*Кажимотки* рядились в «жаворонки». Жаворонков пекли из пресного теста. Залезали на поветь, ставили птичку на ладонь и зазывали весну:

Жавороночки, мои матушки,
Прилетите-ка к нам,
Весну принесите.
Нам зима надоела,
Все запасы *приела*...

В это время *кажимотки* пугали тех, кто призывал весну, заставляли их считать *говяки*, *говяши*. Их очень боялись.

Весь хлеб переела,
Всю *куделю* перепряла,
Веретёшки переломала»

(Соколова А.Д., 1928 г.р., п. Краснинский).

* * *

34. «*Кажимотки* бегали в жаворонки. Кто снаряжался, вывернут овечью шубу. Лицо спрячут, оденут какое-нибудь рваньё; с палочкой бегали, ходили. Бегали каждый год в один и тот же день. *Кажимотка поймат* кого-нибудь, спрашивает: «*Сколь* за зиму напярла?». Два-три мотка – мало, а потому ввали, говорили побольше. Боялись их, во двор, бывало, забежишь. Мама* так *сказывала*, при мне уж не бегали. Кудель одевали, маски делали из чего придется. Всё одевались больше мужики. Дети маленькие кричали,

* мать Арзамасцевой А.С. 1906 г.р.

до пятнадцати лет, а прясть начинали рано – мама, например, с двенадцати» (Арзамасцева А.С., 1937 г.р., п. Краснинский).

* * *

35. «Рано начали прясть, ещё в школу не ходили. *Кажимотка-то?* Это когда ты нарядешь мотки, будут жаворонки. В это время залезешь на поветь и кричишь жаворонков:

Жавороночки, прилетите-ка,
Красну весну принесите-ка.
Нам зима-то надоела,
Весь корм поела.

А *кажимотка* бежит и кричит: «Кажы моты! Кажы моты! Сколько напярла ты?!» *Снаряжались* так. Маленькие были, очень пугались, прыг с поветей и бежать.

Жаворонков ещё раньше пекли. Фигуристые были. Одевались *кажимотки* в вывороченную шубу. Чё пострашнее, чтобы страшному быть, кто любитель снаряжаться – либо мужчина, либо женщина. Узнают только по голосу или по походке. А вообще-то, обычно женщина, она в мотках-то больше понимает.

При нас уже не было. Может в 20-х годах, до Советской власти всё это происходило» (Сысуева Е.И., 1931 г.р., Мاستьянова Р.С., 1927 г.р., п. Краснинский).

* * *

36. «Шаль наденет и старый полушубок *выворотит*. Моты спрашивает. А эти моты, они подвязываются в избе, у печки, вроде как сушат их. И мама говорит: «Нет, она у нас хорошая пряха, *вишь*, сколько напярла». А мы-то её не *знам*, ряженую женщину, но догадывались, что это нянька Лампея, старшая сестра. Мама говорит: «Не она», и та тоже: «Я не Лампея, я моты спрашиваю». Вот она посмотрит, скажет: «Ой, хорошая у вас девочка, много намотала». И отправится с костылём. А я говорю маме: «Да она в хлев пошла раздеваться». А меня тятя с мамой не пускают. А потом говорят: «Лампеюшка к нам ведь приходила, спрашивала, *сколь* Зина напярла».

Придет *щас* моты спрашивать. Весна придет. Весной ведь это дело, снег таял. Спрашивают: «*Сколь* напярла, *сколь* за зиму наготовила?!» Летом-то другая работа. Великим постом, когда *Масленку* проведут и до Пасхи, моты спрашивают» (Михайлова З.Е., 1918 г.р., с. Увалька).

* * *

37. «*Кажимотка* приставала к девушкам: «Кажы мот, чё напярла?» Тогда и лён, и коноплю, и шерсть пряли. Я пряталась: прясть же не умела. Успею, смогу показать материн. Она похвалит, скажет: «Молодец, дай бог здоровья, жениха хорошего». А нет: «Так кто ж *тя* замуж возьмет? *Неумеха!*» (Кожевникова К.А., 1923 г.р., п. Краснинский).

* * *

38. «Как я помню, нас заставляли с 6-7 лет прясть. Напярдешь – *кажимотка* тебя не будет бить. Стращали нас. Эти *кажимотки* бегали, догоняли нас. «*Сколь* напярла?» *Тащишь*, ей покажешь. Она похвалит.

Наряжались *кажimotoкми* всегда 9 марта по-старому. Всегда так его и ждали. Женщины наряжались, мужчины не наряжались – они в Новый год.

Меня пугали, но у меня была пряжа. Если пряжи мало, то спрашивает: «Почему?». Скажешь, что водилась, мамке помогала.

И в дом *кажimotoкми* заходили, а так в основном им выносили, пряжу показывали. *Рямки, рваньё* наденут; завешаются, лицо не видно. Боялись их *шибко*. *Кажimotoкми* не надевали шубу или тулуп. Это мужчины в Новый год, тулуп *выворотят* косматой стороной, с кнутом ходят, горб делают. Вот они мальчиков гоняли. Кто не знает, того *говяхи* заставляют считать. А если они считать не умеют, то гонят их на озеро, заставляют пить воду из проруби. Там уж отпускают. *Старички* бегали. Девушек в Новый год не ловили, но они тоже боялись. Идти боялись, ждали, пока *старички* пробегают. *Кажimotoкми* бегали с утра, так как это будничньй день. А *старички* в Новый год, когда праздновали, и утром, и вечером бегали. Они уже и накануне бегали, когда девки ворожили. Но до обеда была служба, ходили в церковь, после бегали, пока служба – ни одного *старичка нету*. На ноги коноплю *наматат*» (Грудинина А.И., 1910 г.р., п. Краснинский).

* * *

39. «Великим постом на Сорок сороков пекли пироги с начинкой: с горохом, пшеницей, коноплём, а то и с *шепочкой*. Кому *чё* попадет, то и будет. *Шепочка* попадет – *помрешь* рано.

Кресты пекли из теста с начинкой. В серёдку положат горох ли, конопли. Мамы всё *удельывали* и дарили нам пироги *энти*. Вот пост восемь недель, через четыре недели *крестики-та* и пекли. Ломали их посередке, смотрели, *чё* тебе попало.

Раньше рядились в *кажimotoкми*, зимой ходили. Девчонки нарядимся так, *чё-нибудь* плохонько, с палочкой. Великим постом *кажimotoкми* ходили. Ходили по *дворьям*, где напугают маленького, *которы* и не пустят в дом. *Кажimotoкми* ребяташек пугают. «Вот заберёт *кажimotoкма*, ходит-то, не слушаешься», – пугали ребяташек.

Девчонок-то пугали, чтоб пряли. «Пряди лучше, а то вот жаворонки прилетят и жопу расклюют». Это в Великий пост» (Кузьмина Т.К., 1914 г.р., с. Арси).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Калашникова Александра Андреевна, 1910 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 1 кл. ЭК-23^а, 2001 г., т. 1, л. 2, записала Старикова Е.
2. Кудряшова Вера Михайловна, 1925 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-25, 2002 г., т. 3, л. 3, записала Засова О.
3. Баранова Устинья Ивановна, 1926 г.р., урожд. д. Ирныкши Архангельского района, в Инзере вышла замуж. ЭК-19, 2000 г., в/з к. 15, обработка Моисеевой С.А.
4. Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 3 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 27, записали Куркина О., Чеканова И.
5. Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 3 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 8, записала Чернова О.
6. Чертихина Александра Федоровна, 1911 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. нет. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 9, 23, записал Тимошенко А.
7. Патрикеева Пелагея Максимовна, 1910 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 1 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 28, записали Чеканова И., Куркина О.
8. Логинова Анна Васильевна, 1927 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 5, 23, записали Моисеева С.А., Богуш О.
9. Урцева Валентина Михайловна, 1930 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 3 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 2, записали: Чеканова И., Куркина О.
10. Сысуева Зоя Дмитриевна, 1929 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 8 кл., с/з Чекановой И., 2001 г., п. 4, л. 3.
11. Осипова Александра Федоровна, 1938 г.р., урожд. Горьковской обл., в п. Краснинском с 1938 г., с/з Осиповой О., 2001 г., п. 4, л. 8.
12. Михайлова Зинаида Егоровна, 1918 г.р., урожд. с. Увалька, обр. 4 кл. ЭК-15, 2000 г., п. 1, л. 5, записали Куркина О., Чеканова И.
13. Кожухова Татьяна Григорьевна, 1929 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 4 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 6, записала Чеканова И.
14. Кочкина Павлина Дмитриевна, 1913 г.р., урожд. с. Толсты Карталинского района, в Великопетровке с 1961 г. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 5, записала Сулимова М.
15. Таныгина Ефросинья Дмитриевна, 1916 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 6 кл. ЭК-12, 1998 г., п. 1, л. 10, записала Рожкова Т.И., в/з к. 1.
16. Борзенкова Валентина Константиновна, 1940 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. сред. ЭК-12^а, 1999 г., п. 10, л. 6, записали Гарипова М., Дюсмикеева Н.
17. Третьякова Евдокия Егорьевна, 1920 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 1 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 4, записала Сулимова М.
18. Головина Вера Николаевна, 1925 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 5 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 10, записала Чеканова И.
19. Вахтерова Мария Николаевна, 1939 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 7 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 3, записали Мухаметзянова Ж., Корнилова К.
20. Попова Арина Петровна, 1920 г.р., урожд. д. Казанка, Башкирия, в Увальке с 1939 г., Долганова Валентина Григорьевна, 1920 г.р., урожд. с. Увалька, обр. ЭК-15, 2000 г., п. 1, л. 1, записала Моисеева С.А., в/з к. 13.
21. Шеметова Матрена Дмитриевна, 1915 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 2 кл., с/з Чекановой И., 2001 г., п. 4, л. 4.

22. Юлаева Татьяна Васильевна, 1928 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 7 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 11, записала Чеканова И.
23. Татарникова Анна Ивановна, 1940 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 7 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 2, записала Мухаметзянова Ж.
24. Осинцева Анна Васильевна, 1908 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 1 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 13, записала Чеканова И.
25. Кожевникова Клавдия Александровна, 1923 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 10, л. 4, записала Чеканова И.
26. Пузикова Елизавета Григорьевна, 1925 г.р., урожд. с. Увалька, обр. 4 кл. ЭК-15, 2000 г., п. 1, л. 6, записали Куркина О., Чеканова И.
27. Воробьева Анна Афанасьевна, 1909 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22, 2000 г., п. 4, л. 1, записала Чеканова И.
28. Сибирчикова Татьяна Дмитриевна, 1936 г.р., урожд. с. Ольховка, в Великопетровке с 1952 г., обр. 7 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 7, записали Мухамедзянова Ж., Корнилова К.
29. Артемьева Евдокия Егорьевна, 1932 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 4 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 8, записала Корнилова К.
30. Сурменёва Анна Петровна, 1923 г.р., урожд. с. Арси, обр. 2 кл., Кузьмина Татьяна Кузьминична, 1914 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22, 2000 г., п. 4, л. 8, записала Чеканова И.
31. Медведева Евдокия Александровна, 1917 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22, 2000 г., п. 4, л. 6, записала Смородина Л.
32. Коваль Валентина Егоровна, 1927 г.р., урожд. с. Арси, обр. ср. спец. ЭК-22, май 2000 г., п. 4, л. 2, записала Гарипова М.
33. Соколова Агриппина Дмитриевна, 1928 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 10, л. 5, записали Воскобоева Н., Махмутова Л.
34. Арзамасцева Антонина Степановна, 1937 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 10, л. 9, записала Чеканова И.
35. Сысуева Екатерина Ильинична, 1913 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл., Мاستьянова Раиса Степановна, 1927 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл., с/з Чекановой И., 2001 г., п. 4, л. 6.
36. Михайлова Зинаида Егоровна, 1918 г.р., урожд. с. Увалька, обр. 4 кл. ЭК-15, 2000 г., п. 1, л. 4, записали Куркина О., Чеканова И.
37. Кожевникова Клавдия Александровна, 1923 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 10, л. 1, записала Чеканова И.
38. Грудинина Анна Ильинична, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 10, л. 7, записала Чеканова И.
39. Кузьмина Татьяна Кузьминична, 1914 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22^а, 2001 г., п. 1, л. 5, записала Моисеева С.А.

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ, ПАСХА, КРАСНАЯ ГОРКА, ЕГОРИЙ

Горнозаводские сёла

* * *

1. «Благовещенье 25 марта по-старому, а по-новому – 7 апреля, *щижёлый* день. Нельзя работать, а самое главное, новое дело не начинать. Мать рассказывала: телят угнали в этот день в отгон, и их волки поели» (Сухов Н.П., 1929 г.р., с. Кага).

* * *

2. «*Благовещенье* 7 апреля, она всегда в *щислах*. *Щажелый* день, *уговорят*: «Птица *уезда* не *вьеть*, девица косы не *плететь*». Вот кукушка-то ведь свила в *энтот* день *уездо*, и так и не *найдет* его – в *щужих* ведь *уездах* *яйцы-то* *подкладыват*. И, бывало, с *вещеру* косы заплетешь, чтобы в *Благовещенье* не *плесть*. *Тоуда* *поунали* скотину на *Благовещенье* и волки всех *яунят* поели. *уговорили* ведь старые, *щё* нельзя в *Благовещенье* *унать*.

уговорят, *Еуорий* с теплом, Никола с кормом. Никола есть зимний – 19 февраля [в действительности – 19 декабря], а есть и летом. На Николу жердь лежит и у *ночь* должна *зарость* травой.

Скотину *выуоняли* первый раз, как *снеу* *сойдет*, всё больше после Победы, в *щислах* 10-11 мая. Первый раз *выуоняли* *вербошкой*, которую в вербное воскресенье осветили и вот специально *берегут*, чтоб ей *выуонять*, чтобы скотина *целела*: не пропала, домой ходила, не сдохла. *Раньше-ти* пастуху давали, когда первый раз *выуоняли* скотину, кринку молока, ведро картошки, лапти. Мама, бывало, всегда пастуху *утовила*. А теперь ведь и пастухов нет» (Логинова А.В., 1927 г.р., с. Кага).

* * *

3. «*Благовещенье* тоже праздник большой. *Празднують*. День *ощень* *щяжёлай*. Бывало, старые люди *уговорили*: «Надо оставить работу на *друуой* день». Оно всегда в *щислах* – 7 апреля. У *мине* день рождения. *Скажут*: «Палец *заболить*, если будешь работать в *этот* день. Пальцы *будут* *нарывать*». *Щажелай* день.

Еуорий 6 мая, с теплом. Рассаду *сеют* или до *нащала* *Еуория* или после. А 22 мая Никола с кормом. На *Еуория* и кукушка *нащинает* куковать и так до Петрова дня куку-

еть. *Может* и неделю *перекуковать*. Я слышала, что мать *Шуроцки* *говорила*: «Первый раз когда скотину *провожают*, юбкой своей длинной старухи *махают*. Якобы к *жопе* моей *нищё* не *пристаёт*, так и к скотине *нище* не *пристанет*».

«*Карагод* водили, *когда* тепло станет. Пели: «Репей стелится, расстилается». За руки держатся, *кругом* *ходят*. В середине один *щеловек* *стоит*, ему и *поют*. Девки у проулке сидели снаряженные. *Карагод* *водють*, даже *мальчишки* *ходят*. В *карагоде* так пели:

Щижик, щижик, где ты был?
У конторе воду пил.
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.

В зайку *иурали* со словами:

Зайка, зайка, что с тобой?
Ты идешь словно больной.

Зайка, зайка, *подскощи*

На другого *наскощи*» (Телятникова Ф.П., 1921 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

4. «В Благовещенье нельзя работать, нельзя одевать новую одежду – она порвется. На Благовещенье птица гнезда не вьет, девица косы не плетёт. Кукушка без гнезда, потому что на Благовещенье его свила. Если на Благовещенье звёзд мало на небе, то мало будет яиц. Благовещенье 6 апреля, *кажись*».

Егорий 6 мая, в этот день старались скотину выгнать в поле вербой с вербного воскресенья или *чапельником*. Говорили: «Как *чапельник* от печи никуда, так бы наша коровушка от дому никуда. *Хозяива* давали пастуху яиц, молока, хлеба, соли. Лошадь гладили яйцом по голове: «Как яйцо гладко и кругло, так и, лошадка моя, будь кругла и сыта» (Горелова А.Т., 1912 г.р., п. Ломовка).

* * *

5. «*Благовещенье* – *этот* день *оцень* *тяжолой*. На *этот* день девица косы не *плетёт*, *птицка* *гнезда* не *вьёт*. В это день не надо работать: шить, прясть».

Егорьев день – *ждуть* тепло. Кукушка *закукует* и до Петрова дни *будет* *куковать*. *Егорий* подошел – *рассаду* сеять *нады*. Свекровь сеяла рассаду вот как: *посеют* её у *рассадник* и *кладеть* первое *яицкя* посередке, чтоб правильно засыпать. *Сыпють* землю, пока до половины *яицкя* не *насыпють*. Когда какое время *бывает*, а то и на *Егория* скотину *выгоняють*. *Когда* пастух первый табун *собирает*, *тогда* кто *щё* *может*, то и *даёт* пастуху – *кто* *яйцы*, *кто* *щё*.

Карагоды водили, *када* ещё *девцатами* были. Выйдем, бывало, давайте репей устраивать. Возьмемся за руки и *карагод* водим, сами поём: «Репей стелится, расстилается. Ой, люли-люли, расстилается» (Силаева М.С., 1924 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

6. «До Пасхи *страшная* неделя была. Говорили: «Если кто-то болеет, то умрет». На первый день Пасхи, если кто умрёт, говорили: «Ой, какой счастливый человек».

Качели были на Пасху, а не на Красну горку. На качели ходили все. Лет 35-40, все ходили, у кого время свободное было. Клади две толстые жерди, связывали канаты. Бывает, качают-качают. Качали ребята и говорили: «Говори, какой кавалер был». Если говорили неправду, то будут бить, пока правду не скажет. Но в основном ходили ребята и девки молодые» (Политавкина Е.А., 1935 г.р., с. В. Авзян).

* * *

7. «Перед *Паской* овёс сеяли у *щашку*. Овёс *вырастет* зелёный, на *Паску* *накладешь* туда яиц крашенных. Потом эти яйца на кладбище *несут*. А овёс скотине отдашь. Скотина, дети маленькие – самый помин.

На *Паску* яйца *катают* по *моулке*, а потом *раскрошут*. Бывало, только *снеу* *стаёт*, так сразу идём на *моульник*. *Бывает, у день Паски, бывает попожже*» (Кудряшова В. М., 1925 г.р., с. Кага).

* * *

8. «К *Паске* овёс у *щашке* растили. Он быстро *растёт*, зелёный такой, *яркой*. *Кулиц* для этой зелени ставишь на праздник, у *зелень* кладешь яйца крашенные. После праздника овёс телятам отдашь» (Кузнецова Е.К., 1930 г.р., с. Кага).

* * *

9. «Под *Паску* костры *жүли*, стреляли. На *Паску* пели песни. До *Паски* *ювели*: варили рыбу, компот. Утром на *Паску* нам *яйцы* у рот *суют*. А мы не проснулись *иша*, у нас слёзы *катются*. А родители, *знай, суют, заставляют разувляться*. *Кащели* были. Парни ходили невест выбирать.

Репей на *Паску* делали. Соломы ржаной хорошей выберем, чтобы протыкать. *Эту* солому нарежем, *сколь* надо. И налаживали *этот* репей. Украшали: *бумагу* красили, яйцами украшали. Вешали для красоты на *окны*, тюли-то не было. *Урезали* из *газет* разные рисунки и на окна вешали. И на Масленицу ходили, и на *Паску* ходили; за руки *возымутся* и *поють*:

Репей стелется, расстилается.

Ой, люли-люли, расстилается» (Телятникова Ф.П., 1921 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

10. «Репей к *Паске* делали. Добывали сноп ржи, нарезали солому, строили клетку. Тут же её украшали бумажками от конфет. Мы его на потолок вешали, как люстру.

На *Паску* качели были, а как же. Девки на качели одевались красиво. Парни их *качают*, а сами *успрашивают*: «*Щей* жених *будет?*» Если и *нету* *никаво*, то *сё* равно

скажешь *каво*-нибудь. Парни девок на *кащелях*, конечно, *приулядывали*, да и девки парней тоже» (Силаева М.С., 1924 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

11. «Пасха не в *щислах*, по светилу она. Мартовское светило, например. *Иноуда* она на апрель, иногда на март или на май приходится. Неделю целую Пасха была. После этого готовились к севу. На *оуороде* *нащинають* землю *готовить*» (Бармина К.А., 1934 г.р., с. Кага).

* * *

12. «В церкви Пасху начинали с молитвы:

Христе, Воскресение твое спаси,
Ангелы поют на небесах,
Христос *воскресе*,
Из мертвых смертью смерть по праву.

Все иконы поднимают и носят их на гору. Очень большое внимание уделялось на Пасху *земляной* воде из колодца, которой принято было поклоняться. Также в руках несут «Божью мать». Бывало, и десять человек подойдут нести и поднять не могут. Были на Пасху и фонари, которыми украшали церковь и дом. Такой фонарь со всех четырех сторон обовьют, бывало, цветной бумагой, внутрь поставят стеариновую свечку и несут к церкви. И так вот зрелище такое красивое, так что похоже, будто фонари как гирлянды горят. С праздником Пасхи кончается Великий христианский пост семинедельный, а вообще, в году строго 200 *дён* постных, а 165 *дён* скоромных» (Горбатова Е.П., 1918 г.р., с. В. Авзян).

* * *

13. «На Пасху служба пройдет – попы по домам пошли. Как «Христос воскрес» запоют, так из пушек стреляют, вот где Черемушки – там пушки были. Две недели Пасха идет и колокола все трезвонят» (Патрикеева П. М., 1910 г.р., Благова А. А., 1915 г.р., п. Тирлян).

* * *

14. «Пасха – большой праздник, и вот у нас люди с батюшкой ходили за десять километров на Иордань. Это молились в последнюю пасхальную неделю. И вот на последней неделе поста батюшка и те, кто верует, ходили *на* Николаевку. А вот прежде, чем они пойдут, у нас здесь за четыре километра стояла часовня – ну, такая будочка, и если кто едет вот, например, в дальнюю дорогу, всегда к этой часовне подходили. Вот сначала помолятся в этой часовне на этот крест, потом они идут. Иконы тогда деревянные были. Сама вот эта Богородица большая, разнаряженная: с цветами, с лентами, она под стеклом. И вот эти двадцать километров они идут туда молиться. Дня три-четыре там пробудут, и *ихи* люди из Николаевки тоже приходят, и вот они сходятся и молятся» (Баженова А. И. 1915 г. р., п. Тирлян).

* * *

15. «На Пасху, у кого какая краска есть – шелуха, *олешник*, той и красили яйца. Обязательно нужно было положить крашеные яйца на божницу и раздать ребятишкам. Говорят, где пожар, туда *кидают* яйца с божницы, чтобы он утих. Яйца на божнице хранились от Пасхи до Пасхи.

На Пасху, когда я учился, на церкви лампадки зажигали, потом *лоуны* стали жечь. На лошадях ездили, на *юре лоуны* жгли.

На Красную *юрку*, *щез*ез неделю после Пасхи, *яйцы* носят на кладбище. Кто целиком на могилку *положить*, кто *раскрошить*» (Сухов Н.П., 1929 г.р., с. Кага).

* * *

16. «От грозы яйца с Пасхи *ложат* на божницу. Одна принесла яйцо, лежало от Пасхи на божнице три года, обошла пожар, и огня не стало, дальше не пошло» (Юрочкина А.А., 1935 г.р., с. В. Авзян).

* * *

17. «На Пасху христосоваться много ходили. Одно яйцо *ложут* на божницу – когда пожар *бывает*, их в пожар и *кидают*, чтоб ветер в другую сторону дул.

На Красную *юрку* тоже красили яйца. На Пасху козлы *налают* – качели. Качаются: «Скажи, чей *мохерин?*» *Бьют*, чтоб сказала. Потом девка соврет *щё-нибудь*. Кто козлы *наладить*, тому, *шоб покащаться*, яйцо *дают*. Были и карусели – люльки как-то крутились» (Желнина Т.В., 1923 г.р., с. Кага).

* * *

18. «На *Паску* *кулици пекут*. Целую неделю *кулиц* *стоит*. К концу его *разрезают*, *едят*, а на Родители на кладбище на могилки *раскрошут*. На *Паску* *кащели* ставили, круглые с люльками. Старики ходили невест смотреть. На скамейках *сидят*, *выбирают*, какую сватать *пойдут*. Маму мою отец силой отдал. Избил так, что вся кофта в крови была. Так и прожила мама потом с нелюбимым» (Силаева А.Е., 1923 г.р., Соколов И.Ф., 1924 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

19. «Кулич с Пасхи оставляли. Когда сеять начинают, кулич этот *крошут* и в *пашеницу* кладут, чтоб урожай хороший был.

На последнюю неделю мясоеда нельзя венчаться. Лучше всего венчаться в мясоед, на Красную горку. На Красную горку яйца катали на поляне у двора. Делали лунки и закатывали в них яйца. Кто закатит, тот и победит. Качели делали» (Белобородова К. Н. 1919 г. р., Ивановская С.Г. 1921 г.р., п. Тирлян).

* * *

20. «Красная *горка* – *хорошай светлай* день. Раньше на *иво*, бывало, свадьбы играли. *Этот* праздник *щез* через неделю после Пасхи был. *Ево* и справляли, бывало, у кого были *моложайки*. *Эт* не как *щас*, *тада* лучше было. Землю на Красную *горку* слушать ходили, с умершими говорили. И это бывало. И девушки могли ходить, ну, землю-то слушать. *Хто поидеть поплацет*, *хто* помолится, *хто* поклоняется, *хто ще*.

После Красной *горки* – Родители, во вторник. Говорили, что яйца крашенные на поляну носили, *щай* пили» (Трифорова П. А., 1916 г.р., с. Кага).

* * *

21. «Весну в *Паску* *встрещали*. *Кащели* делали, на улице выходили *разнаряженны*. У субботу с *Паской* *проишались*, а в воскресенье – Красная *горка*. У тем *логу* *кащели* делали за *яйцы*. *Хто* кататься *идеть*, *несёт* им за это яйца. Были *круулые* *кащели*, с люльками. У «*Костыли*» *иур*али.

На *кащели* наряжались. У мене была юбка красная. Мама *скажет*: «На *кащели* не садись, юбку изомнёшь». *Хто-то* говорил: «*Просвят* день до обеда». А *щё* это *знащит*, я не знаю. Просто так *говорили*. Некоторые девки просто стояли: *снаряженны* ведь, *кащаться* нельзя, а то юбку сомнешь. Даже старики на *кащели* ходили. Бывало, *придут* на *гору*, *стануть* возле и *смотрють*. Там и *иуры* были. Да не помню, малая была. А потом война *нащалась*, некому *иурать*-то было. *Есь-то* *нещев*о было. Голод был» (Платонова А.И., 1927 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

22. «На Пасху делали козлы из жердей: с одного боку три жерди и другого три жерди, и *уверху* их связывали верёвкой. Метров шесть они высотой были. Сверху на *их* клали большую жердь и привязывали верёвку, на *её* клали *дощещку*. Бывало, девку посадят два парня и *качают*, а сами *бьют* по ногам верёвкой и *спрашивають*: «Чей ухажер, *каво* любишь?» Если не скажешь, они *раскачают*, аж через козлы не перелетишь и сердце *завёхывается*. Качаются все желающие без исключения. Правда, маленькие качались днём, а взрослые *вещером*» (Лаврухина В.П., 1933 г.р., с. Кага).

* * *

23. «На Пасху *кащели* были, козлы по улицам стояли. Девки собирались, ребята тоже приходили. Мы тоже с подружками ходили, маленькие ещё были. Охота была посмотреть, что там постарше *делают*: сидят, танцуют, *кащаются*. *Кащели* до Троицы стояли. Они же *круулые* были, туда двое садились, *ноуи* закрывали и *айда* *кащай*.

Мне дома дали пять копеек, охота же попробовать *покащаться*. Я пришла, ко мне постарше *девщонка* подошла: «Чего стоишь?» Я *говорю*: «Вот на пять копеек *покащаться* хочу». Она выхватила *деньуи* и убежала. *Деньуи* отдавали тому, кто в улице заведовал *кащелями*. Всю Пасху на них *кащались*, народу тьма возле них толпилось. А вот пожилых женщин мало было.

Красная *горка* после Пасхи *щез* через неделю. В церковь ходили – большой праздник. Женщины собирались. А в церковь и *мужуки* тоже с ними ходили» (Оглобличева А.П., 1920 г.р., с. Кага).

* * *

24. «На Пасху *кащели* устраивались. Козлы ставили. Три *козлины* с одной стороны и с другой три. Жердь на *козлины* клали и веревку тянули. Парни *кащают девчат* и верёвкой *лупют*, и *спрашивают* жениха.

На Пасху ходили матери на качели, присматривали своим сыновьям невест» (Осокина А.П., 1924 г.р., с. Узьян).

* * *

25. «Как Пасха пройдет – яйца катали. Колышек вобьем и яйца к ним положим. Мячиком в яйца кидали, мячик из тряпок шили или из *коровий* шерсти *накатаешь*. Кто сшибет колышек, тот и яйцо забирает. Так и играли – кто больше яиц наберет» (Гаврилова А. Н., 1923 г.р., п. Тирлян).

* * *

26. «Красная горка за Пасхой. По лесу гуляли, дома. На Пасху качели были круглые. Все на них качаются. *Качают, качают*, потом хлоп ремнем, *спрашивают*: «Кто ухажер?» или «Кто ухажерка?» (Юлина Е. Н., 1927 г.р., с. Кага).

* * *

27. «Красная *горка* после Пасхи у *воскресенье*. Вот *воскресенье* – первый день Пасхи, и вторая *воскресенья придет* – вот это Красная *горка*. Бывало, мама нам пирожки собирала, и мы *девчатами* ходили на Красную *горку-та* опять на *эту же поляшку*, которая на *горке* была. Плясали там с *гармониями*. *Ребята*, девки, молодые *мужуки* и бабы молодые *идут*, там полно. Там и *оюнёк разведут*, там и *щай кипятят*.

Качели были на Пасху *ую* неделю до Красной *горки*. На *кащели* все ходили. Вот были у нас, повыше нашего *мауазина*, там были карусели *круулы*. *Туды дык* все ходили: и пожилые, и молодые. Мы так *жа* *соберёмси*:

– Куда пойдём?

– *Айдатя* пойдём *нонще* у лоу, *туды* на *кащели*.

Пошли *туды*. Пришли *туды* на *кащели*. Вот одна девушка...А жарко, Пасха поздняя была, вот так как *щас* жарко. Вот она пришла у пуховой *шале*. А я стою да *уоворю*: «*уоспыди*, *щё* ж она ещё тулуп не одела?» А *мине* их *девки-та*, *лоуиновские*, *уоворять*:

– *Дык тут* её мать и отец, и вон *эти* Платоновы-то невесту *вубирают*.

– Да и *де ж* они её *вубирают*?

– А вот *щас* *улядят*, вот Максимова у *его* была ухажерка, у *щём* она подвязана. *Энта* у *полушалошке*, а *эта* у пуховой *шале* – Настька Армизонова.

Во! А их *толька* *ущерась* приехали с Баймаку, привезли ей шаль пуховую. А *нонще* она подвязала. Ах, ты, *щё* ж они ей не дали у покос *ешё*, чтоб косить у ей. Ну, *смеёмси*! Ну, и вот *выбрыл*. Ему-то её не надо, ему-то надо, он *знакомилси* с Максимовой с Анюшкой, а они *выбрыли* у пуховой *шале* и *узяли*. Вот *эта* на Красную *горку* на *кащелях-та* невест себе и *приулядывали*» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

28. «Красная *горка* после Пасхи через неделю. На вторую неделю она. Я маленькая была, плохо помню. После неё *щезет* две недели – Родители.

На Красную *гуляли* и мужики, и женщины, и молодые. *Усе-усе*. У проулке *кащели* у нас *ую* Пасху стояли. Всю неделю *кащались*. И большие, и маленькие. За яйца ведь *тогда* *кащали*. Верёвку *натянуть* и люльку *раскачивают*. А кому охота на *кащелю*, *отдаёт* яйца сырые ли, варёные, *хуть* какие. А вот на *гору* не ходили. На Красную *горку* или на Пасху айда *пожалуйста* замуж выходи. На первый день Пасхи *обычно* мужик *идёт* *уперед* и на *гармошке* *играет*. За ним баба – она *поёт*. На Пасху разрешали шить обновки. Если, допустим, раньше не успела тебе мать сшить обновку – пусть *шьёт* на Пасху. Можно яйца катать на горку и на Пасху, *ую* неделю. Это ребята с *горки* яйца-то катали» (Артемьева А.В. 1920 г.р., с. Кага).

* * *

29. «На Красную *горку* свадьбу справляли. Её на мясоед, зимой, играли, потом на Красную *горку* – через неделю от Пасхи. На *кащелях* на Пасху качались; боже упаси, если кто-то до Пасхи качели привязал.

За матку у сарае её привязывали. На *кащелю* шли, как на праздник! На кладбище лесина была, там тоже качались. По одному *кащались*. Мальчишки брали вдвоём нахлестки и раскачивали. Сами раскачивают и *говорят*: «Чей жених? Чей жених?», и бьют в то время. Опять раскачивают: «Чей жених? Молчишь? Чей *мохерин*?» И ещё сильнее раскачивали, пока не назовешь жениха. Эту верёвку так и звали – нахлестка. Спрашивают: «*уде* нахлестка?» «А она там, на сосне». Там её и оставляли. Наряжались к празднику, платья шили, калоши покупали» (Копытова М.С., 1935 г.р., с. В. Авзян).

* * *

30. «В первое воскресенье после *Паски* праздновали Красную горку. Пели песню «Мой репей», праздновали свадьбы. В «Мой репей» играли как в ручеёк. И девки, и ребята выбирали пару. А на *Паску* ходили *кащаться* на *кащелях*, *жанихи* выбирали невесту: «Говори, кого любишь!» Мать сыну тоже выбирала невесту. Бывало, *пойдет* на *кащели* мать-то да и присмотрит себе невестку. Вот Ивану Платонову мать Настю-то так и приглядела. Пришла и говорит: «Вот, Иван, *каку* невесту *тибе* приглядела – с уборкой». У Насти-то юбка с уборкой была» (Телятникова Н.Е., 1912 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

31. «Красная *горка* – *значить*, радостная, оттого и красная. Красная *горка* от Пасхи в первое воскресенье *бывает*. В этот день *бували* свадьбы. У! Раньше *едак* справляли! Такие были *кащели*! Карусель под *горой* такая была! *Круулые* *кащели* с люльками были. *Кащели* вручную *кащали* мужики, а им платили крашеными куриными *ящками*. *Кащели* всё больше на *горе* были. И вот, *бувало*, *кащуются* молодые, у жениха

невесту спрашивают, а у невесты – жениха. А если не *уговаривать*, то *хрясь* им по коленкам! На Красную *уорку* не работали, *бывало*, скажут: «Ну! Теперь свадьбы *пойдут*» (Копытова Н.А., 1920 г.р., с. В. Авзян).

* * *

32. «С пирожками ходили на *Егория*. *Встречали* весну. С гармониями, с плясками. На *поляшку* ходили. Эта у нас *поляшка* завсегда *щастливая*. Весной уже кукушка *нащипает* куковать, она ещё до *Еуория* дня за три-четыре *закукуит*. Вот мы *тогда* и ходили *встречать* весну; ходили только что парни и *девицаты*, школьники за нами *тожа*. Ну *молодые-та*, которые только поженились. Тогда и ходили. Вот это мы на весну ходили.

На *Егория*, *кода* выгоняют скотину, обязательно с вербой. А вербу приносили на *вербную воскресенья*. Вот с этой вербой и *яицкяй*, чтобы вот как *яицкю* эту полна была, так и скотинушка наша полна была; как эта верба стояла на «*Божей матери*», так и нашу скотинушку, чтобы хоронила *божия* мать. Вот гоняешь и *прищитываешь*. Это на *Егория* угоняешь и до *Егория*, и *кода* *толька* *нащипаешь* угонять, это уж обязательно. А потом эту *яицкя* приносишь и на божницу кладешь. А после этого *яицкя*, ну, этот уж *кода* на другую *Паску*, раскroшишь и курам отдашь» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

33. «На *Еуорья* кукушка *нащипает* куковать. Скотину *выуоняют* с вербой. *Пастуху* обязательно *уостинец*: яйца, хлеб.

На Вознесение у *колодчика* богу молились. Когда засуха, *идуть к рещке* молиться. *Набирают* воды и *несут* на *кладбище*. *Льют* на удавленника, на утопленника. А когда дождь, на *уору* воду *льют*, чтобы остановился. У засуху скотину домой не *пускают*, чтобы ревела, дождя просила» (Платонова А.И., 1927 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

34. «Когда ударит первый весенний гром, надо перекатываться через голову, чтобы, говорят, спина не болела, чтобы после зимы это всё сошло, все боли сошли» (Трифонова П. А., 1916 г.р., с. Кага).

* * *

35. «Когда слышишь первый весенний гром, нужно кувыраться через голову, чтоб спина не болела, валяться на земле, чтоб урожай был. Мама же ещё за водой бегала, корове вымечко подмоет» (Перевезенцева Е.К., 1927 г.р., с. В. Авзян).

* * *

36. «В первый *урум* перемётываются, перекатываются через *уолову* вперёд, чтобы спина не болела. Так раньше *уговаривали*» (Соколова Н.Е., 1929 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

37. «У нас как говорят: «Хлеб будешь с плесенью есть – грома бояться не будешь». Это раньше уезжали на покос и хлеба мы много пекли, а хранили его в таких кошелях, как ящик и крышка такая. И на доски, и *куды* положишь – всё равно хлеб заплесневелый. И вот говорят: «Ешь, ешь хлеб – грома не будешь бояться».

А когда первый весенний гром грохнет, дойницу хватай и беги воду набирай, чтоб молока больше корова давала. А так-то что грома бояться, гром, что, убьёт разве? У нас вот, бывало, у Нади мальчишка-то как грома боялся. Аж затрясётся весь и под кровать залезает. Так конечно, гром-то вон как трахнет, что аж уши ломаются. Конечно, страшно» (Точилкина Т.А., 1926 г.р., с. В. Авзян).

* * *

38. «Когда был *уром*, мы *перемёкывались*. *Зауремить уром*, скажешь: «*уосподи*, спаси, *блауослови*». А потом: «*Хвороба* наниз, а здоровье наверх». *уоворили* это по три раза и крестились, *приуоваривали*: «Дай мне, *уосподи*, здоровье, чтоб не бояться *урома*». Когда *уром уремел*, мы молились: «*уосподи*, спаси от *урома уремучего, молоньи жуущей*». Если в лесу *уроза застанеть*, то под деревом стоять можно, особенно под берёзой, сосной, а под липой нельзя стоять, так как змея под липой хоронится. Под липой на руне* лежит змея – *скорпия*. Змею нельзя убивать – она *прящется*. В *урозу* дома закрываем зеркало, *щайник* и *усё*, что *блестить*, – они *усё притягивают* к себе. В *урозу* нельзя возле окна сидеть, нужно волосы подвязывать, закрывать *пещную* трубу, потому что стрелы падают и могут в трубу попасть. Стрелы *ети* после *урозы* мы находили. Стрелы – это *дудошки* сантиметров тридцать, *концик* у стрелы заостренный. Если младенцев *муцила*, накрывала *младенческая*, *от* в *ету дудошку* наливали воду из святого источника и *брызгали* из неё на младенца. *Дудошки эти* хранили в доме: считалось, что они *оберегают* от пожара. Если стрела попадала в дерево, то этим деревом *пещку* не топили, потому что *пещка может* разлететься, если в дереве, которое пошло на дрова, осталась стрелка. Когда шёл *урад*, то выкидывали *кощеруу* на двор, чтоб *урад* прошёл» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

39. «Как тепло *стаёт*, мы все в хоровод ходили, вот *туды* на *поляшку*. *Тода иурали*:

Мы ходили *зелену*,
Мы ходили *молоду*,
Роц зеленую,
Яблоню садовую.

А сами собираем *шшепошки*:

Роц зеленая,
Она *эдакая*, всё вот *эдакая*.

* руна – сплетенные ветки

И *шшепоцки-та* эти кидали *уверх*, и они *летяць* как *птицки*. И опять *нащинаем* собирать и опять кидать. Это вот у нас *иура* была самая. Песню пели, не вот что какая ворожба, просто *иура*. Это вот *девшаты иурали*. *Усе* ходим, ходим по *крууу*, собираем *шшепоцки*, *круу-та* *большууший*: *налеплются друу* за дружкой, за руку держимся и *шшепоцки* собираем, и ребята с нами. А *ребяты ешь* наберут *ды большууших улыбов* [щепок]. Мы-то у *крууу* *подем*^{*}, а *ребяты* *дли крууу*. *Толькя* держись. Тоже песню поют *ды* смеются.

А вот *ешо в ируу иурали* в *крууу-та*, в хороводе:

Заинька *окол* саду,
Серенький *окол* саду,
Розом, розом, окол саду,
Розом, розом, окол саду.

Усе в ладоши *шлэпають*, сами *притопывають*, тоже *крууом* *идуть*:

Заинька, *зайди* в сад,
Серенький, *зайди* в сад.
Розом, розом, зайди в сад,
Розом, розом, зайди в сад.

Это *када окол* саду, он *идёт окол*, не у *крууу*, а за *крууом*. Вот *заинька* *этот* *заходить* у сад, в *крууу* *знащить*:

Заинька, *махни* лапкой,
Серенький, *махни* лапкой,
Розом, розом, махни лапкой,
Розом, розом, махни лапкой.

Он *махаить*:

Заинька, *топни* ножкой,
Серенький, *топни* ножкой,
Розом, розом, топни ножкой,
Розом, розом, топни ножкой.

Он *приплясываить*, сам *ноуами притопываить*:

Заинька, *попляши*,
Серенький, *попляши*.
Розом, розом, попляши,
Розом, розом, попляши.

Эх, тут как который *парень защнёт* *дробить*, как по *крууу* *разойдется* – *крууи-та* *большуушие*. Как *дасть* *трепака*, как *дасть* *трепака*!

Заинька, *кого хочешь* *уводи*,
Серенький, *кого хочешь* *уводи*.
Розом, розом, уводи,
Розом, розом, уводи.

* *полоть* – щепки собирать

Уж он тут против девки и *уприседушки*, и *усяко*. Вот тут вот он *цалуить*. *Знащить*, он уводит какую-нибудь девку. А потом опять *пляшут*, это если есть *ребяты*. А если одни девки, *знащить*, девка девку уводит.

Ещё была *иура* «Бояры». Две партии встают *друу* против *дружки* и *поють*. *Щать*, *эту зовут* девушку сюда, а *эти* не *отдают*. Одни пришли будто невесту смотреть. Вот *показывают* девку. Сперва *споють*: «Не *вырысла*». И *эти поють*, другие *знащить*:

- *Бояры*, трава *вырысла*.
- *Княгьяры*, не *вырысла*.
- *Бояры*, трава *вырысла*.
- А мы коней пускали, пускали.
- А мы коней путали, путали.
- А мы коней *призапрём*, *призапрём*.
- А мы коней выкупим, выкупим.
- А *щем* же вы *выкупитя*?
- Мы дадим сто рублей, сто рублей.
- Не надо нам сто рублей.
- Мы дадим *тыщащу*, *тыщащу*.
- Не надо нам *тыщащу*, *тыщащу*.
- А мы дадим девушку, девушку.
- А девушке слова нет.

И вот они уж *идуть*:

- *Бояры*, отворяйте ворота.

И *ведут* невесту. И вот эта невеста сюда, а потом *отседыва поворачивается ды хочет* туда. Тут уж её *держуть*. Так *удержуть*! Вот её *эту* песню *поють* да *иурають*. Её *хыть када* пели да *иурали*, *хыть* *каждуе* воскресенье в хороводе. *Сидять, сидять* вот на одном месте и по улице и петь *нащинають* вот «Бояры»:

- А мы коней пускали, пускали.
- А мы коней путали, путали.
- А мы коней *призапрём*, *призапрём*.
- А мы просу сеяли, сеяли.
- А мы просу *вытопцим*, *вытопцим*.
- А мы коней пускали, пускали.
- А мы коней путали, путали.
- А мы путы резали, резали.

Она длинная, песня *энта*» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

40. «В «Заиньку» *иурали* у хороводе. У *круу становишьси*, а один *ходить* – он *будет* *входить* в *круу*. И ребята, и *девшата* за руки держатся, в *круу* *стоять*. Они все вместе *приуваривают*: «Заинька, войди в *круу*. Серенький, войди в *круу*». Вот тот, кто за

крууом стоял, *приуинается* и *заходит* в *круу* под слова: «Зайнька, попляши. Серенький, попляши». Он *подлясывает*. *Уоворят*: «Кого любишь, выбирай». И он *выбирает* себе невесту, вместо себя *выбирает*. И *другой* начинает заново *иурать*» (Платонова К.А., 1936 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

41. «Раньше пели у *крууу* хорошие песни, старинные. Мама вот пела «У темном лесе»:

В <i>темным</i> лесе,	4 р.
Распашу ль я	4 р.
<i>Пашенькю, пашенькю.</i>	
Посею ль я	4 р.
Лён и <i>конопей</i> , лён и <i>конопей</i> ,	
<i>Уродися,</i>	4 р.
Лён и <i>конопей</i> , лён и <i>конопей</i> .	
Тонок, <i>долох</i> ,	4 р.
<i>Белай</i> волокней, <i>белай</i> волокней.	
<i>Повадилси</i>	4 р.
Ворон, воробей	2 р.
В мою <i>конопелькю</i> , в мою <i>зелёнуя</i>	2 р.
<i>Клевати, клевати.</i>	
Уж я его,	4 р.
Я его изловлю,	2 р.
Крылья, перья	4 р.
Я в ём <i>опшеплю</i> , я в ём <i>опшеплю</i> .	
Он не <i>станеть</i> , <i>перестанеть</i> ,	
Он не <i>будеть</i> , <i>позабудеть</i>	
<i>Клевати, клевати.</i>	
Он не <i>станеть</i> ,	
Он не <i>будеть</i> , <i>позабудеть</i> .	
<i>Летати, летати.</i>	

Мать, помню, *щё-нибудь* делает и поёт эту песню. *Приплясывает*, *прихлопывает* в ладоши, сама у *сарахфана* у длинном. Я у её *науцилась* этой песне. Бабка моя её пела. Её, песню-то *эту*, никто больно и не *знаеть*, старые *толька*. Обязательно *нады* приплясывать и прихлопывать, когда эту песню поёшь. Так вот делали» (Исаева Ф.З., 1921 г.р., с. Н. Авзян).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сухов Николай Петрович, 1929 г.р., урожд. с. Кага, обр. 7 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 21, записала Старикова Е.
2. Логинова Анна Васильевна, 1927 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 5, записала Моисеева С.А.
3. Телятникова Феодосия Петровна, 1921 г.р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК-25, 2002 г., т. 1, л. 12-13, 16-17, записала Осипова И.
4. Горелова Анна Тимофеевна, 1912 г.р., урожд. п. Ломовка, с/з Орловой Т., 2000 г., п. 26, л. 11.
5. Силаева Мария Степановна, 1924 г.р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК-25, 2002 г., т. 4, л. 10-11, записала Лаврухина С.

6. Политавкина Екатерина Андреевна, 1935 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-20, 2000 г., п. 3, л. 12, записала Самигулина С.
7. Кудряшова Вера Михайловна, 1925 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-25, 2002 г., т. 3, л. 1, л. 4, записала Засова О.
8. Кузнецова Елена Кузьмовна, 1930 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-25, 2002 г., т. 3, л. 5, записала Засова О.
9. Телятникова Феодосия Петровна, 1921 г.р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 14-15, записала Засова О.
10. Силаева Мария Степановна, 1924 г.р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК-25, 2002 г., т. 4, л. 10, записала Лаврухина С.
11. Бармина Капитолина Алексеевна, 1934 г.р., урожд. с. Аскарново, в Каге с 1943 г., обр. ср. медиц. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 29, записала Осипова И.
12. Горбатова Екатерина Поликарповна, 1918 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 3 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 10, л. 5-6, записала Смородина Л.
13. Патрикеева Пелагея Максимовна, 1910 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 2 кл., Благова Антонина Андреевна, 1915 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 4 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 11, записала Моисеева С.А.
14. Баженова Анна Ивановна, 1915 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 7 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 16, записала Смородина Л.
15. Сухов Николай Петрович, 1929 г.р., урожд. с. Кага, обр. 7 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 20-21, записала Старикова Е.
16. Юрочкина Анна Андреевна, 1935 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 6, л. 4, записала Рожкова Т.И.
17. Желнина Татьяна Васильевна, 1923 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 16, записала Богуш О.
18. Силаева Анна Егоровна, 1923 г.р., урожд. с. Н. Авзян, Соколов Иван Федорович, 1924 г.р., урожд. с. Н. Авзян, ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 20-21, записала Засова О.
19. Белобородова Клавдия Николаевна, 1919 г.р., урожд. г.Верхнеуральска, в Тирляне с 1991 г., обр. 3 кл., Ивановская Серафима Григорьевна, 1921 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 7 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 21, записала Чернова О.Е.
20. Трифонова Прасковья Андрияновна, 1916 г.р., урожд. с. Кага, обр. нет, с/з Осиповой И., 1999 г., п. 1, л. 3.

21. Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 1, записала Засова О.
22. Лаврухина Валентина Павловна, 1933 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-25, 2002 г., т. 4, л. 4-5, записала Лаврухина С.
23. Оглобличева Анастасия Петровна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, обр. ср. медиц., с/з Осиповой И., 2001 г., п. 1, л. 2.
24. Осокина Александра Павловна, 1924 г.р., урожд. с. Узян, обр. 4 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 12, записала Осипова И.
25. Гаврилова Анна Николаевна, 1923 г.р., урожд. Костромской обл., в Тирляне с 1926 г., обр. 7 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 13, записала Чернова О.Е.
26. Юлина Елена Николаевна, 1927 г.р., урожд. с. Кага, обр. 7 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 25, записала Старикова Е.
27. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 6, л. 17-19, записала Осипова И., в/з к. 21, обработала Моисеева С.А.
28. Артемьева Анна Васильевна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл., с/з Осиповой И., 2000 г., п. 1, л. 2.
29. Копытова Мария Сергеевна, 1935 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-20, 2000 г., п. 3, л. 4, записала Осипова И.
30. Телятникова Нина Евдокимовна, 1912 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. нет. ЭК-20, 2000 г., п. 3, л. 13, записала Беззубова Н.
31. Копытова Надежда Андреевна, 1920 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-20, 2000 г., п. 3, л. 17, записала Беззубова Н.
32. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-25, 2002 г., в/з к. 21, обработка Моисеевой С.А., т. 6, л. 15-16.
33. Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 6-7, записала Засова О.
34. Трифонова Прасковья Андреевна, 1916 г.р., урожд. с. Кага, обр. нет. ЭК-13^а, 1998 г., п. 2, л. 10, записала Подчиненова Е.
35. Перевезенцева Евдокия Калистратовна, 1927 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 4 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 14, л. 5, записала Самигулина С.
36. Соколова Нина Ефимовна, 1929 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 4 кл. ЭК-20, 2000 г., п. 3, л. 23, записала Осипова И.
37. Точилкина Тамара Алексеевна, 1926 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 14, л. 5, записала Смородина Л.
38. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 6, л. 23, записала Бедилова С.
39. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 2 кл. ЭК-25, 2002 г., в/з к. 21, обработка Моисеевой С.А., т. 6, л. 21-26.
40. Платонова Клавдия Акимовна, 1936 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 1, л. 3-4, записала Осипова И.
41. Исаева Феодосия Захарьевна, 1921 г.р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК-25, 2002 г., т. 1, л. 35-36, записала Осипова И., в/з к. 21, обработала Моисеева С.А., т. 6, л. 27-28.

ТРОИЦКАЯ НЕДЕЛЯ

Горнозаводские сёла

* * *

1. «Троица после Пасхи *щез* через пятьдесят дней. На первый день *девицаты* с *берёзками*, с песнями на *моуильник* ходили. Венки вили, а потом, бывало, сядут на пруд. Там *пускают* венки на воду. *Уоворили*, если венок поплыл – долгую *жисть* будешь жить, а если потонул – умрешь скоро» (Артемьева А.В., 1920 г.р., с. Кага).

* * *

2. «Сначала Троица, потом Духов день, а третий день – *сипенька*. Собираются на улице, кто чего несёт на стол. Ели кто чего. В глиняные чашечки, ну, картошку там, мясо, грибы, хлеба там, пирог с чем-нибудь. Наставят на стол, и это была *сипенька*. Это было на третий день Троицы.

Под Троицу, пятидесятницу, на кладбище *ходят*.

День Святого духа – второй день Троицы. Говорят, день Святого духа, день этот – день земли.

На кладбище раньше ходили только в субботу, под Троицу, а теперь молодежь на кладбище на Троицу *ходят*. А вот понедельник, то есть следующий день Троицы – Духов день, это Земля-именинница. В этот день на горе-то яйца *мекали*. А венки плели на первый день Троицы. Венки вили из березки. Один на тятю кинешь, другой – на сестру, третий – на маму. На пруду кидали, они плывут или тонут – это прибаутки, это гадали в первый день Троицы. А на кладбище венки несли в субботу родителей поминать. А в воскресенье венок надо развить. А на пруду, когда чей венок потонет, вот, например, *тятин* потонул венок, значит, тятя в этом году *помрёт*» (Горбатова Е.П., 1918 г.р., с. В. Авзян).

* * *

3. «Воскресенье – Троица. *Косняки* пекли. Понедельник – Духов день. Суббота – Троицкая суббота, Земля-именинница. Он не праздник, но праздновали. Землю не надо трогать. Нельзя ни рвать ничего, ни цветы. Это во вторник» (Чертихина М.Я., 1915 г.р., п. Тирлян).

* * *

4. «На первый день Троицы обязательно пекли *косняки* с яйцами. На второй день Троицы закупывались, обливались. На третий день – Земля-именинница, землю нельзя трогать. На Троицу *ходят* на кладбище. Девки венки плетут и *на их* гадают» (Благова А.А., 1915 г.р., п. Тирлян).

* * *

5. «Троицу мы справляли три дня. И первый, и второй день гуляем, а третий день – *сипеньки*. Ходили на могильники на Троицу утром с ребятами. Бабы и старики могут и на гору пойти или хоть куда, где был поминальный пир. На Троицу ещё и берёзку *снаряжали*: брали веточку и рядили её в ленточку, цветочки. А потом заносили её в дом и ставили за икону» (Лисовская М.А., 1907 г.р., с. Кага).

* * *

6. «Девушки на Троицу на первый день венки тащили на пруд. В одном доме все собирались на второй день, готовили. На третий день тут уж женщины, мужчины собирались. Тут уж всякая всячина. Тут уж и вино есть. Допоздна поют и пляшут. На Троицу девушки гуляли на гору. Венков навьем, тащим с песнями на пруд. На третий день тут уж взрослые были. Во вторник, третий день, надо идти колодцы чистить. Потом наряжались: шубы навыворот надевали, штаны худые – *пуще* яйца собирали и на стол. В эти дни колодцы и чистили. Это раньше. Второй день – это Духов день, земля именинница. В 1932 г. ещё в церкви нашей детей крестили. Под Троицу ходят на кладбище родителям свивать венок. Мертвым в субботу под Троицу совьешь, после Троицы разовьешь, уберешь. Утром надо покойникам развить. Бывало, скажут: «Венок-то свили, а развить-то забыли». Венки делали из березы и вешали на крест. На живых на руку навешаем и бросаем на пруд – это на сестру, это на брата... И приметы смотрим.

На Вознесенье престол в Нижнем Авзяне, а у нас Девятая пятница. На Вознесенье ходим на ключ в Нижнем Авзяне, а на Девятую пятницу к нам на Малиновую гору» (Горбатова Е.П., 1918 г.р., с. В. Авзян).

* * *

7. «А на Троицу на кладбище ходим венки-то *завивать*. Бывало, девчатами-то тут матку срубим или отломим берёзу хорошую. *Урядим* её тряпками *усякими*, лентами. И вот одна *несет* эту матку – так называется. Поешь песню, идешь на речку и бросаешь венки эти, из берёзы-то, в воду: какой венок *потонет*, значит, умрешь. И матку эту вперед бросаешь. А на Троицу-то на могилки *ходят*. Вот на родительский *заплетают* венки из берёзы, а на Троицу *расплетают*. А эти венки-то и на голову наденешь. А венки всем плетёшь – и на тятю, и на маму.

Сипенька на Троицу на третий день. Нынче вот никто не собирал, а раньше вынесем стол, пойдём двое яйца с кузовом собирать на дворы – кто *пойдет* на *сипеньки*. Наберём яиц, *яишню* кто *нажарить*, кто рыбки, кто что. Стола два на улицу вынесем, всю этустряпню оставим и тут уже пойдеть у нас *гулянка-сипенька*. И пляшем до утра. Гар-

монь играет, только раздаётся всюду. Мы ж тут на горе – Мыза. «Ну, – скажут, – Мыза загуляла». Слышать далеко. Гармонисты хорошие были, теперь *нету*. Пойдешь со двора на двор собирать яйца в кузова. И на улице вечером гулять. Это на *сипеньку*. Бабий праздник. Протяжные, долгие старинные песни. Наденешь юбки с *уборками*. *Снаряженные*. «Пойдете на *сипеньку*? Ну, давайте яйца». Большую чашку *наворишь*» (Илисева А.Г., 1915 г.р., с. В. Авзян).

* * *

8. «В первый день Троицы ходят на городок [кладбище]. А на второй день Троицы – бабья *сипенька*. Не знаем, наверное, бабья – так её название со старины сохранилось. А на третий день Троицы девки гуляют. Завивали под Троицу венки и кидали в Авзян. Каждый свою еду на *сипеньку* выносил, яйца тоже готовили, чтобы помянуть на кладбище родителей. У нас все в воскресенье ходят к *родителям*, а в Верхнем Авзяне – в субботу. А сами-то венки уже в городке налаживали. Берёзы за кладбищем ломали, *значить*. А Земля-именинница не знаем в каких числах. Но в этот день земля отдыхает: никаких полевых работ нет, и сажать в этот день картошку считается большим грехом» (Агеева В.А., 1919 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

9. «Венки плетут на Троицу из берёзы и длинной травы. Венки в реку с моста бросишь и смотришь, плывет или нет. Гадали по тому, как они поплывут. Плели *косники*, из длинной такой травы, косичкой плели, сплетали как косу.

Земля-именинница – на третий день Троицы. Гуляют все бабы, без мужиков. Правда, с гармонистом. Называли бабий праздник. Нельзя землю копать – грех.

Как и на Землю-именинницу, на Девятую пятницу после Пасхи тоже никто не работает, иначе гром *может* убить. Мать с мальчишкой пошли картошку окучивать. Поднялись на гору, а тут дождь откуда-то взялся, гроза. Вот их-*та* и стукнуло, убило молнией мать с мальчиком. В грозу под сосной стоять нельзя. Господь долго ждёт, но метко бьёт» (Скворцова З.Г., 1932 г.р., п. Ломовка).

* * *

10. «На Троицу ходят венки завивать. Венки вяют на счастье мамы, отца, сестры. Ежели не тонут, то люди не *смёртные*, проживут. Если веноч поплыл – девка замуж выйдет.

В первый день после Троицы у лес ходили. Берёзку *опутывают* ленточками и кидают через неё яйца. *Перемениваются* яйцами: «Это мне, это красное, а это тебе – синее».

Праздновалась *сипенька* на третий день после Троицы. Складываются. *Гуляют* – *сипять*. Столы *соберуть*: кто яиц, кто что. Яичницы наводят в чашках. Яйца соберут в один дом. Яйца перебьет, молоком разобьет – и в печку. Гуляют все. *Сипеть*, значит, не молчать.

Чистили колодец, освежали воду» (Юрочкина М.П., 1912 г.р., с. В. Авзян).

* * *

11. «На Троицу пекут *косняки*. Как раз на Троицу лук зелёный созревает, его срезают и с яйцами смешивали, можно ещё сметаны добавить. А *косняки* звали потому, что выпекались *треугольницами*. И плели *косняки*. Из такой длинненькой травы, которая сверху как шапочками сделана. Трава эта как длинные нитки, из них и плели. У нас во вторник бывает родительское, тогда и ходим на кладбище, а на Троицу у нас никто на кладбище не ходит» (Плохова Т.С., 1933 г.р., п. Ломовка).

* * *

12. «Ломают березовые венки и ими обкладывают окна в избе. *Плетут* венки из берёзовых веток, а сзади к венку прикрепляют *косняк* – косу из соцветий подорожника. Пекут *косняки* – пирожки треугольником с зеленым луком и яйцом, постной начинкой. После Троицы начинают вязать венки из берёзовых веток. Плетут венки и бросают в воду в том месте, где стоячая вода. Если веночек утонет, то в этом году умрешь. Если *поплывет*, то, значит, будешь жить. А ещё венки бросают в воду с моста. Если веночек прибудет к берегу, то выйдешь замуж в этом году; если же веночек поплывет по реке, то в этом году девушка не выйдет замуж.

Девки и парни идут в лес провожать весну и припевают:

Прошла, прошла веснушка

Прошла, *прокатилась*.

Что ты, веснушка,

Назад на *воротилась*.

Скоро, скоро Троица –

Земля лужком *покроится*.

Скоро миленький придет –

Сердце успокоится»

(Быстрицкая П.М., 1926 г.р., п. Ломовка).

* * *

13. «На Троицу *косняки* стряпали. Они не как пирожки, они треугольником, как бы конвертом. Второй день – Духов день. На второй день за мост ходим, ломаем берёзы, венки делаем. Венки и из цветов делали. Кто хочет, завивай и пускай. Кидали их в реку, если утонет – умрешь в этом году. Третий день – Земля-именинница. Земельку *не трогаем* на третий день.

Закупаются после Троицы. Парни девушек толкают в речку. На девятую пятницу ходим с *щитальщицами* на родник, вешаем иконы на деревья, ставим иконы на травку, молимся. *Настряпам*, там кушаем» (Сорокина В.М., 1912 г.р., п. Тирлян).

* * *

14. «В Троицу ходили на гору купаться. На Троицу веночки плели из берёзы, берёза – доброе дерево. До Троицы шевелить берёзу нельзя, а после – пожалуйста, ломай. Там уж веники – и полы мели, и парились. Из берёзовых веток плели венки, украшали цветами, ленточками. *Хто* умел, пели «Во поле берёзонька ...» (Логинова А.В., 1927 г.р., с. Кага).

* * *

15. «На Троицу венки плели, носили на воду. Кто носил на кладбище, *уговорил*: «Вот на дедушку повешу венок». Засохнет – я его сняла, за *оуряду* бросила. На плотину ходили и бросали в воду – *щей потонеть*, тому смерть, *плыветь* – будет жить. Я на мать бросила – он потонул. И мать скоро умерла.

На Троицу украшали березовую ветку лентами, бумажками. Идём на *буцилу*, ветку разбираем и бросаем в воду. Только *девщонки* незамужние ходили» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

16. «На Троицу ходили с песнями *до базару* и обратно, тут и пели:

Как по улице репей,
По широкой репей,
Ой *дिति* ли репей.
Стелется, расстилается.

Бывало, молодку пели, нарядим её *ветошниками*, поём: «Молодка, молоденькая, как же ты без мила дружка...»

На третий день Троицы на Малиновую гору пойдешь» (Калашникова А.А., 1910 г.р., с. В. Авзян)

* * *

17. «На Троицу венки завивали. *Сэтью* идешь, бывало, на пару, одна пара за другой. *Мноую* шло ребят и девок. С *моульника* до Авзяна шли и пели «Репей». Вот *сцепются* девка и парень парой, дальше пара, и так *мноую* пар *друу* за дружкой. И вот последняя пара под руки идёт как по *рущейку* и *наперед встаеть*, потом опять *друуая* пара под руки. Вот так и идём, *передвиуаемси*, народу *мноую* и поём:

1. Как по улице репей стелется, расстилается....
2. Как по *этому* репью
Я *каталася*, *валялася*.
Мой *зитярь*, мой репей,
Мой *зитярь* молодой.
3. Повалялась по репью,
Прилепился мой репей,
4. Прилепился мой репей
К девушке молодой.

Мой *зитярь*, мой репей,
Мой *зитярь* молодой.

Эта песня длинная, тут только *нащало*. Бывало, до конца её допоешь, снова *нащинаешь*. Он большой, «Репей» *етот*. Это старинная песня, от старых людей взялось. Вроде бы дальше такие слова были:

5. Подошёл милый друг,
Обнимал и целовал,
Мой *зитярь*, мой репей,
Мой *зитярь* молодой» (Исаева Ф.З., 1921 г.р., с. Н. Авзян)

* * *

18. «На Троицу гадали на берёзовых венках. Загадывали на каждый веночек по члену семьи, например, маму, брата, потом все венки кидали в речку – если веночек утонет, то человек в этом году умрет. Ломаем берёзку, украшаем тряпочками. Ставим берёзку у какой-нибудь подружки. Угощаемся яйцами, стряпанным, потом берёзку кидали в речку.

Сипенька справлялась на третий день Троицы. Когда мы были маленькими, то говорили: «Пойдёмте-ка на Каменную гору – там сипят». У нас всегда на Каменной справляют *сипеньку*. *Сипенька* – это от слова сипеть, потому что везде играют и веселятся. Сначала собирают с улицы со всех дворов яйца, крупу, муку и в каком-нибудь доме стряпают, всё приготавливают. Выносят на улицу стол и угощаются, выпивают, играют на гармошках, начинается пляска. Как только стемнеет, то расходились по домам» (Рыбакова П.В., 1928 г.р., с. В. Авзян).

* * *

19. «*Сипенька* у нас празднуется на второй день после Троицы – это *девищья сипенька*. На третий день Троицы празднуется бабья *сипенька*. На второй день собирались девушки и парни. *Иурали* на *гармониях*, плясали, пели. На третий день собирались мужчины и женщины. Мужчины в этот день поздравляли женщин с *сипенькой*. На праздник *приготавливали пироги с ягодами* и яичницу, а потом кто *щё моу принесть*. *Ууляли* днём, после обеда, пока не стемнеет. *Ууляли* по всей деревне, с родней, с родственниками, с соседями или целой улицей.

Праздник земли-именинницы? У нас этот праздник *праздновался*. По поверью *уоворили*: «Нельзя ходить на *огород*, нельзя землю копать, нельзя картошку *садить*». *Уоворят*, ещё рано копать, ещё земля именинницей не была, *урех щё-то* делать. Если землю будешь тревожить, копать, то может быть плохой урожай. Назывался так праздник, потому что в этот день всё нарождалось» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

20. «На второй день после Троицы – бабья *сипенька*, на третий день – *девищья*. На бабью – бабы с мужиками, одни не сидели. *Уотовили* специально *яшницу* обязательно.

А вина у девок никогда не было. На *уру* ходили, тут *поляшка*, *круулая* моя *поляшка*, *детская*. Туда ходила, поклонилась.

На день земли-именинницы, если мать увидит кто-нибудь на земле работает или даже дети *палощку воткнуть*, она им *всеюда* *уговорила*: «Ах, бедные, как вы этот день ждали, когда земля будет именинница! *Бессовеснай! Сталовеер, кулууур, молисси*, в землю *улядишь*, а сам *сажаишь*». Вот если кто *сажаить*, мама это обязательно *уговорить*. Ребятишкам и то *палощкой* не даст *копануть*.

С *пироуами* ходили на Петров день, под покос. *Которы* с вином ходили. А мне мама *завсеюда* пирожок *испецет*. Это называлось на лён, на лён ходили. Чтоб лён был хороший, ходили на *уру*. Мама *скажеть*: «Надо на лён пирожок *испець*». И *яйцы* там кидали. *Щья яищка* вперед разобьется. Который парень кинет *яищко* – из виду не видать. А ребятишки искали. Если высоко летели *яйцы* – лён будет хороший» (Беляева О.И., 1913 г.р., с. Н.Авзян).

* * *

21. «*Сипенька* бывает девичья и бабья. Это от Троицы три дня: первый день – Троица, второй – девичьи *сипеньки*, третий – бабьи *сипеньки*. На девичьи *сипеньки* девчата с парнями собираются. Игры, веселья, песни. Пели, кто что хочет. В Верхнем Авзяне *дюже сипеньку* празднуют. Яйца на Троицу красят и на кладбище носят. *Мекали*, чтоб лён вырос. Бросаешь, и если не разобьется, то лён хороший будет. А старались кинуть, чтоб выше было.

Веночки завивали и надевали, и носили в руках. Несли на речку и бросали в воду, чей потонет – тот и умрет.

С ряженой берёзой ходили по деревне, чтоб трава росла. Дерево носили по всей деревне с песней «Берёзка белая». Костер разожгут и прыгают вокруг, поют, пляшут. Парни с девушками вместе» (Платонова К.А., 1936 г.р., Платонова А.И., 1927 г.р., с. Н. Авзян).

* * *

22. «*Сипенька* – это бабий праздник во вторник после Троицы. Венки заплетали из берёзы и носили на пруд. Шли с венками, а впереди несли ёлку – палка украшенная ленточками и *борками*. Ёлку несли девушки очень нарядные. Венки в речку кидали и смотрели: чей утонет, тот умрет. На кладбище всегда венки носили и вешали на кресты.

А ещё шли на Малиновую гору с крашеными яйцами. *Мекаем* их, *мекаем*, пока не разобьем, а потом съедаем. Вечером делали яичницу и вся семья ужинала» (Юрочкина Е.Г., 1915 г.р., с. В. Авзян).

* * *

23. «*Сипеньку* отмечали на третий день после Троицы. На картошку не пускали, вообще в земле копать запрещалось. В этот день ждали дождя. Этот праздник был для женщин во вторник, для девок в понедельник. Но мужикам тоже разрешалось прихо-

дить. Плясали до самого утра. Перед приходом этого праздника женщины и девки обычно говорили: «Скоро засипим по целой ночи». По-другому иногда этот праздник называли *сиповкой*. В этот же день с самого утра было принято чистить колодцы, выливали из них воду старую. Затем каждый нес по ведру яиц. Их нажарят, наварят, напарят и едят, и *сипят*» (Бардина Е.Ф., 1919 г.р., п. Инзер).

* * *

24. «На третий день после Троицы Земля-именинница была. Она же не в одних числах, по-разному. *Перва* Земля-именинница, после неё *сипеньку собирают*. Земля-именинница после Троицы, на второй день. В этот день нельзя у земле копать. В избе убираться можно, а землю нельзя трогать, говорят, земля нынче именинница. А если запрет не выполняется, кто *говорить*, что *будут* руки болеть, сам болеть будешь. Грех. Нельзя. И у церкви в этот день служили, и на кладбище ходили, и водой обливались, и веселье было. Собирались в основном женщины, *мужуки* вроде были, а вдов молодых не было. На *сипеньку* собирались на улицах, вытаскивали столы на улицу, гуляли. Приносили вино, *щё* могли, то стряпали. У *ково* *щё* есть, *кто* *щё* принесет. Была и окрошка, и *огурсы*, и капуста, и печёное – *кто* *щё* мог, то и несли.

Плели и венки на Землю-именинницу из берёзы, цветов, на крест их вешали, по *речке* пускали. Судьбу по ним угадывали. *Езли*, говорят, поплывет веночек – будешь жить, а *езли* *тонеть* – к смерти» (Желнина Л.И., 1938 г.р., с. Кага).

* * *

25. «*Сипеньку* праздновали. Она на третий день Троицы. На *сипеньку* *у*се *гуляли*. Стол на улицу выносили и до *полночи* *гуляли*. Так её и называли *пощему-то* – *сипенька*. Все *гуляли*, больше пожилые и молодёжь конечно. Совместно была и бабья *сипенька*. Раньше яичницу делали. Возьмут *щашку* *у*лняную, хорошие такие блестящие были *щашки* – *у*оршешники. *Яйшек* шесть *разобьют*, молоком *разведут*. И вольный воздух – в *пещку*. *Пашкетник* делали. Мелко мясо резали, луку, лавровый туда и сверху *картошешку*. *Вкуснятина*. Кисель делали. *Молощный* из своего белого крахмала. *Лють* в *щашешки* и, как *застынет*, сверху сметаной надо забелить. Вкусный был. А ещё сладкий кисель *у*стой из своих *яуд* делали» (Оглобличева А.П., 1920 г.р., с. Кага).

* * *

26. «На третий день Троицы – *сипенька*. Вверх по речке рубленый колодец. *Снарядются*, вешают берестовый кузов, *яйцы* собирать для *яшницы*. *Выщистят* колодец, выскребут *косарьком*. *Яшницу* *ворют*. Выносят стол, ставят *яшницу* на стол и всё остальное. Тут и *у*армонь появится» (Копытова М.С., 1935 г.р., с. В. Авзян).

* * *

27. «Нынче на *сипеньку* просили поиграть. На третий день после Троицы – *сипенька*, во вторник. Молодухи и женщины отдельно гуляли. Около ворот стол вынесут.

Все соберутся – и женщины, и мужчины. Кто что принесет, то на стол ставили. Яйца и красили, и варили» (Аверьянов И.А., 1923 г.р., с. Н.Авзян).

* * *

28. «На третий день Троицы, бывало, собирают кузов – идут за яйцами. Потом варят яичницу. Вытаскивают, значит, стол на улицу. Стаскивается вино. Под Троицу ходят к родителям на кладбище, несут и венки, которые прям там, на кладбище, ломают да завивают и вешают. Раньше ходили в лес. Девки собирались все вместе. Там сломят большую берёзу, *урядуют* её: ленточек навешают, тряпочек всяких. И вот *идут* они с этой берёзкой и навьют венков. Сколько вот у тебя семьи, на каждого навьют веночек. Тогда ведь у нас пруд был большой. Вот пойдут и в пруд венки-то эти кидают: этот мамин, этот папин – всех загадывают и кидают. Вот какой веночек утонет – этот человек, дескать, умрет. То есть гадание было. Было вот, с песнями тут идут, там идут. И гармошки были, и всё.

А Земля-именинница – это праздник Миколы. Нынче уж после Миколы картошку садили. Земля-то в этот день отдыхает, и грехом считалось в Миколов день картошку сажать. Это раньше так было, а сейчас кто соблюдает *маненько*, а кто нет» (Лисовская М.И., 1914 г.р., с. В. Авзян).

* * *

29. «Землю-именинницу, её *празднують* на третий день Троицы с давних времён. Всё на один день – и Земля-именинница, и *сипенька*. На *сипеньку* и с балалайкой ходили, и с гармошкой. Мы года три собирали по целые ночи. Пляски, песни. Весело было! *Празднують* её как? Скажут: «*Нынче* землю нельзя шевелить, копать. Пусть спокойно *этот* день пройдёт». Всякую работу работаешь, только чтоб не с землёю. Так наши матери говорили: «*Нынче* поподем, а завтра земля именинница. Не будем – грех. Не надо завтра землю трогать». Праздновали её, *сипеньку-то*, прямо на улице. Выносили столы и гуляли. На столы и капусту ставили, и огурцы, и хлеб, и яйца, и окрошку делали – *кто чё* принесёт.

В Троицкую неделю дождик *обычно*. *Дождишка* всегда ждешь. Глядишь и *помощь*. А когда и *зажарить* совсем. Во время грозы *обычно* дома сидели, никуда не высывались. А если не дома застигнет гроза, там уж как *полушится*. Вот сосну дюже *молонья притягивает*, а под берёзу – всегда прячешься. Лиственницу тоже дюже *расщепляет*. У нас как дало раз, так думали, *все* стены и шпалеры отлетели. *Чё-то* *включенное* было в избе-то. А мы у сарая с *Митяй* были. Я ему говорю: «Больно удар над нашей крышей *далси*». А дальше вроде бы *ничё*, пронесло!» (Осипова М.В., 1928 г.р., с. Кага).

* * *

30. «На третий день Троицы венки плетут. Их плетут, значит, из *веточков*, цветочков. Обязательно в лес *ежжат*. Когда из леса идут, венки прямо с моста *бросають*. Прямо снимают с головы и *бросають* и смотрят: если потонет, то в этот год человек ум-

рёт, а если плывет, то его и не достают, пусть плывет. А вечером к столу. Гуляли одни женщины, правда, с гармонистом. Ну, вот *значить, поставют* стол под окном, в комнате не гуляли. На стол всякого угощения ставили, кто *чё* мог.

В этот день земля именинница. Нельзя ничего делать, а особенно с землей копать-ся, даже травку сорвать и то грех. Песни поём, гуляем, веселимся.

Скоро, скоро Троица,
Земля лужком покроется,
Скоро миленький придет,
Сердечко успокоится.

Маленькие девчонки гуляют через неделю после Земли-именинницы, провожают *вёсну*. Собираются все и ходят по улицам, песни поют, а впереди мальчишку какого-нибудь с игрушечной гармошкой *поставють* и вот прямо как мы ходят.

Прошла, прошла вёснушка,
Прошла, *прокатилась*,
А я *раздевчоночка*
Только *спохватилась*.

С двадцати лет только можно гулять с женщинами» (Зарубина Е.А., 1927 г.р., п. Ломовка).

* * *

31. «*Провожально* воскресенье – это *вёсну* провожать. У нас Троица будет 23 июня. *Провожально* воскресенье 26 июня.

В лес ходим, на кладбище. Венки *плетём*. Цветочки в венки василькового цвета, синенькие, желтенькие можно. Главно, ромашка – она поскромнее. Живым – посветлее. Для покойников – потемнее» (Зарубина Е.А., 1927 г.р., п. Ломовка).

* * *

32. «Вот бывает весной Девятая пятница; если долго дождя нет, идут старухи на этот родничок. Раньше стояла часовенка, на ней была иконка – распятые. *Струбец* был. Сейчас иконку оторвали, крестика нет. Старушки собираются там на Девятую пятницу, просят дождя у бога» (Оглоблина Т.В., 1930 г.р., п. Тирлян).

* * *

33. «Старые старушки должны были помолиться сходить на родник. Я ходила. Также старушки у родника *молятся*, чтоб Господь дал все хорошо: урожай бы был хороший, всем бы доброе здоровье было. Читальщица *читат* псалтыри или книжечка какая. Читают, мы молимся *тама*. Вот я ходила, меня девчонкой брали. «Я пойду?». Скажут: «Айда, айда». *Напякут* пирогов с рыбой – как раз там постный день, девятая пятница. С рыбой пироги, кто каких *кралек*, кто *чаво напекеть* и там все сидели, в круг все сядут и *молятся*» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., п. Тирлян).

* * *

34. «Каждую Девятую пятницу раньше ходили молиться на Табынскую, потом уж стали молиться на Малиновую гору. Бывало, как *отмолятся* на Девятую пятницу – гром как громыхнет, дождь как хлынет.

А икона Божьей Матери большущая была; люди её, бывало, *снарядют*, кто чем может, ситчиком, полотенцами расшитыми. Присядут под иконой, икону через тебя пронесут: исцеляли, болезни всякие отводили от человека. Было время: разгоняли дружинники с Малиновой горы, бывало, до штрафа дело доходит» (Копытова М.С., 1935 г.р., с. В. Авзян).

* * *

35. «Обещанный день у нас – Девятая пятница. Раньше часовенка была на горе. Раньше в этот день на Табынскую ходили обещать. Моя бабушка двадцать пять раз ходила обещать, потому что дети умерли молодые. Вот ради детей двадцать пять раз ходила обещать» (Калашникова А.А., 1910 г.р., с. В. Авзян).

* * *

36. «В 1665 году на Уфу напала башкирская орда. Башкиры хотели разгромить Уфу. И у подножия Табынской горы орде явилась Божья Мать *в ручью*. Сначала они испугались и прекратили бой. А потом образумились и снова начали. И им опять явилась Божья Мать. Они стали рубить её, колоть, топтать ногами. И в наказание Божья Мать их ослепила. Они всю *жисть* страдали слепотой. Они долго мучились и стали просить у Божьей Матери прощения. Просили они прощения много лет, и она *сожалилась* и вернула им зрение. А они поклялись, что каждый год у всех ручьев и родников Башкирии отмечать день Табынской Божьей Матери» (Елисеева О.Ф., 1925 г.р., с. В. Авзян).

* * *

37. «Идут, бывало, на Табынскую, несут Божью Мать; заставляли нас её поцеловать, *перехреститься* и под иконой пройти, чтобы не болеть. Один обещался построить часовенку на святом *источнике* – у него *доць* была больная, не ходила. Как отец на Малиновой горе *щасовенку* построил, так *доць* стала ходить. Они тут и жили возле *щасовенки*» (Петрова Е.С., 1935 г. р., с. В. Авзян).

Казачьи станицы

* * *

38. «В четверг перед Троицей идут в лес завивать венки на каждого родственника, замечали, какой кому. Завивали, немного заламывали, сильно боялись: если засохнет веночек, человек умрет. В субботу ходили в лес за цветами, берёзочками. Ими украшали комнаты. Ходили не в то место, где завивали венки. На Троицу старушки ходили в церковь молиться. Ходили также на кладбище, где также молились в часовне, подавали старухам, голодным детям. Ходили на кладбище и в Вознесение, на *Радоницу*.

В Троицу проверяли венки, брали с собой в лес сладкий квас, крашенные яйца, что-то печеное. Яйцо бросали через берёзу – если разобьётся, скоро будет горе. В это время ребяташки пугали всех, воровали яички. Затем шли к озеру, пускали венки. Если веночек утонет, человек умрет. Песни в Троицу пели всякие, специальных песен не было. На кладбище венков не носили» (Соколова А.Д., 1928 г.р., Неклюдова В.М., 1934 г.р., п. Краснинский).

* * *

39. «В четверг перед Троицей идешь венки завивать. Надломишь – кому умереть, у того завянет. На моём веку у одной девки завял, она и умерла в этот год. В субботу нарвешь цветы, в церковь только с цветами ходили. Пообедаешь, идешь в лес. Девки и парни. Делают настойку, берут яйца. После шли с песнями пускать венки. У одной девки утонул, так она плакала: «Что я умру *нонче?*». Уж так тому быть, и умерла» (Грудинина А.И., 1910 г.р., п. Краснинский).

* * *

40. «В лес перед Троицей ходили завивать венки, в *четверик* чистый. В Троицу развивали. Третий день Троицы назывался *тройчанка*» (Воробьева А.А., 1909 г.р., с. Арси).

* * *

41. «Вот, наверно, самый большой праздник – это Троица. В четверг перед Троицей завивали венки. А развивать ходили в первый день Троицы после *церквы*. Яички закапывали под берёзами тоже в четверг, а в первый день Троицы с *ими* гадали. Колечко в воду клали и туда лили спрятанное яйцо и смотрели, *чѐ* тебе выйдет: церковь – замуж выйдешь, яма – умрешь. А мальчишки баловали: раскапывали яйца, прятали, разбивали» (Кузьмина Т.К., 1914 г.р., с. Арси).

* * *

42. «На Троицу пойдешь цветов нарвешь, *берёзков* везде дома *натычешь*. До Троицы венки завивали и на берёзках оставляли. Билеты воткнешь, на них ребят напишешь. Венки-то делаешь, чтобы не развились. Ребят-то всяких было много и озорников было много – билеты из венков забирали. А смотрели после церквы – целы ли билеты с венками, да жениха себе вытаскивали.

На третий день Троицы – *Земля-мининница*. Мы землю-то в этот день не шевелили» (Сторжева Л.В., 1914 г.р., с. Великопетровка).

* * *

43. «Раньше девицы ходили до Троицы венки завивали. Билеты писали, в них ребят записывали. Вот одна подходит, а в подоле у неё билеты. Я, к примеру, беру билет и заплетаю в веночек его. Два дня они там лежат на берёзке. А мы, девчонки, боимся, как бы ребяташки не нашли. Вот пришла Троица. В *церкву* ходим. Все подружки соберёмся и бежим. *Кажная* знала, где её веночек. Смотрим, что там. У меня был Федька, Федька и попал. Вот событие какое было.

Земля именинница: мы её не шевелили» (Осинцева А.В., 1908 г.р., с. Великопетровка).

* * *

44. «В Троицу ходили в лес. «Роща» мы этот лес называли. Там венки вязали, песни пели. *Туды* ходили девчонки, девки, *которые незамужни*. В озеро спускали венки: который разовьется – замуж та девка выйдет, не разовьется – та уж в этом году не выйдет» (Сурменёва А.П., 1923 г.р., с. Арси).

* * *

45. На Пустое ходили, это Девятая пятница от Пасхи. Иконы носили на руках. Впереди идет батюшка, за ним несут иконы. А как молебен отслужат на Хлебинке, и дальше идут до Пустого и всю дорогу поют молитву: «Живые помощи» и «Помилуй мя, Боже, помилуй мя, грешного».

Потом встречали икону. Ее несли на руках: икона большая. Под нее проходили, и так вот сорвешь что-нибудь: травку там какую или цветочек – и положишь рядом; прикладываются к иконе. Как только приложились все к иконе, вокруг озера обходили на лошадях, кто постарше ребяташки – пешком.

Раньше-то ведь *кобылка* [саранча] как, так вот соберутся и идут. Сейчас *ходят*, если жук картошку ест, а раньше так вот (Шеметова М.Д., 1915 г.р., п. Краснинский).

* * *

46. Слышали, наверно, за Краснинском 12 километров часовню поставили. На Девятую пятницу мы садились и туда ездили. На Пустом на этом озере появилась эта икона, и поэтому поставили часовенку. <...> Вот девочка, говорят, даже была. И вот эта икона, ее... ну... там обкладывали или как,... она, говорят, прям встала. В общем, чудеса были от этой иконы. Не ходила она, больная была, и вот ее излечили. Это было еще до тридцатого года.

<...> Там даже вот нерусские, три татарина, что ли, взяли ее, порубили, и *оне*, говорят, погибли. Вроде с этой иконы как будто бы кровь текла, а потом снова эта икона образовалась... Оказалось, Дутов-то вот когда красные шли, они все иконы побросали, а Дутов-то шел, подобрали иконы все, и они ее несли, пока эта икона не попала в Китай. Говорят, что потом наша икона туда утекла. А копии-то нам здесь *пооставляли*. И так ее не найдут...

Вот несут иконы, под иконы прям ныряют, чтобы излечиться. Вот в то время *залазют* в воду, *черпают*, с собой везут. Мы уже не можем вокруг, а приезжает батюшка с Челябинска, с Сведловска, с Агаповки, с Магнитогорска. Вот все *обходят*, и молодые вокруг озера, а озеро большое. <...> Не больше лет пяти стоит эта часовенка. Рассказывают, один наш какой-то *менеджер*, который потерял документы, все горевал: «Что вот не найду. Если я найду документы, я помогу с часовенкой». И вы представляете?! Как будто бы он нашел эти документы где-то и дал большую сумму. Тоже помогал часовенку строить. Сейчас они на церковь собирают. Говорят, уже проект есть. Все разрешили. Будут строить (Кожевникова Л.В., 1927 г.р., г. Магнитогорск).

* * *

47. Вот на *Девяту* пятницу все утром собираются, берут иконы и идут пешком, это 17 километров от Краснинска. Идут с иконами, всю дорогу поют молитвы. Бабушки поют молитвы, и кто молодые знают. Когда придут на Пустое, вокруг озера обойдут, постоят. Если засуха, *дожжя* просят, если дождь все время идет, то просят, чтоб дождя такого не было. Урожая просят. И оттуда опять идут пешком, опять идут с молитвами. И собирается очень много народу.

Ну, как. Вот *молятся* и просят господу Бога: «Дай нам, Господь Бог, дождя, чтоб у нас не было засухи, чтоб люди голодными не были». Или, если все время дожди: «Господь, прекрати нам эти дожди». <...>

Прям называют: Матушка пресвятая Богородица, батюшка Иисус Христос, ну, молитвы соответственные такие поют, и всю дорогу мы идем и поем. На машинах, чтоб туда, не ездят, только пешком. <...> Дети идут, детей много идут. И старики, и молодые, и все. И даже мужчины идут.

Ну, конечно, каждый свою мысль держит. У каждого свое, что он просит. Он по этому идет как бы это обет какой-то, что девятого у нас. Ведь мы собираемся уже дня за три, оговариваем, что вот пойдем, и кто с какой иконой идет, и все такое.

Это, как говорится, ведь в душе у каждого человека, он не распространяет то, что он просит. Кто болеет, просит здоровья. Кто плохо живет, просит Господа, чтоб помог. У каждого какое есть такое. У кого детей нет – детей просят. Я что просила? Чтоб все были у нас в семье здоровы. <...> Если только уж вот человек когда такой больной, что не может даже ходить, его туда привезут, он как бы обет дает. И он вот там молится и этой водой как бы купается, его искупают, и человеку становится лучше, и он живет до своего времени и не болеет. <...>

Отовсюду *сходилися*. Ведь *щас* даже с Магнитогорска туда *ездиют*. В войну, вон мы маленькие были, в 41-м году, мы все ходили. Каждый идет, помолится, подойдет, крест поцелует, поклонится.

<...> Табынскую Божью Матерь носили, вот два человека вот так вот идут и несут ее на Пустое. И Казанскую носили, и Табынскую носили, и эту вот *Трехручницу* носили (Федотова З.Т., 1931 г.р., г. Магнитогорск).

* * *

48. Рассказывали, когда провозили икону Табынской Божьей Матери... специальная карета такая была, три священника сопровождали. И вот в одном месте, говорит, лошади встали и никак не могли дальше, ну, идти. Потом когда... а оттуда недалеко был хутор, и когда подошли, значит, здесь стояли с хутора жильцы. Когда подошли и сказали: «Здесь недалеко убили одного человека». И вот, говорит, надо бы отслужить молебен. И как молебен отслужили, и после этого лошади все пошли дальше.

Святое место оно считается, потому что на этом месте когда-то была действительно привезена икона Табынской Божьей Матери, и там был отслужен молебен. *Значить*, случилось это так. В этот год была засуха. И вот когда возили икону Табынской Божьей Матери (они везли в Арси, в направлении в Арси, туда же в Оренбург и т.д., в ту сторону), и вот люди попросили на берегу озера отслужить молебен. Там собрались жители поселка Краснинский, поселка Уфимский, Смирновского. И после того как отслу-

жили молебен и уехали, *значить*, в скором времени пошел дождь. И, слава Богу! *Значить*, засухи не было в этот год. И вот в честь этого все люди, которые там были, они дали *обвет*. *Обвет* – это значит обещание. Что каждый год на Девятую пятницу, это в день появления иконы Божьей Матери, Табынской иконы Божьей Матери, значит, посещать это место. Вот поэтому оно считается и святым. <...>

Мы когда были маленькие, жили в Подольском и ходили пешком, вот с бабушкой, покойной Прасковьей, а потом и с мамой. И там жители поселка все ходили пешком, это значит километров 6 или 7. Все ходили пешком туда и обратно, и было очень много народу, и была служба там, богослужение. И было очень радостно нам, даже детям. Мне было лет 8, сороковые годы. Тогда еще ходили. В мое детство я туда ходил. Когда мы ходили, это еще не запрещали. <...>

Водосвятный молебен. А после этого крестный ход вокруг озера. Все идут. Во главе архиепископ, митрополит Иов Челябинский и Златоустовский. И там несут иконы, хоругви, вот, и все идут. Священнослужители проносят... и совершают коленопреклонение, то есть все на колени, а над ними проносят икону. Это желательно три раза. Люди исцеляются от болезней и получают то, что они просят у Божьей Матери.

Под иконой проходили, когда была подлинная икона, настоящая, тогда вот проносили. И теперь даже копии икон, все равно проносят, все равно коленопреклонение осуществляется. Это почитание Богоматери (Сологуб М.В., 1938 г.р., п. Краснинский).

* * *

49. Ходили на Пустое, Богу молились, когда дождя не было. Ходили 20 километров. Уходили *наканун* с иконами, чтобы там ночевать. Там была часовня и два креста. Еще оттуда едем или домой приедем – дождь был. Это было обещание такое. Пустое называли Уфимское озеро. Там *уфимцы* жили, они из Уфы приехали... Там ничего не было. Была пустота, *наслася* скотина. И вдруг пастухи заметили: что-то светится. Подошли – это икона. Они взяли, обмыли. Там был лог, вязкий такой, и стала вода прибывать, и сделалось большое озеро. Было все нарушено, так опять построили. А икона эта Табынской Божьей Матери (Шеметова К.В., 1916 г.р., п. Сухтелинский).

* * *

50. А у меня у старшей сестры голова набок была, все ее дразнили: Катя-косошейка. Мама все нас ругала за это. Отец запряг лошадь, повез Катю, положили ее на дорогу, чтобы Богоматерь пронесли через нее. Мне лет пять было, и я плакала: думала, Катю задавят. Потом голова как-то направилась. А еще Коля был, у него нога, сломанная, никак не срасталась. Так после он ночь как убитый проспал, то не спал вовсе.

Когда ее понесли, так лошади на дыбы встанут и не идут. Пожилые говорят, надо бы отслужить молебен. И потом уже кони пошли покойно. До Пустого дошли, а она идти не идет, не дается, руки у них потели. Сами умылись, искупались и ее окатили водой. Имя Табынской Богоматери – Параскева.

Обет давали. В Краснинске умирали от голода, болезни, чумы. И по обету этому ходили на Девятую пятницу на Пустое.

Была избенка Ивана Головина, скажет он нам: «Принесите-ка воды, но мне только из озера, не из колодца». А мы ему: «Да мы там купались, и кто-то туда написал». А он

отвечает: «Вода в озере не погана. Мать Пресвятая Богородица все очистит». Так и пил воду *с озера* (Грудинина А.И., 1910 г.р., п. Краснинский).

* * *

51. У *ей* (сестры) была голова, шея, назвать, набок была, мы звали ее: «Катя-косошейка! Катя-косошейка!» Она плачет, нас ругают. Везут ее (икону) из Верхнеуральского к нам, народу много, из дома едут встречать ее. Из-за этого бугорка-то вышли, Краснинск как на блюдечке. И вот, когда ее сюда принесли, на бугорок... *оне* же во все места... *Подходят*, а Катю уговаривают, она плачет, не идет, боится. Лет семь, так ей было. Ну и что? Положили ее на дорогу, уговорили, Божью Матерь перенесли через *ее* Табынскую, *топерь* ее подняли, Катю, в *друго* место положили, потом на третье место положили. И моя мама говорит, я не видала, когда у *ей* голова направилась, когда у *ей* шея прямая стала. Детей-то много было

Никуда не возили. Врача не было...Выросла (Катя) и замуж вышла, все было нормально.

Мама бы нам раньше сказала, побольше бы ее расспросили.

Бедный стоит и думает, вот я бы ей молебен отслужил, денег-то нет. Она же проносная, ее встречают, провожают. Деньги нужны. Приглашали молебен служить, а у его не на что было... кони встали, она постарше меня помнит, рассказывала, значит, *доходят*, кони на дыбы встают, поднимаются, ржут. Теперь батюшка говорит: «Надо молебен служить тут нам». А этот мужчина говорит. «У меня, - говорит, - денег нет». А мы с тебя, говорит, денег не просили. Они отслужили, и кони пошли как следует.

В направлении на Чебачье (озеро), через Чебачье, Пустое. У Пустого руки взмокли у носильщиков. Икона склизнет из рук. Батюшка: «Кончился наш ход, надо молебен отслужить». Отслужили молебен, все. Кому надо, *купались*, и до сих пор *щас* празднуют Девятую пятницу. Не бросали ее. <...>

Кажду Девяту пятницу наши деды начали ходить-то, был сильный голод, засуха и болели когда, чума. Как-то заразная болезнь чума. *Оне* дали *обвет* <...> Все исполнилось, *дожжи* пошли. Хлеб хоть не так, но родился все-таки. А то совсем не родился. И стали ходить. Ну, там хутора были, Котов хутор – название, вот там служили молебен, как несли ее, на хуторе. Заимки, потом уж стали хутор звать, а то заимка была. Заимка Котова, Ерофеева заимка, молились, служили у *ей* первой. Как она *перва*... несли когда ее. За Ерофеевой заимкой Мельникова, отца дедушки заимка. Там третье молились. Потом...

Каждую Пятницу сколько икон, все выносили. Народу много, священники три-четыре из деревень выходили. А потом все заглохло, *ниче* не стало.

Гоняли сперва-то. *Разгонют*, *оне* на другую пятницу опять собираются, идут. Они отступились. Одних крестов *сколь* делали, чуть не каждый плотник. Срубят или выдернут – *нету* креста. Опять *нету* креста. А как к Девятой – делают.

[А другие случаи исцеления были?] Были, были. Помню. Пастухи пасли табун коров. И вот одно время коровы зазевали, копытами забили, заскоблили. Пастухам уж надоело, они пошли, разогнали коров тех. Утащили на место, где у них было сидеть, *лежати*. *Оне* опять на это место, опять мычат. Ругают, домой *че* ли, говорят. Другой день. Опять *гонют*, коровы бегом туда, к этой речке. Опять это. *Топерь* один другому говорит:

«Надо мулла звать, *это* же Бог русский. Это русский Бог». Ну, вызвали священника, священник пришел или приехал, и начали смотреть, ловить ее (икону). Никак. Эти ловили, пропустила я. Поймают (пастухи) ее, рубили топором... *Табынску* Божью Матерь. И на иконе щека вот здесь вот эдак. Огнем жгли, лицо черное, на другой иконе черное, *одежа* земная и такая, желтое как шелк, а лицо черное, горелое.

Батюшка молебен отслужил. Она не давалась в руки, возьмут только ее в руки, она опять вывалится. За батюшкой съездили, молебен отслужили, она не стала. Стала вот такая милая и стоит. В церковь отнесли. Стали рассылать, разоблачать, писатели тоже были раньше.

[О Крупининой горе] Я была там раз только на этой горе на Крупининой... Молиться, молиться ходили. Иконушки брали. Вот. Обрато пошли, а – *щас* не знаю, как зовут, а раньше кобылкой звали. Мелкая кобылка [саранча]. Хлеб ела. Обрато вернулись, и там отслужили молебен, батюшка был, там ведь недалеко граница, гора-то Карагайская рядом. Поехали посмотреть, где кобылка, саранча, ела – *поедены*, а свежо *нисколь* не было. А возили мы - в то время Марфа Ивановна была у нас, их хлеб-то. А у нас был колодец, он и *щас* есть, в которых колодцах воды не станет, вот и все. К нам ходили много за водой. Она идет за водой и говорит: «Нюра, *како* счастье-то у нас!» Говорю: «*Че?*» «Кобылка же у нас *уничтожилася*, исчезла. Кобылки нету, и хлеб заеденный остался» (Грудинина А.И., 1910 г.р., п. Краснинский).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Артемьева Анна Васильевна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл., с/з Осиповой И., 2000 г., п. 1, л. 1.
2. Горбатова Екатерина Поликарповна, 1918 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 3 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 73, 74, записала Тюкавкина М.
3. Чертихина Мария Яковлевна, 1915 г. р., урожд. п. Тирлян, обр. 4 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 1, записала Чернова О.Е.
4. Благова Антонина Андреевна, 1915 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 4 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 10, записала Моисеева С.А.
5. Лисовская Марфа Андреевна, 1907 г.р., урожд. с. Кага, обр. 1 кл. ЭК-13^а, 1998 г., п. 5, л. 6, записала Моисеева С.А.
6. Горбатова Екатерина Поликарповна, 1918 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 3 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 95, 96, записала Рожкова Т.И.
7. Илисёва Анисья Григорьевна, 1915 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 3 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 91,98, записала Бондаренко Е., в/з к. 5.
8. Агеева Варвара Александровна, 1914 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 6 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 82, записала Смородина Л.
9. Скворцова Зоя Гавриловна, 1932 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 3 кл. ЭК-8, 1997 г., п. 4, л. 15, записала Борюшкина Л.; л. №.18, записала Пастернак О.
10. Юрочкина Мария Петровна, 1912 г.р., урожд. с. В.Авзян. ЭК-13, 1998 г., п. 4, л. 8,9 записала Чеканова И.
11. Плохова Татьяна Сергеевна, 1933 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 3 кл. ЭК-11, 1998 г., п. V, л. 8, записала Смородина Л.
- 12.Быстрицкая Полина Максимовна, 1926 г. р. , урожд. п. Ломовка, обр. 4 кл.,ЭК 4, 1993 г.,п.1,л.2,записала Фурцева О.
13. Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 3 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 20, записала Махмутова Л.
14. Логинова Анна Васильевна, 1927 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл. ЭК-13^а, 1998 г., п. 2, л. 8, записала Подчинёнова Е.
15. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 2 кл. ЭК-14, 1999 г., п. III, л. 15, 17; записала Сороколетова М.
16. Калашникова Александра Андреевна, 1910 г.р., урожд. с. В. Авзян, обр. 1 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 4, л. 4, записала Моисеева С.А.
17. Исаева Феодосья Захарьевна, 1921 г.р., урожд. с. Н.Авзян. ЭК-25, 2002, п. 1, л. 37-39, записала Осипова И.
18. Рыбакова Полина Владимировна, 1928 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 4 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 88, 97; записала Бедилова С.
19. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 2 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 92-93, записала Бедилова С.
20. Беляева Ольга Ивановна, 1913 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 2 кл. ЭК-14, 1999 г., п. III, л. 8,18, записала Сороколетова М.
21. Платонова Клавдия Акимовна, 1936 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 7 кл., Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 7 кл. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 71-72, записала Коржова Т.

22. Юрочкина Елена Григорьевна, 1915 г.р., урожд. с. В.Авзян, ликбез. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 87, записала Коржова Т.
23. Бардина Екатерина Федоровна, 1919 г.р., урожд. с. В.Авзян, в Инзере с 1980 г., обр. 7 кл. ЭК-19, 2000 г., п. 2, л. 2-3, записала Беззубова Н.
24. Желнина Любовь Ивановна, 1938 г.р., урожд. с. Кага, обр. 6 кл., с/з Осиповой И., 1999 г., п. 1, л. 4.
25. Оглобличева Анастасия Петровна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, средне-медич. обр., с/з Осиповой И., 2001 г., п. 1, л. 3.
26. Копытова Мария Сергеевна, 1935 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 7 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 4, л. 2, записала Моисеева С.А.
27. Аверьянов Иван Андреевич, 1923 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 4 кл. ЭК-13, 1998 г., п.1, л. 26, записала Рожкова Т.И.
28. Лисовская Марфа Ивановна, 1914 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. нет. ЭК-10, 1997 г., п. 3, л. 75-76, записала Смородина Л.
29. Осипова Мария Владимировна, 1928 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл., с/з Осиповой И., 1999 г., п. 1, л. 6.
30. Зарубина Елизавета Акимовна, 1927 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 3 кл. ЭК-8, 1997г., п. 4, л. 17, записала Пастернак О.
31. Зарубина Елизавета Акимовна, 1927 г.р., урожд. п. Ломовка, обр. 3 кл. ЭК-7^а, 1996г., п. 1, л. 5, записала Моисеева С.
32. Оглоблина Тамара Васильевна, 1930 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 6 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 3, записали: Моисеева С.А.
33. Чертихина Александра Федоровна, 1911 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. нет. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 23, записал Козырчиков В.
34. Копытова Мария Сергеевна, 1935 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 7 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 10, л. 1, записала Моисеева С.А.
35. Калашникова Александра Андреевна, 1910 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 1 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 10, л. 4, записала Моисеева С.А.
36. Елисеева Ольга Федоровна, 1925 г.р., урожд. с. В.Авзян, обр. 7 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 10, л. 3, записала Сороколетова М.
37. Петрова Екатерина Спиридоновна, 1935 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 10, л. 2, записала Моисеева С.А.
38. Соколова Агриппина Дмитриевна, 1928 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл, Неклюдова Валентина Михайловна, урожд. п. Краснинский, обр. 7 кл. ЭК-12^а, 1999 г., п. 6, л. 3, записала Воскобоева Н.
39. Грудинина Анна Ильинична, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет. ЭК-12^а, 1999 г., п. 6, л. 1, записала Чеканова И.
40. Воробьева Анна Афанасьевна, 1909 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22, 2000 г., п. 7, л. 3, записала Смородина Л.
41. Кузьмина Татьяна Кузьминична, 1914 г.р., урожд. с. Арси, обр. нет. ЭК-22^а, 2001 г., п. 1, л. 3, записала Рожкова Т.И.
42. Сторжева Лидия Васильевна, 1914 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 3 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 24, записала Сулимова М.

43. Осинцева Анна Васильевна, 1908 г.р., урожд. с. Великопетровка, обр. 1 кл. ЭК-24, 2001 г., п. 3, л. 20, записала Чеканова И.
44. Сурменёва Анна Петровна, 1923 г.р., урожд. с. Арси, обр. 2 кл. ЭК-22^а, 2001 г., п. 1, л. 1, записала Моисеева С.А.
45. Шеметова Матрена Дмитриевна, 1915 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 2 кл.; ЭК-12^б, 2001 г., п. 6, л. 7-8, записали Чеканова Н., Смородина Л.
46. Кожевникова Лидия Венедиктовна, 1927 г.р., урожд. п. Краснинский, в Магнитогорске с 1929 г.; ДМ от 31.10.2003 г., записала Рожкова Т.И.
47. Федотова Зоя Терентьевна, 1931 г.р., урожд. п. Краснинский, в Магнитогорске с 1949 г.р.; ДМ от 20.02.2006 г., записали Филиппова И.А., Рожкова Т.И.
48. Сологуб Михаил Васильевич, 1938 г.р., урожд. п. Подольский Верхнеуральский район, обр. высшее; ЗС-2006.04, записала Филиппова И.А. в п. Краснинский
49. Шеметова Клавдия Венедиктовна, 1916 г.р., обр. нет, урожд. п. Сухтелинский; ЭК-27, 2003 г., п. 2, л. 24, в/з к. 21, записала Рожкова Т.И.
50. Грудинина Анна Ильинична, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет; ЭК-12^а, 1999 г., п. 8, л.1-2, записала Чеканова И.
51. Грудинина Анна Ильинична, 1910 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. нет; ЗС-2006.05, записала Филиппова И.А. в п. Петропавловский.

ЛЕТНИЙ КАЛЕНДАРЬ

Летний период календаря не дает такого богатства материала, как весенний, что связано с большим объемом хозяйственных работ, когда быстрыми темпами нужно подготовиться к долгой и суровой зиме. Основные даты определены днями летнего солнцеворота: Иванов день – 24 июня (7 июля), Петров день – 29 июня (12 июля). Иванов день в местной традиции называют Иван Травник. Ходили собирать богородскую траву, приговаривая: «Матушка-травушка, милая, господь тебя поливал и крестил, а можно мне тебя сорвать?».

В Петров день обязательно надо выйти в лес за ягодами. Собирались бабушки и «девчата лет по десять». До Петрова дня «ягоды не шевелили», говорили, что умершим детям на том свете не дадут ягод, если мать съест хотя бы одну. После праздника начинался покос: «Как Петров день *приходить*, мы, бывало, с дедом пообедаем, помолимся и на покос... И с *копёшку* накосим». В связи с покосом вспоминается и день Казанской богородицы – 8 июля (21 июля). Его ещё называли «ленивая коса» - «последний едет *нащипать* покос».

О днях Ильи 20 июля (2 августа) и Бориса 24 июля (6 августа) продолжают бытовать представления как о «грозных», особо опасных датах. Сметанные на Илью и Бориса стога развеивает ветром, работающих людей убивает грозой. В эти дни до сих пор воздерживаются от всяких работ в поле. Кроме того, на Ильин день строго соблюдается запрет на купание. День Флора и Лавра – 18 августа (31 августа) представлен в материалах только по поселку Тирлян. В Каге 8 августа (21 августа) - обещанный день: «был мор, умирал народ», только здесь ходят на кладбище поминать родителей в этот день.

Горнозаводские сёла

* * *

1. «Сегодня Иван-травник, 7 июля. Сегодня ходят за богородской травкой, а потом ей и покойника окуривали, и от болезней лечились.

21 июля – Казанская Богородица, луга делят для покоса.

На Ильин день, 2 августа, никто и не работает. Кто в этот день работает, тому будет несчастье. Метала соседка стог, а к концу дня от него один *шиш* остался» (Сорокина В.М., 1912 г.р., п. Тирлян).

* * *

2. «Иван Травник *бывает* перед Петровым днём; это, *говорять*, трава уже *готова* для покосу, трава уже должна вырасти. А вот какого *щисла* и не помню.

10 июля – Петров день; это первая коса. В Петров день служба была, это *еще* когда церковь была. Уже при нас этого-то не было. Как будем Богу *отвещать* за эти дела?

Без церкви ведь жили! До Петрова дня раньше в рот не брали *яуод* – *урех*. В Петров день все с *бокальщиками* идут, собирают к *щайю яуод*. А *щас* уж дерут *яуды*-то ещё, *щать*, все зелены. А раньше нет. К Петрову дню *яудки* становятся *красненьки*. *Щерез* неделю где-то после Петрова дня – летняя Казанская.

Ильин день 2 августа. *Уоворят*, ленивый день. Это кто первый раз на покос едет, вот им и *уоворят*: «Ленивая соха *нонче* уж». В Ильин день купание прекращайся! Ильин день – первый Спас, бери варежки в запас. На зиму, мол, *уотовимси*. Первый Спас – первый мёд *кацаютъ*. *Щерез* неделю второй Спас. Рожь сеять *нащинают* у зиму.

Борис день 6 августа, кажись. Страшный день и *урауан* может натворить.

21 августа в *Кауе* обещанный день. Какая-то ходила *судороуа*, *болящка*. Заходила в дом и всех *скрущивала*, вымирали все. И стали обещание давать 21 августа. И вот *каж-ный* раз в этот день народ собирается и *идуть* на кладбище. Вот так с тех пор и ходим. Это ведь кто *кауинский*, обязательно этот день знает. *Идутъ* на *моуилы родителей*, родственников. На *моуилы* вот общие. Тогда ведь *сколь* народу эта *судороуа* свалила. Людей ведь так *пряма* и без *уробов* хоронили в одну *моуилу*» (Логинова А.В., 1927 г.р., с. Кага).

* * *

3. «Петров день 12 июля. Праздновали именинники. После Петрова – на покос. Ивана Травника *отмещали* в Узяне. После Петрова дня, когда косить *начинаютъ*, первый пучок травы срывают рукой, наклонившись к земле, и *кладуть* за пояс.

Ильин день 3 августа, Борисов день 6 августа. Мать рассказывала, что ходят в *церкву* в этот день, *ниче* не *делаютъ*. Однажды на Ильин день нагребли двадцать копен, как буран поднялся – всё раздуло.

Обещанный день 8 августа по-старому, 21 августа по-новому. *Када-то* была чума, народ *помирал*, дали люди обещание: «Если прекратится, будем *отмещать*. *Щас* кто *идесть*, на обещанный праздник со всех сторон *приезжаютъ*» (Сухов Н.П., 1929 г.р., с. Кага).

* * *

4. «Петров день 12 июля, и там сразу покос *пойдетъ*. Как Петров день приходит, мы, бывало, с дедом пообедаем, помолимся – и на покос: «Ну, *Петровищ*, айда пойдем, *нащнём* покос». И с *копешку* накосим. А ягоды до Петрова дня *узе* ели. Ну, раньше говорили, что вроде нельзя, а мы ели.

Ильин день в августе. Ездили за ягодами. Раз, помню, столько *копей* на поляне было, *узе* унесло, не знай куда. Сердитый день. Дома на Ильин день горели. Раз четыре дома сгорело. На Ильин день ни один мужик не работал» (Осокина А.П., 1924 г.р., с. Узян).

* * *

5. «Петров день 12 июля. Вот уж, *дощеньки*, настанут холода. Старые люди говорили: «Слепень понизится, и холода станут наступать». Или с Петрова дня, или раньше день пойдет на убыль. На Петров день костер *зацветаетъ*. Его нужно косить, *када* пожелаешь, или на цвету; в нем *былка* крупная. Косить надо. Старые старики собирались

на покос: и сметаны *наберуть*, и лапшу намесят на яйцах, а мы, вот такие *девцата* лет по десять, с бабушками у лес за ягодами идём вот на Петров день. Земляника *поспеваает* своевременно, *када* она *цветёт*. Ежели жаркое лето, она *засыхаает*; ежели с *перемоцкой* лето, она *во* какая на делянках! Бабушки *собирают* и *внушек*, и маленьких мальчиков *забирают* и *идут* за её, земляникой.

Служить *ходят* на *ключи* на Девятую пятницу» (Бочарова Т.И., 1912 г.р., с. В.Авзян).

* * *

6. «Петров день 12 июля. Раньше ведь до Петрова дня *яюдку* у рот не брали – *урех*, нельзя. А теперь всю зелёную поели. Вот как.

Ильин день 6 августа. И *щез* день – Борис день. *Хто* именинник, в этот день не работал, если, например, Ильей или Борисом звали. *Стоуа* *вороцали*, самый покос у *ети* дни. А работать-то в эти дни нельзя, будешь работать – всё зря. Как подымется ветер и *стоу* весь разнесёт» (Абакумова Е.П., 1926 г.р., с. Кага).

* * *

7. «Петров день 12 июля. На него косить *нацинали*. Отец с матерью *готовили* обед и после обеда ехали на покос. А после Казанской, после Петрова дня – «ленивая *коса*». Последний едет *нацинат* покос.

На Ильин день купаться уже нельзя. Страшно, лучше не надо. Потом Борис день. Я помню, *девцонка* ещё была, с отцом вдвоем на покосе были. А дальше от нас колхозная *бригада* была. А отец болел, стариком уже был. Отец большой вол *наурёб*. Ну и решили мы пообедать с ним сходить. Пообедали, идем обратно. А нам люди *крищат*: «А есть что копнить-то?» Борис *усе* унес. И копнить оказалось *нешего*. *Усё* по кустам разнесло. Отец *тоуда* матерился: «*Итит* твою масленица!» Борис день *усё* унёс!» (Артемьева В.П., 1923 г.р., с. Кага).

* * *

8. «12 июля – Петров день. По ягоды *идут* на Петров день. На покос раньше уезжали. А *посля* Петрова дня – Казанская. Она *щез* неделю после Петрова дня. Раньше *говорили*: «Ленивая *коса* уезжает на покос». И до Петрова дня нельзя *яюды* шевелить. *Посля* Ильина дня нельзя землянику собирать. *Иначе* спать будешь. Ильин день 24 июля по старому стилю, 3 августа – по-новому. Так, кажись. На покосе *урести* нельзя – *вреднай* день. А *посля* – Борис день. *Стоуа* *перевертывает* даже. Копны, ряды – *усе* у воду уносило» (Артемьева А.В., 1920 г.р., с. Кага).

* * *

9. «12 июля – Петров день. После него едешь на покос – самое время. На Петров день за ягодами ходили. А на Казанскую, 21 июля, лентяи на покос *едут*. Самые лентяи.

2 августа – Ильин день. Мы раньше на покосе жили. Но мы тогда уже не косили. Бывало, бабы *скажут*: «*Айдате*, девки, за черёмухой». Он вредный этот праздник. На

него метать не надо. Один раз сметали, заклали стог. А к вечеру поднялся ветер, ураган – и *все* растащило до земли. Как *птички* вились возле неба! Буря поднялась, а дождя и не было. Стог длинный был, *все* растащило!

На Борис день тоже нельзя работать. Борис до Ильина дня. Это тоже вредный день. Мы метали как-то раз на Борис день. Старик тогда был с нами, заведующий. Воз хороший был, стог ставили. Старик кладет стог-то, а я говорю: «Дед, хватит. *Кащается* стог». А он, знай, тянет. Раза четыре сказала, а он всё кладет *поманеньку*. Остатки стала докладывавать и упала. Да как я не убилась только, не знаю. А старик говорит: «Я думал, не *упадеть*». *А зубы не уставляла*, боялась. Вот он – Борис день» (Желнина Л.И., 1938 г.р., с. Кага).

* * *

10. «У Петров день *разувлялись*. Даже с покоса *приежжали разувляться*. Тётка Лена до Петрова *дни ягоды* у рот не брала. А потом земляничку ели только до Ильина дня.

Первый Спас 14 августа. Мёд *кащают*. *Нащипывают* рожь озимую сеять. Второй Спас 19 августа, третий Спас 27 августа. Первый мёд у *церковь* таскали святить» (Платонова А.И., 1927 г.р., с.Н.Авзян).

* * *

11. «Когда ягоды *поспеют*, первые ягодки не *собирают*, а *кладут* три ягодки на пенёк родителям.

Обещанный день где-то в августе бывает. У нас *ево нету* и у Верхнем Авзяне нету, а у Каге *празднують*» (Платонова К.А., 1936 г.р., с.Н. Авзян).

* * *

12. «Петров день есть, 12 июля будет, праздник праздновать надо. Прошли пожинки 25 июля, заговелись, двенадцатого будем разговляться, и только ягодками. Это Петры, Павлы будут именинники. В этот день не работали, все идут по ягоды.

Ильин день 2 августа. Это большой праздник. Надо до *его* бы поставить стог сена. Это, говорили, пуд мёду. Работать нельзя, упаси Бог. Раз косили мы ещё с *папашкой* накануне Ильина дня, а грести на Ильин день *папашка* не разрешил, нельзя же. А соседи на Ильин день гребли. Нагребли. А вечером поднялся ветер. Они ни одного лепестка сена не нашли. Всё кверху унесло. Хозяин упал на землю и плакал, и сказал: «Другу-недругу закажу, чтоб в этот день никто не работал». Этим днём только убыток себе сделаешь.

Как придет Фролов день, на него пригоняют табун к роднику. Батюшка выходит с какой-то водой и брызжет с молитвой этих лошадей. Покропит он, чтобы скотина была вся целой. Вроде Господь спасет» (Чертихина А.Ф., 1911 г.р., с. Тирлян).

* * *

13. «После Петрова дня на покос *выежжали*. На Казанскую – ленивая коса. На Петров день нам бабушки разрешали земляничку сорвать. До Петрова дня – *урех*.

Обещанный день *празднують* только у нас у *Каге*. Он *бывает* 21 августа. Тогда была холера у нас. *Уся* деревня *почти* вымерла. И вот собрались женщины у *Сажилки* и стали молиться, дали обет. И вот теперь *этот* праздник *все* *празднують*. В *этот* день *все кагинские*, *иде* бы ни были, *все съезжаются*. На кладбище народу, машин – тьма» (Кудряшова В.М., 1925 г.р., с. Кага).

* * *

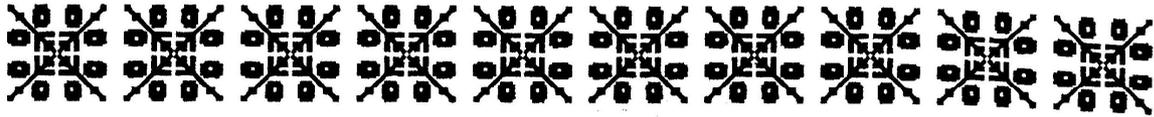
14. «*Казанскыя-то? Известян*, конечно. *Казанскыя* вот 8-го числа по-старому. Ну, а по-новому, *шитай*, 21 июля, *Казанскыя-то*. Бывало, старухи *сядут* на завалинку: «*Нынче Казанскыя*, праздник. *Айдатя*, бабы, *покосимси. Айдатя*». А потом *пойдут*, бывало, косить. И *косють*. Уговорили, что *Казанскыя* – самая *последняя ленивая* коса. Тут уж *хошь-не хошь*, а надо косить. Вот, *эти* старухи *устанут* с завалинки-то, *пойдут* дорогу *обкосють*. Хоть пластик, но *скосють*. Надо. Вот в *эт* день собираются, *кто* не успел на покос уехать. У нас *тогда* на *Казанскую* и у церкви служили. Ходили и у лес. *Пойдут*, бывало, и *молятся* *все*. И косить *пойдут*» (Трифоновна П.А., 1916 г.р., с. Кага).

* * *

15. «Второе августа Ильин день *празднуют*. Ни косить, ни *согребать* нельзя. А кто *согребет* сено, у того всё ветер раздует. Нельзя стирать, мыть, ничего делать нельзя. У одной старухи покос. Дома баню затопила, а на Ильин день. А ей говорят, что грех. И поднялся ветер, молния, гроза. Молния убила одну её корову из всего стада. Самый страшный Ильин день. А я постирала на Ильин день, так у меня чирей на ладошке *соскочил*. Мне в больнице и чистили, и резали, до кости дошли, а не заживает. Сорок дней ходила с перевязанной рукой. Самый страшный Ильин день» (Белобородова К.Н., 1919 г.р., Ивановская С.Г., 1921 г.р., п. Тирлян).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сорокина Валентина Михайловна, 1912 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 3 кл. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 26, записала Куркина О.
2. Логинова Анна Васильевна, 1927 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 6-7, записала Моисеева С.А.
3. Сухов Николай Петрович, 1929 г.р., урожд. с. Кага, обр. 7 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 20, записала Старикова Е.
4. Осокина Александра Павловна, 1924 г.р., урожд. с. Узьян, обр. 4 кл. ЭК-23^а, 2001 г., п. 1, л. 12, записала Осипова И.
5. Бочарова Татьяна Ивановна, 1912 г.р., урожд. с. В.Авзян. ЭК-23^б, 2001 г., п. 1, л. 8, записала Старикова Е.
6. Абакумова Екатерина Петровна, 1926 г.р., урожд. с. Кага, обр. 4 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 27, записала Осипова И.
7. Артемьева Вера Петровна, 1923 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 13, записала Осипова И.
8. Артемьева Анна Васильевна, 1920 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 19, записала Осипова И.
9. Желнина Любовь Ивановна, 1938 г.р., урожд. с. Кага, обр. 6 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 9, записала Осипова И.
10. Платонова Анастасия Ивановна, 1927 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 7 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 2, л. 7-8, записала Засова О.
11. Платонова Клавдия Акимовна, 1936 г.р., урожд. с. Н.Авзян, обр. 7 кл. ЭК-25, 2002 г., т. 4, л. 1, 3; записала Лаврухина С.
12. Чертихина Александра Федоровна, 1911 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. нет. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 19, записала Гарипова М.
13. Кудряшова Вера Михайловна, 1925 г.р., урожд. с. Кага. ЭК-25, 2002 г., т. 3, л. 1,4; записала Засова О.
14. Трифонова Прасковья Андреевна, 1916 г.р., урожд. с. Кага, обр. нет, с/з Осиповой И., 1999 г., п. 1, л. 9.
15. Белобородова Клавдия Николаевна, 1919 г.р., урожд. г. Верхнеуральска, в Тирляне с 1991 г., обр. 3 кл.; Ивановская Серафима Григорьевна, 1921 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. 7 кл. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 21-22, записала Чернова О.Е.

КОЛЯДКИ

1

Коляда, Коляда, пришла Коляда
Уперед Рожества, вперед Масленисы.
Мы ходили, мы искали
Коляду *святуя,*
Мы нашли Коляду
У Бешкоревых на дворе.
Как Бешкоревых двор
Железом крыт.
Посеред двора стоит бадья,
Бадья тощиныя, позалощиныя.
Дай Вам, *юспыди,*
Кабылушку с жаребеныщком,
Коровушку с теленыщком,
Овещищку с яуненыщком.
Уж ты дяденька *добер,*
Мне *копеечку* припер.
(тут *мноуо* нас, *щасто*)
Уж ты *тетынька* добра,
Нам *ленку горстку* дала.
(Ну и *тащут* кто *щё*, кто копеечку даст....)

Ко-ля-да, ко-ляда, при-шла ко-ля-да у пе-ред Ро-жест-ва

у - пе-ред Мас-лен-сы. Мы хо-ди-ли, мы ис-ка-ли ко-ля-ду свя - ту - я.

Мы наш-ли ко-ля-ду - у Беш-ко-ре-вых на дво-ре. Как Беш - ко-рев двор

же - ле - зом крыт. По се-ред дво - ра сто-ит бадь - я. Бадь - я то -

щи-ны-я, Дай вам, Гос - пы - ди, ка - бы - луш - ку с же-ре-бе -

ныщ-ком, ко - ро - вуш - ку с те - ле - ныщ-ком, о - ве - щиц-ку с

я - гы-не - ныщ-ком. Уж ты, дя-день - ка, до-бер, мне ко-пе-еч - ку при-пер.

Уж ты, те - тень - ка, доб - ра нам лен - ку горст - ку да - ла.

2

Коляда, Коляда,
 Пришла Коляда *уперед Рожества*
 Вперед Масленицы.
 Мы ходили, мы искали
 Коляду *святуя*.
 Мы нашли Коляду
 У(имя) Бешкоревых на дворе.
 Этот двор железом крыт,
Посеред двора стоит бадья,
 Бадья *тощенья, позолощенья*.
 Дай Вам, *юспыди*.
Лошадушку с жеребеныщком,
Коровушку с теленыщком,
Овещуку с яуненыщком,
Кошещуку с котеныщком,
Собащенку с собащенком.
 Дай Вам, *юспыди*,
 Хозяин с хозяйюшкой,
 Добрые здоровья.
Уюстите нас...

3

Пришла Коляда
Уперед Рожества,
Уперед Масленцы.
 Мы ходили, мы искали,
 Коляду *святуя*.
 Мы нашли Коляду
 У (имя) Маруси на дворе.
 Стоит бадья,
 Бадья *тощиныя, поколощинныя*.
 Дай Вам, *юспыди*,

Коровушку с теленышком,
 Дай Вам, уоспыди,
 Овещушку с яуненышком.
 Дай Вам, уоспыди,
 Поросенышку с просятыми,
 Не дадите пирога –
 Мы корову за рога,
 Не дадите лепёшки...

4

Ой, Колида, ой, светлая,
 Пришла Кылида уперед Рожиства,
 Вперед Маслицы.
 Мы искали Коляду.
 По всем дворам, по проулычкам.
 Нашли Коляду у Платонывым дворе.
 Дай вам, уоспыди,
 Коровушку с теленышком.
 Дай вам, уоспыди,
 Овещушку с яуненышком.
 Дай вам, уоспыди,
 Свинью с поросёнышком,
 Не дадите пирога –
 Мы корову за рога...

5

Коляда светлая, пришла Коляда,
Уперед Рождества, *уперед* Масленицы,
 Мы ходили, мы искали Коляду.
 Мы нашли Коляду
 У Коноваловых на дворе.
 У Коноваловых на дворе
 Стоит бадья, полна меду налита.
 А *вереюшки*, они точеные, позолоченные,
 А хозяин их – светел месяц,
 А хозяйюшка – красно *солнушко*.
 Здравствуйте, хозяин с хозяйюшкой,
 С праздником Вас.
 Доставайте нам копейки,
 Открывайте *сундуцки*,
 Доставайте *пятацки*.

6

Коляда светлая,
 Пришла Коляда
 К Беззубовым на двор.
 У Беззубовых двор – железный тын.
 А *вереюшки* та, они точеные, позолоченные.
 Посреди двора стоит бадья
 Полна меду налита.
 А хозяин-та – светел месяц,
 А хозяйюшка – красно солнышко,
Ихи детушки – часты звездочки.
 Дай им, господи,
 И скота, и живота,
 И куриного пера.

7

Что не Волга-река разливается,
 Что (имя, отчество парня) жениться собирается.

Таузень.

Он на *ворыном* коне,
 На *черкасском* седле, снаряжается.

Таузень.

Кисейна рубашка, косою вороток,
Таузень.

Вы *хозявы*, вы *хозявы*, не *скупитися*.

Таузень.

Золотую казною *поделитися*.

Таузень.

8

Как у Мишки на дворе растет *травынька*.

Тавусень, Тавусень.

Растет *травонька*, да цветут цветики.

Тавусень, Тавусень.

Цветут цветики, все лазоревые.

Тавусень, Тавусень.

Как по этим по цветам Мишка *хаживает*.
Тавусень, Тавусень.
 Свои русые *куделюшки* разглаживает.
Тавусень, Тавусень.
 Его русые *куделюшки* по *плечушкам* лежат.
Тавусень, Тавусень.
 По плечам-то лежат, словно жар горят.
Тавусень, Тавусень.
 Пора пиво варить, да и Мишеньку *жанить*,
Тавусень, Тавусень.
 Да и Мишеньку *жанить*,
 Да и Машеньку *узять*.
Тавусень, Тавусень.

♩ 100-120

Как у Миш-ки на-дво-ре рас-тет тра-вын(и)-ка.
 Та - - - ву - сень, та - - - ву - сень.

9

Щедровочка щедровала,
 До *виконца* припадала:
 Что ты, тетка, *напыкла*?
 Давай, тетка, *пыроґа*,
 А не дашь *пыроґа*,
 Возьми вола *роґа*.

10

Тауси, тауси,
 Кишки да лепешки,
 Свиные ножки.
 Бабушка, бабушка,
 Дай *косник*,
 Не дашь *косник* –
 Утащу *волосник*.
 Бабушка, бабушка,
 Дай лепешку.
 Не дашь лепешку –
 Посажу в кадушку.

11

Что жила-была чечётка,
Что жила-была лебёдка
На боярском дворе. 2р.

Посадили мы чечётку,
Посадили мы лебёдку
За решёточку. 2р.

Ты сиди, моя чечётка,
Ты сиди, моя лебёдка,
За решёточкой. 2р.

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка
Семь дочерей. 2р.

Что и Дарью, и Марью,
Федосью,
Степаниду, Фульманиду,
Что седьмую Катерину,
Душу Катеньку. 2р.

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе семь зятьев:
Ивана, Романа,
Евстигнея, Лексея,
Дементия, Клементия,
Седьмого-то Лексея,
Душу Лёшеньку.

Нажила себе чечётка,
Нажила себе лебёдка,
Себе двадцать внучиков.

Два сижня, два лёжня,
Два поползня,
Два у лавочки стоят,
Два учиться хотят,
Две Акульки в люльке качаются,
Две Олюшки ко краюшке подвигаются,
Две Алёнки в пеленке лягаются.
Как на стулике сметана,
У сметаны два Степана,
Да два Стёпаньки. 2р.

Что жи - ла бы - ла че - чет - ка, . что жи - ла бы - ла ле - бед - ка

на бо - яр - ском дво - ре, на бо - яр - ском дво - ре.

12

Коляда светлая,
Пришла Коляда
Уперед Рождества,
Уперед Масленицы.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую.
Мы нашли Коляду
У Лисовских на дворе.
Стоит тын железный,
Как по этим по *тыну*,
Всем по маковице маковке,
Всем по луковке, по *вереюшке*.
Они точеные, позолоченные.
Как хозяин-то – светел месяц-то,
Как хозяйюшка – красно солнышко.
Как-то детушки – часты *звездушки*.
Открывайте коробейки,
Доставайте нам копейки,
Открывайте сундучок,
Доставайте пяточок.
Не дадите нам лепешки –
Перебьем вам все окошки.
Не дадите пирога –
Уведем корову за рога.

13

Пришла Коляда
Вперед Рождества,
Вперед Масленицы.
Мы искали Коляду
У Исаевом дворе.
Как Исаев двор,
Железный он.

Серед двора
Стоит бадья.
Дай вам, господи,
Коровушку с теленочком,
Лошадочку с жеребеночком.
Не дадите пирога –
Мы корову за рога,
Не дадите лепешки –
Разобьем окошки.

14

Пришла Коляда
Вперед Рождества,
Вперед Масленицы.
Мы ходили, мы искали,
Коляду святую.
Мы нашли коляду
У Калашниковых на дворе.
Калашников двор – железный тын.
Посреди двора стоят три терема.
Как *во* первом тереме
Светел месяц – Филипп Павлович.
Во втором тереме
Красно солнышко – Александра Андреевна.
А *во* третьем тереме
Часты *звездушки* – *ихи* детушки.
Здравствуйте, хозяин с хозяйюшкой,
Открывайте *коробейки*,
Подавайте нам копейки,
Открывайте сундуки,
Подавайте пятаки.

15

Коляда, Коляда,
Пришла Коляда
Вперед Рождества,
Перед масленицей.
Мы ходили, мы искали
Коляду светлую.
Нашли Коляду
У тѣти на дворе.
Стоит бадья,
Бадья подколоченная,
Позолоченная.

Эта тётенька добра,
Нам конфетки дала.
Этот дяденька *добер*,
По копейке припер.

16

– Коляда, Коляда,
Ты *иде* была?
– За воротами.
– А ворота *иде*?
– Да водой снесло.
– А вода *иде*?
– Быки выпили.
– А быки *иде*?
– У тростник ушли.
– А тростник *иде*?
– Девки выломали.
– А девки *иде*?
– За мужья ушли.
– А мужья *иде*?
– У царя, у полка,
Сухари *толкуть*,
Переталкывают,
У пещурошки *кладуть*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бешкорева Анна Григорьевна, 1919 г.р., урожд. с. Узян, обр. 1 кл. ЭК-6, 1995 г., п. 6, л. 3, записала Филимонова Л., а/з к. I.
2. Бешкорева Анна Григорьевна, 1919 г.р., урожд. с. Узян, обр. 1 кл. ЭК-7^б, 1996 г., в/з к. 2, обработала Моисеева С.А.
3. Колесникова Евдокия Петровна, 1915 г.р., урожд. с. Узян, обр. нет. ЭК-№ 6, 1995 г., а/з к. 8, обработала Моисеева С.А.
4. Платонова Клавдия Акимовна, 1936 г.р., урожд. с. Н. Авзян, обр. 6 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 12, л. 2, записала Сороколетова М., в/з к. 9, обработала Моисеева С.А.
5. Коновалова Валентина Сергеевна, 1936 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 7 кл., Копытова Мария Сергеевна, 1935 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-10, 1997 г., в/з к. 5, обработала Моисеева С.А.
6. Ионова Наталья Евдокимовна, 1918 г.р., урожд. п. Митязи, в Инзере с 1937 г., ЭК-19, 2000 г., п. 2, л. 7, записала Осипова И., в/з к. 15, обработала Дерябина Е.Б.
7. Плотникова Марфа Ивановна, 1911 г.р., урожд. с. Кацбах, обр. нет. ЭК-8^а, 1997 г., п. 1, л. 1, в/з к. 7, обработала Дерябина Е.Б.
8. Киселева Александра Андреевна, 1913 г.р., урожд. Горьк. обл-ти, в с. Бобровка Троицкого района проживает с 1978 г., с/з Головачевой Г.А., 2000 г., п. 1, л. 5, в/з к. 17, обработала Дерябина Е.Б.
9. Савченко Екатерина Ивановна, 1919 г.р., урожд. Верхнеуральского района, в 1910 г. её родители приехали в Верхнеуральский р-он с Украины, обр. сред. ЭК-9, 1997 г., п. 2, л. 3, записала Фаныхова Л., в/з к. 7, обработала Моисеева С.А.
10. Баранова Устинья Ивановна, 1926 г.р., урожд. д. Ирныкши, Архангельского района Башкирии, в Инзере с 1946 г. ЭК-19, 2000 г., п. 2, л. 8, записала Осипова И., в/з к. 15, обработала Дерябина Е.Б.
11. Таныгина Ефросинья Дмитриевна, 1916 г.р., урожд. п. Краснинский, обр. 6 кл. ЭК-12, 1998 г., п. 2, л. 2, в/з к. 1, обработала Дерябина Е.Б.
12. Лисовская Марфа Ивановна, 1914 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. нет. ЭК-10, 1997 г., п. 14, л. 11, записала Смородина Л.
13. Красавина Валентина Тимофеевна, 1938 г.р., урожд. п. Н. Авзян, обр. 6 кл., Гушинская Мария Ивановна, 1941 г.р., урожд. п. Н. Авзян, обр. 7 кл. ЭК-13, 1998 г., п. 12, л. 3, записала Чеканова И., Самигулина С.
14. Калашникова Александра Андреевна, 1910 г.р., урожд. п. В. Авзян, обр. 1 кл. ЭК-10, 1997 г., в/з к. 7, (проговаривает текст), обработала Моисеева С.А.
15. Мелентьева Александра Александровна, 1928 г.р., урожд. с. Узян, обр. 7 кл. ЭК-6, 1995 г., п. 6, л. 2, записала Захарова Ю.
16. Артемьева Вера Петровна, 1923 г.р., урожд. с. Кага, обр. 3 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1, л. 38, записала Осипова И.

ПЕСНИ: ИГРОВЫЕ, ХОРОВОДНЫЕ, БЕСЕДНЫЕ

Горнозаводские сёла

1

Во поле *берёзынька* стояла,
Во поле *кудрявыя* стояла,
Лёли, лёли да стояла. 2р.

Белыми цветами расцветала. 2р.
Лёли, лёли расцветала. 2р.

Пойду я в поля загуляю,
Лёли, лёли загуляю. 2р.

Белую березу заламаю,
Лёли, лёли заламаю. 2р

Стой, *березынька*, во поле,
Стой, *кудрявыя*, во поле.
Лёли, лёли да во поле. 2р.

Цветы белы не ломайте.
Лёли, лёли не ломайте. 2р.

Да не гнись-ка ты от ветра сильного,
Лёли, лёли ветра сильного. 2р.

От бурана *вихору*.
Лёли, лёли *вихору*. 2р.

Стань-ка ты бодро, весело,
Лёли, лёли бодро, весело. 2р.

Перед красною девицею.
Лёли, лёли красною девицей. 2р.

Перед добрым молодцем.
Лёли, лёли молодцем. 2р.

2

Уж мы сеяли, сеяли ленок.
 Уж мы сеяли, приговаривали,
Чиботарем приколачивали:
 Ты удайся, удайся, ленок,
 Ты удайся, мой беленький.
 Воротись, друг, мой миленький.

3

*Завивайси, капустанышка,
 Завивайси, виловыя моя.
 Ишо как тебе не витися,
 Как виловой не ломитися.
 Вещёр на капустыньку дожжжик шёл,
 Вещёр на виловую сильнай шёл.
 (а потом завивают крууцельнай людей-то
 и завиваются, а потом...)
 Развивайси, капустынька,
 (тут уж пляшут, топоцут ногами)
 Развивайси, виловая моя.
 Ишо как тебе ни витися,
 Как виловой ни ломитися.
 (тут уж щасто надо)
 Вещёр на капустыньку дожжжик шёл,
 Вещёр на виловую сильнай шёл.*

♩ 120

1. За - ви - вай - си, ка - пус - тынь - ка,
ка, за - ви - вай - си ви - ло - вы - я мо - я.

5. Ве - щер на ка - пус - тынь - ку до - жжик
шел, вс - щер на ви - ло - ву - ю силь - най шел.

4

Круу я бережку ходила молода
 Белу рыбицу ловила для себя.
 Распрогневылись ребяташки,
 Доложили моей матушки.
 Мая матушка не лиха, не добра,
 Посылает *капустку* полоть.
 Я полю, полю, *напалываю*,
 Всё на солнышко *сполядывыю*.
 Высоко ли красно солнышко взошло,
 Да высоко её туманом занесло,
 За *туманчиком* не видно *нищиво*.
 Приходил ко мне *молодщик* молодой,
 Приносил *мине* подарок дорогой.
 Я, наверно же, подарок не *сприму*.
Тибe, молодец, наверно, полюблю,
Поцалую, назад провожу.

♩ 113

1. Круг я бе - реж - ку хо - ди - ла мо - ло - да

Окончание:
По - ца - лу - ю, на - зад про - во - жу.

5

На *печи* сено косил,
 По *брусу* копны возил,
 На *полатях* стог метал,
 В понедельник захворал,
 У во вторник *уставал*
 Красну девку целовал.

♩=120

На пе - щи се - но ко - - сил
 На бру - су коп - ны во - - зил <...>

6

Сидит, *Дремушка* на *стульчики*,
 Плетет Дремушка *шалковый* поясок.
 Не *сколь* плетет, сколько времечко ведет,
 Пора Дреме,
 Пора Дремушке со *стульчику* вставать,
 Пора Дреме красну девку выбирать,
 Пора Дреме красну девку выбирать.

♩=85

Си-дит Дре-муш-ка на стуль-чи-ке. Пле-тет
 Дре-муш-ка шал-ко-вый по-я-сок. Нес-коль
 пле-тет, сколь-ко вре-меч-ко ве-дет.

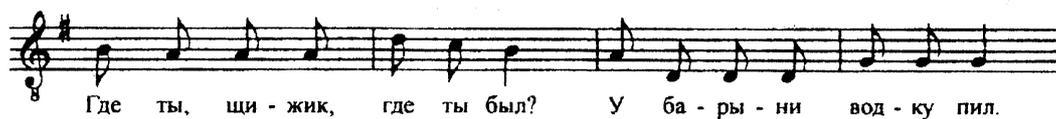
7

– *Щижик, Щижик, Щижущик,*
Маленькай воробушек,
 Где ты, *щижик*, где ты был?
 – У барыни водку пил.
 Выпил рюмку, выпил две,
 Зашумело в *улове*.
 Ехал *щижик* *воточки*
 По нашей *прищине*.
 Есть вино, пьем *её*,
 Нет вина, пьем воду.
 Не сменяем ни за что,
Милую свободу.
 – Ох, вы, дети, вы, отцы,
 Вы, *хулианы*-молодцы.

Где вы жили?
– Во полях,
Во *уремущих* лесах.
Поймали соловья,
Посадили в клетку.
Я у клетке *не хошу*,
Я на волю *полещу*.
Вился *щижик*, полетел,
уромки песенки запел.
Во соколику
На *колику* наказывал:
Ты лети, лети, соколик,
Высоко ли далеко.
Что высоко и далеко,
На *родиму сторыну*.
На родимой на сторонке
урузен батюшка *живёт*,
Что *урузён*, то *вален*
Мноуо милыстливый.
Не пускает молодца,
С молодцом *улять* отца.
Он не слушал мать, отца,
Распотешил молодца.
Он за то его потешил,
Что *ядин* сын у отца,
Зовуть Ванюшкаю Пивоварушкаю.
Пивовар вино варила,
Зелено вино курила.
Приулашайтиса дивуньки
На *вечёрку* на мою,
На *моей-то* на *вечёрке*
Мноуо пива и вина,
Мноуо пива и вина,
Мноуо *зеленыва*,
Мноуо *зеленыва*,
Маку *сеяныва*.
Шел *мальщишка* из *уостей*,
Со великих радостей.
С *ноуи* на *ноуу* ступал,
Из ума девку сбивал.
– Скажи, девка, скажи, свет,
Скажи любишь *али* нет.
– Я по истинной по правде,

Всю я правду расскажу,
 Всю я правду расскажу,
 Семерых одна люблю.
 А восьмого потайного,

Самокудривища.

Варианты:

8

Сидит и Дрёма,
 Сидит Дрёмушка на *стулицы*,
 Плетет и Дрёма,
 Плетет Дрёма *шелковой* пояс,
 Не *столь* плетет,
 Не *столь* плетет, *сколь* дремлет.
Полыно, Дрёма,
 Полно, Дрёмушка, *дремати*.
 Время Дрёме,
 Время Дрёме *уоставати*.
 Лови, Дрёма,
 Лови, Дрёма, кого любишь.
 Сажай, Дрёма,
 Сажай, Дрёма, на колени.
 Цалуй, Дрёма,
 Цалуй, Дрёма, раз *пятнаццать*.

♩ = 60

Си - ди - - - - т Дре - ма

Си - дит дре - муш - ка на сту... у - ли - цы.

9

*Нажимает, набирает ком белыва снеу,
Он кидает, бросает во заднюю стену,
Он кидает, бросает во заднюю стену,
Что во заднюю стену, во кутня окошко,
Что во кутня окошко к девкам на колени.
Шо тебе, кудреватый, мне теперь не время,
Мне теперища не время – во тятеньки уости.
Что во тятеньки уости, во мамыньки мысли.
У мене пи у молоденьки сизенькй голубщик.
Уолубушка сурковала семь раз селовала*.*

♩ = 88

1. На - жи - ма - еть, на - би - ра - еть ком бе - лы - ва

сне(е) - - - гу он ки - да - - ить, - бро - са - ить

во зад - ню - ю сте - ну. 2. Он ки - да - - -

ить, - бро - са - ить во зад - ню - ю сте - ну, что во зад -

ню - ю сте - ну во кут - ня о - кош - ко

Варианты зачинов:

3. Что во зад - - - ню - ю сте - ну

19

4. Что во кут - - - ня о - кош - ко

* Каждая строка повторяется дважды.

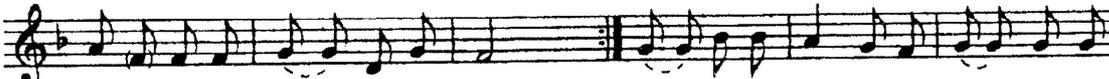
10

Зайка по горенке бегом, бегом, бегом,
 Серенький по горенке бегом, бегом, бегом.
Некуда зайке выскоцита,
Некуда серому выпрыгнути.
 Семеро ворот, все *призаперши* стоят.
 Золоты ключи за собою несли.
 Зайка, отворяй ворота,
 Красная девиса, салуй молодца.

♩ = 150

За-инь-ка по го-рен-ке бе - гом, бе-гом, бе - гом. Се-рень-кий по
 Не - ку - ды

го-рен-ке бе - гом, бе-гом, бе - гом. Не ку-ды се - ры-му вы - прыг-ну-
 за - инь-ке выс - ко - ши - ти. Се-ме-ро во - рот все при - за-пер-ши сто-

ти. Зо-ло-ты клю-ши за со - бо - ю нес - ли.
 ят.

За - инь - ка, от - во - ряй во - ро - та.
 Крас - ны - я де - ви - са, са - луй мо - лод - ца.

11

Зайка серенький,
 Глаз веселенький.
 Зайка в сторону *скоцил*,
Щаю-кофию купил.
 А в другую,
 Там река глубока, 2р.
Рещка Киневья,
 Река *рябинывыя*.
 А где рябинушка стояла
 Среди кружка. 2р.
 И ну, поцелуй, дружка.

12

В тёмным лесе,	4 р.
Распашу-ль я,	4 р.
<i>Пашенькю, пашенькю.</i>	
Посею-ль я,	4 р.
<i>Лён и конопей, лён и конопей.</i>	
Уродися,	4 р.
<i>Лён и конопей, лён и конопей.</i>	
Тонок, долоу,	4 р.
<i>Белай волокней.</i>	2 р.
<i>Повадилси,</i>	4 р.
Ворон-воробей	2 р.
<i>В мою конопелькю, в мою зелёнуя.</i>	
<i>В мою конопелькю, в мою зелёнуя.</i>	
Клевати	2 р.
Уж я его	4 р.
Я его изловлю	2 р.
Крылья-перья	4 р.
Я в ём обшиплю.	2 р.
<i>Он не станеть, перестанеть,</i>	
<i>Он не будеть, позабудеть</i>	
<i>Клевати.</i>	2 р.
<i>Он не станеть, он не будеть,</i>	
<i>Позабудеть</i>	
<i>Летати.</i>	2 р.

13

Стелила *постелюшку*, перину *пухову*,
Пуховы подушки *перетрёсывала*.
Сама с милым *разуоваривала*.
Завтра в *городе жулянье будить*,
Мой ведь миленький *жулять пойдёт*,
Меня, девицу, с собой *возьмет*,
Три раз *поцелуит* и назад *пойдёт*.

Казачьи станицы

14

Да не сказать ли, братцы, да
Как я здесь живал.
Как я, как я, да как я здесь живал.
Как я здесь живал да
По роще гулял.
По роще, по роще, да по роще гулял.

По роще гулял
Да березки ломал.
Березки, березки, да березки ломал.

Березки ломал
Да метелки вязал.
Метелки, метелки, да метелки вязал.

Метелки вязал да
На возочек клал.
На возочек, на возочек, на возочек клал.

На возочек клал да
Буланку *прягал*.
Буланку-Савраску, да Буланку *прягал*.

Буланку *прягал* да
В Москву отправлял.
В Москву, в Москву, в Москву отправлял.

Случилось ехать
Вечерней порой.
Вечерней, счастливой, вечерней порой.

Увидел я *девык*
Прелестных собой.
Прелестных, хороших, прелестных собой.

Сидят под окном
Да играют цветком,
Играют, балуют, забавляются.

Подъехал метельщик,
За рученьку брал.
За праву, за леву, за рученьку брал.

За рученьку брал
Да любовь объявлял.
Любовь, любовь, любовь объявлял.

♩ 59

Не ска-зать ли, бра-цы, да как я здесь жи-вал, не ска-зать ли, бра - цы, да
как я здесь жи вал, как я как я, как я здесь жи - вал.

15

Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
– А кто у нас умен,
Кто у нас разумен?
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
– А Юрий умен,
Иваныч разумен.

Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
В зеркальце глядится,
Сам себе дивится.

Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
По горенке ходит,
Важно выступает.

Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
Важно выступает,
Сапог не ломает.

Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
Сапог не ломает,
Девочек выбирает.

Розан, мой розан,
Виноград зеленый.
Девочек выбирает,
Плясать приглашает.
Розан, мой розан,
Виноград зеленый.

16

Калина с *малиною*,
В саду расцвела.
Ой не за ровню *мамынька*
Взамуж отдала.
Сержусь я на *мамыньку*,
Три года *не* йду.
Ой, на *четверто* летечко
Пташкой прилечу.
Сяду я на веточку,
Соловьем спою.
Ой, в эту пору-времечко
Мама не спала.
Ходила по горенке,
Деток будила.
Ой, вставайте, детушки,
Слушать соловья.

Чей это *соловушка*
Жалыбно поёт.
 Не моя ли доченька
 Горьки слезы льёт.
 Не моя ли доченька
 Горьки слезы льёт.
 Ой, что же она, милая,
 В хату не идёт.

Ка - ли-на с ма - ли - на - ю все - ду расц - ве - ла, ой не за
 ров - ню ма - - - мынь - ка в за - муж от - да-ла.

17

Не сидеть девки пришли,
 Да не сидеть девки пришли,
 Да не беседовать, не беседовать.
 Танцевать девки пришли,
 Танцевать девки пришли.
 Да потанцуемте, да потанцуемте.
 Ни тогда нам танцевать,
 Ни тогда нам танцевать, когда замуж отдавать.
 Не ровня будет *замужня*,
 Не ровня будет *замужня*,
 Будет старый муж, будет старый муж.
 Я старого не люблю,
 Да я старого не люблю,
 Да по *чисту* полю вожу,
 Да по *чисту* полю вожу.
 По *чисту* полю вожу
 Да я осокою кормлю,
 Водой болотною пою.
 Я свою ровню люблю,
 Да я свою ровню люблю.
 Да по горенке проведу,
 По горенке проведу
 По горенке проведу,
 Да по горенке проведу

Да чаем-кофе напою,
Чаем-кофе напою,
Чаем-кофе напою.
Да чаем кофе напою,
Да на постельку положу.
На постельку положу.
На постельку положу,
На постельку положу,
А сама плясать пойду,
А сама плясать пойду.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Александрова М.В., 1937 г.р., с/з Черемных И.Ю., 1993 г., В. Авзян, а/з к. Т 3, обработали Серов А.Г., Дерябина Е.Б., Моисеева С.А.
2. Беззубова Валентина Сергеевна, 1926 г.р., урожд. д. Митязи, в Инзере с 1927 г., обр. 4 кл., ЭК-19, 2000 г., п. 2, л. 9, записала Моисеева С.А., в/з к. 15, обработала Дерябина Е.Б.
3. Бешкорева Анна Григорьевна, 1919 г.р., урожд. с. Узьян, обр. 1 кл., ЭК-5, 1994 г., п. 8, л. 2, записала Андрианова О., а/з к. I, обработала Моисеева С.А. Текст сопровождается игрой.
4. Казармщикова А.Д., 1900 г.р., из фондов Сенкевича В.А., запись 1969 г., Н.Авзян., а/з к. Т 3, обработали Серов А. Г., Моисеева С.А., Дерябина Е.Б. Текст сопровождается игрой.
5. Казармщикова А.Д., 1900 г.р., из фондов Сенкевича В.А., запись 1969 г., Н.Авзян., а/з к. Т 3, обработали Серов А.Г., Моисеева С.А., Дерябина Е.Б. Текст сопровождается игрой.
6. Кожевникова Анна Кузьминична, 1913 г.р., урожд. п. Тирлян, обр. нет. ЭК-21, 2000 г., а/з к. 2, обработала Моисеева С.А. Текст сопровождается игрой.
7. Бешкорева Анна Григорьевна, 1919 г.р., урожд. с. Узьян, обр. 1 кл., ЭК-5, 1994 г., а/з к. I, обработали Дерябина Е.Б., Моисеева С.А. Текст сопровождается игрой.
8. Александрова М.В., с/з Черемных И.Ю., 1993 г., Н.Авзян, а/з к. Т 3, обработали Дерябина Е.Б., Моисеева С.А. Текст сопровождается игрой.
9. Селиванова А.Ф., из фондов Сенкевича В.А., запись 1969 г., Н.Авзян., а/з к. Т 3, обработали Серов А.Г., Моисеева С.А., Дерябина Е.Б. Текст сопровождается игрой.
10. Казармщикова А.Д., 1900 г.р., из фондов Сенкевича В.А., запись 1969 г., Н.Авзян., а/з к. Т 3, обработали Серов А.Г., Моисеева С.А., Дерябина Е.Б. Текст сопровождается игрой.
11. Казармщикова А.Д., 1900 г.р., из фондов Сенкевича В.А., запись 1969 г., Н.Авзян., а/з к. Т 3, (проговаривает текст), обработали Серов А.Г., Моисеева С.А., Дерябина Е.Б. Текст сопровождается игрой.
12. Исаева Феодосья Захаровна, 1921 г.р., урожд. с. Н.Авзян, ЭК-25, 2002 г., в/з к. 21, обработала Моисеева С.А.
13. Андриянова Александра Семеновна, 1930 г.р., урожд. с. Н. Авзян, в Каге с 1944 г., обр. 9 кл., Осипова Мария Владимировна, 1928 г.р., урожд. с. Кага, обр. 5 кл. ЭК-23, 2001 г., п. 1., л. 41, записала Осипова И., в/з к. 9. Текст сопровождается игрой.
14. Сурменёва Анна Петровна, 1923 г.р., урожд. п. Арси, обр. 2 кл. Воробьева Анна Афанасьевна, 1909 г.р., урожд. п. Арси, обр. нет. Коваль Валентина Егоровна, 1927 г. р., урожд. п. Арси, обр. ср. спец., Кузьмина Татьяна Ильинична, 1914 г.р., урожд. п. Арси, обр. нет. Докшина Анна Дмитриевна, 1925 г.р., урожд. п. Арси, обр. 3 кл. ЭК-22, 2000 г., п. 3, л. 7, а/з к. 2-Казачи, обработала Чеканова И., в/з к. 15, обработала Дерябина Е.Б.
15. Сурменёва Анна Петровна, 1923 г.р., урожд. п. Арси, обр. 2 кл. Воробьева Анна Афанасьевна, 1909 г.р., урожд. п. Арси, обр. нет. Коваль Валентина Егоровна, 1927 г. р., урожд. п. Арси, обр. ср. спец., Кузьмина Татьяна Ильинична, 1914 г.р., урожд. п. Арси, обр. нет. Докшина Анна Дмитриевна, 1925 г.р., урожд. п. Арси, обр. 3 кл. ЭК-22,

2000 г., п. 2, л. 9, а/з к. 2-Казаки, обработала Чеканова И., в/з к. 15, обработала Дерябина Е.Б. Текст сопровождается игрой.

16. Сурменёва Анна Петровна, 1923 г.р., урожд. п. Арси, обр. 2 кл. Воробьева Анна Афанасьевна, 1909 г.р., урожд. п. Арси, обр. нет. Коваль Валентина Егоровна, 1927 г. р., урожд. п. Арси, ср. спец. обр. Кузьмина Татьяна Ильинична, 1914 г.р., урожд. п. Арси, обр. нет. Докшина Анна Дмитриевна, 1925 г.р., урожд. п. Арси, обр. 3 кл. ЭК-22, 2000 г., а/з к. 2-Казаки, обработала Чеканова И., в/з к. 15, обработала Дерябина Е.Б.

17. Коваль Валентина Егоровна, 1927 г.р., урожд. п. Арси, обр. сред. спец. ЭК-22, 2000 г., п. 3, л. 12-13, а/з к.2, обработала Чеканова И., в/з к.15, обработала Дерябина Е.Б.

Динамика поведения молодежи в весеннем календарно-обрядовом фольклоре русских Башкортостана (на материале экспедиций ЛНК МаГУ в горнозаводские села Белорецкого района)*

Молодежь в предбрачный период находилась в особом – переходном состоянии, полный цикл которого, как отмечает Т.А. Бернштам, она проживала в течение календарного года и воспроизводила ежегодно до вступления в брак. Распределение и особенности молодежных сборищ и гуляний было обусловлено делением традиционного народного календаря на два периода: весенне-летний и осенне-зимний.

Объектом нашего интереса стали весенние развлечения, посредством которых молодежь обретала статус брачного возраста.

Так в ранневесенний период для девушек 16-19 лет значимы были выходы с пением на улицу без участия парней. «Как тепло стает: юбки с уборками, запоны, кохты расшитые, ленды и идем по главной улице до базару и обратно, а все смотрят на нас» (Калашникова А.А., 1910 г.р., В. Авзян)¹. В 30-е гг. XX в. такие «хождения» девушек в Верхнем и Нижнем Авзяне сопровождалась песней-игрой «Репей». Причем, О.И. Беляева (1913 г.р.) отмечает, что песня эта ««девичья» – ее пели только девки», что могло символизировать непокорность девичьей души в данный возрастной период. Другие воспоминания позволяют предположить, что игровая песня «Репей» в середине XX в. являлась заключительным весенним церемониальным шествием, маркирующим окончательный переход девушек 16-19 лет в старшую возрастную группу совершеннолетних, готовых к браку. Поскольку эти шествия выполнялись «парами» в смешанном коллективе и проходили от кладбища до реки, то есть начало шествия организовывалось вблизи сакрального места села – кладбища, что могло символизировать начало годового цикла девичьего совершеннолетия, и заканчивались, как правило, у реки. В.Г. Балушок отмечал, что в древнюю эпоху у славян «в ходе брачных ритуалов совершались обрядовые действия у реки, она служила символическим рубежом перехода молодых людей в другой статус, в частности, перехода из добрачного состояния в брачное»². Закреплялось это ритуальное шествие поцелуем.

Ранневесенние церемониальные шествия девушек по центральным улицам села являлись своего рода смотром «новых девичьих кадров». Посредством этих шествий 16-19-летние девушки старались показать себя и добиться расположения парней, «чтоб парни липли, как репей».

Зафиксированная экспедициями конца 90-х гг. XX в. информация в селах Нижний Авзян, Верхний Авзян, Узьян отмечает обычай смотра и выбора невест родителями

* Работа впервые опубликована в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры» (2009. №1. С.485-492).

для своих сыновей во время празднования Красной горки. «Кашели были на Пасху усю неделю до Красной горки. На кашели все ходили. ... Пришли туды на кашели. Вот одна девушка....А жарко, Пасха поздняя была, вот так как щас жарко. Вот она пришла у пуховой шале. А я стою да говорю: «успыди, щё ж она ещё тулуп не одела?» А мне их девки-та, лоуиновские, говорят: «Дык тута её мать и отец, и вон эти Платоновы-то невесту вубирають». «А вот щас улядят, вот Максимова у его была ухажерка, у щём она подвязана. Энта у полушалощке, а ета у пуховой шале – Настька Армизонова». Во! А их толька ущерась приехали с Баймаку, привезли ей шаль пуховую. А нонше она подвязала... Ну, и вот выбрыл. Ему-то её не надо, ему-то надо, он знакомилси с Максимовой с Анюшкой, а они выбрыли у пуховой шале и узяли. Вот ета на Красную горку на кашелях-та невест себе и приулядывали»³.

Таким образом, если смотри «новых девичьих кадров» в ранневесенний период происходили посредством церемониальных шествий по центральным улицам, цель которых – продемонстрировать свободных девушек парням, то средневесенние смотри – это «стояние» девушек вблизи сакральных мест села – у кладбища, на возвышенностях, на концах деревни. В данном случае выбор делали не парни, а их родители.

Информация о хождении в этот день молодежи на кладбище, на гору и слушание девушками земли, зафиксированная в 1999 г. в Каге, указывает, на наш взгляд, на остатки архаического ритуала, посредством которого девушки брачного возраста обращались за поддержкой к плодотворной силе предков. Гора в народной традиции – один из основных элементов переправы в «вечный мир». «Я все себе смерти прошу. Я бы сходила за смертью на гору» (С.Л. Сальникова, 1918 г.р., Н. Авзян). А. Терещенко отмечал, что «у всех народов были священные горы, горки и крутицы. Там стояли истуканы, горели огни для жертвоприношений и совершались разные священные обряды и моления»⁴. Поэтому, думается, не случайным выбор горок и возвышенностей для девичьих хороводов и гуляний. В Нижнем Авзяне нами зафиксирован ритуал «прощания с горушкой», который символизировал прощание со светом. «Поляшка у нас тут есть. Мы молоды всеуда туды ходили. Вот я у прошлом уде лезла на её, прощаться хотела, говорю: «Поляшешка, прощай. Я больше не приду на тебе. Ты нас всеуда примала, прощай». А мама вот моя ходила перед смертью тоже прощаться. Говорит: «Я нонче помирать буду». Потом говорит: «Я пошла с белым светом прощаться. Спасибо, матушка красно солнышко, погрело ты мене. Спасибо тебе, батюшко месяц, посвятил ты мне до гроба жизни. Спасибо, белый свет пожила я до гроба жизни, прощай. Выйдет на улицу, поклонится на щетыре стороны. Говорить: «Прощай, белый свет. Прощай, ветерошек. Прощай лесошек»»⁵. Итак, судьба женщины была неразрывно связана с «судьбой горы». С горы начинался матримониальный цикл женщины, на горе заканчивалась ее ритуальная жизнь. Все это свидетельствует о том, что гора в региональной традиции до середины XX в. являлась сакральным местом. Именно поэтому на Красную горку молодые девушки собирались на горах или возвышенностях. «Красную горку справляли, бывало, у кого были молоджайки – девки на выданье. Землю на Красную горку слушать ходили, вот на гору подымутся, что у городка [кладбище], с умершими говорили. Кто пойдеть поплащеть, хто помолится, хто поклонется, хто ще»⁶. Таким образом, хождение девушек в предбрачный

период во время празднования Красной горки на кладбище и возвышенности символизировало наступление самого сакрального периода ее социального взросления и маркировало непосредственную ее близость к миру «чужих», «потусторонних» сил.

Значимым фрагментом весенне-календарной обрядности являются ритуалы и магические действия, исполняемые девушками с целью ускорения приближения замужества. «В пятницу на Пасху, если на дощу мужики не глядят. Девка должна взять белаю сорожку, курино яйцо в леваю руку и бежать в баню купаться. Разденься, войди в воду, нырни три раза, скажи потайное слово без передыху: «Христосе воскресе, а ко мне женихи». Кинь яйцо в воду, беги не оглядывайся. Одевайся, говори второй раз: «Христосе воскресе, а ко мне женихи». Сорожку завяжи узлом три раза. Опять: «Христосе воскресе, а ко мне женихи». Сорожку должна выстирать мать, развязать по узлу и говорить: «Христосе воскресе, а в наш дом женихи». Три дня сорожка должна сохнуть в доме, а потом спрятать. Долго ждать не придется» (Аверьянова Е.П., 1918 г.р., Кага).

Особой формой социализации молодежи, по замечанию Т.А. Агапкиной, были хороводные игры, имеющие структуру переходного обряда. В региональной традиции в период от Красной горки до Троицы были известны девичьи хороводы с весьма скромным участием парней. В таких хороводах исполнялись песни «Уж мы сеяли ленок», «А мы просо сеяли». Песни эти в контексте весенних хороводов вспоминаются единичными информантами, рожденными до 1915 года. К середине XX в. текст песни «А мы просо сеяли» стал составлять контаминированный вариант с текстом «Бояре» и исполняться на свадебном пире, хотя характер исполнения (с притопыванием и приплясыванием) оставался прежним. В этом же ряду чисто девичьих хороводов разыгрывалась песня «В темном лесе».

Все эти песни объединяет общий мотив сеяния и роста льна, конопли, проса. В растительной символике эти культуры олицетворяют волосы/косу – саму девушку. Т.А. Бернштам указывала на то, что «поскольку на реальном и мифологическом уровнях сеяние – функция мужская, постольку девичье сеяние – особый ритуально – символический акт перехода в группу совершеннолетних, начало обучения и испытаний; групповое обучение – условие успеха переходной науки, долженствующей привести к нормальному, по традиционным меркам, статусу невесты и браку»⁷.

Сближение половозрастных групп парней и девушек происходило посредством игр, в ранне-весенний период носящих «постный» характер, то есть без поцелуев: «Ручеёк», «Третий лишний», «Кондалы», «Роща». «Как тепло стает, мы все в хоровод ходили, вот туды на поляшку. Тода иурали: Мы ходили зелену, / Мы ходили молоду, / Рощ зеленую, / Яблоню садовую.

(А сами собираем шшепошки): / Рощ зеленая, / Она эдакая, всё вот эдакая.

И шшепошки-та эти кидали уверх, и они летять как птички. И опять нащинаем собирать и опять кидать. Это вот у нас иура была самая. Песню пели, не вот что какая ворожба, просто иура. Это вот девщата иурали. Усе ходим, ходим по крууу, собираем шшепошки, круу-та большушший: налеплются друу за дружкой, за руку держимся и шшепошки собираем, и ребята с нами. А ребята еще наберут ды большушших улыбов. Мы-то у крууу полем, а ребята дли крууу. Толька держись. Тоже песню поют ды смеются»⁸. Акционный ряд представленной игры «Роща» позволяет ее вписать в единое семантическое

поле весенне-летних игр имитативно-подражательного характера с символикой выращивания «рощи». По замечанию И.А. Морозова, термин «роща» существовал в качестве возрастной характеристики, и в данном контексте мог символизировать девичью славу и честь⁹.

Пика своего совершеннолетия девушка достигала во время троицких гуляний. Не случайно семантика семицко-троицкого цикла связана с брачно-эротической темой. Т.А. Агапкина отмечала: «Фольклорная эротика троицко-купальского цикла вписывается в широкий календарный контекст поздневесеннего времени и формирует одну из мифопоэтических доминант троицко-купальского цикла – матримониально-эротическую»¹⁰. Брачно-эротическая тема в фольклоре и ритуалах троицкого цикла нашла свое отражение прежде всего в мотиве «завивания» и «развивания». Практически во всех селах Белорецкого района до середины XX в. бытовала традиция завивания венков в субботу перед Троицей или в первый день Троицы для умерших родственников, после Троицы – во вторник, в регионе известный как «девичья сипенька», девушки обязательно должны были развить эти венки. Локальным проявлением традиции завивания венков для умерших родственников, на наш взгляд, является использование для таких венков крапивы. «В венок цветы впелетают...да крапивицу. Видела один раз венок с крапивой на кладбище»¹¹. На эротическую семантику крапивы указывает в своей работе Т.А. Агапкина¹². Возможно, вплетание в кладбищенский венок крапивы являлось средством любовной магии. Когда девушка, достигшая брачного возраста, обращалась к покровителям своего рода, к предкам (умершим родственникам) с тем, чтобы они ей оказали магическую помощь в развитии любовных отношений и заключении брака. Средством любовной магии может расцениваться и традиция, распространенная главным образом в п. Ломовка, завивания девушками «косняков», длинных полос из травы, которые использовались здесь как обереги. «Пляли косняки мы из подорожника, вот как прямо косу девки себе плятут, так мы и косняки пляли, а потом домой принесешь и вот так у косяка-то на окошке и повесишь» (Зарубина Е. А., 1929 г.р.). Таким образом, на наш взгляд, Т.А. Бернштам правомерно семицко-троицкий ритуал завивания и развивания венков ставит в единый семантический ряд со свадебным ритуалом заплетание и расплетание невестинной косы, отмечая, что «завивание говорило о замкнутости девичьей группы, ее девственности, а развивание символизировало готовность к любовным отношениям»¹³.

Мотив «завивания» и «развивания» отразился в тексте песни «Капустонька», известный в с. Узян. Т.А. Бернштам, анализируя игровой фольклор с точки зрения растительной символики, капусту относит к подгруппе огородных растений, которые «в противоположность садовым символизируют естественное для данного возраста, но не безопасное для девушки состояние любовной страсти, склоняющее ее к своеволию, свободному поведению»¹⁴. Поэтому песня «Капустонька» хорошо вписывается в данный семантический код (как на вербальном, так и на акциональном уровнях), символизирующий готовность девушки к браку. «...Вещёр на капустыньку дождик шёл, / Вещёр на виловую сильной шёл, (а потом завивают круу цельной людей-то и завиваются, а потом...) / Развивайси, капустынька, / (тут уж пляшут, топощут ноуами) / Развивайси, виловая моя. / Ишо как тибе ни витися, / Как виловой ни ломитися. (Тут уж щасто надо) / Вещёр на капустыньку дождик шёл, / Вещёр на виловую сильной шёл»¹⁵.

Традиционны в первый день Троицы в регионе были хождения девушек по улицам села с наряженной яркими лентами веткой березы. «На Троицу матку наряжали, это ветку березовую. Матка должна быть самая лохматая. Наряжали ее всякими тряпошками, лендошками. Ходили одни девки. Матку по переменке девки несли» (Илисева А.Г., 1915 г.р., В. Авзян). Самобытность региональной традиции этих хождений проявилась прежде всего на вербальном уровне. Во-первых, ветку березы – центральную участницу ритуала – в отдельных селах региона называли словом «матка», семантическое ядро которого заключается в идее зрелости и основательности: «матка как источник чему-либо, место рожденья, происхожденья, корень, основа рода, прародительница»¹⁶. Во-вторых, по воспоминаниям отдельных информантов, такие хождения сопровождалась песней «Молодка, молодка, молоденькая... / Не с кем мне молодке ночку ночевать»¹⁷, в середине XX в. активно бытовавшей в структуре свадебного обряда. Финал песни связан с переходом – переправой через реку. В свою очередь хождения с «маткой» заканчивались также у реки актом потопления ветки, вероятно, носившем древнейшие архаические корни, связанные с представлениями о культуре предков, о жертвоприношении богам (предкам). В таких хождениях, по замечаниям информантов, принимали участие девушки, которые готовились в этом сезоне выйти замуж, то есть девушки брачного возраста. Не случайно ветку березы украшали яркими девичьими лентами. Эротическая тема в ритуале, на наш взгляд, может проявляться в семантической близости слова «матка», обозначающего с одной стороны березовую ветку – главный атрибут ритуала, а с другой – «женскую утробу, череву, ту часть, в которой вынашивается детеныш»¹⁸.

Эротический мотив прочитывается и в троицких хороводных играх, зафиксированных нами уже как «воспоминание о традиции» от самых пожилых информантов региона. Многие такие игры к середине XX в. стали составлять игровой комплекс «Венчик», разыгрываемый на свадебной вечерке у невесты. Среди таких игр в Нижнем и Верхнем Авзяне были распространены «Зайньки»¹⁹; в Узяне – «Чижик»²⁰; в Каге – «Стелила постелюшку, перину пухову»²¹. Практически во всех селах активно бытовал текст песни «Венчик»²². В ходе разыгрывания этих игр происходил выбор пары и символическое закрепление этой пары поцелуем.

Обратим внимание на бытовавший до 60-х гг. XX в. в селе Узян текст плясовой песни «Чижик». Учеными этот текст рассматривается в контексте игр с переработанными архаическими мотивами, связанными с инициационно-посвятительными церемониями и обрядами²³. Региональный текст, как и везде, начинается с мотива «кутежа» чижики – воробушка – молодца, что собственно являлось важной чертой поведения неженатых парней. Немаловажно, что региональный текст сохранил и мотив «варения пива/вина»: «...ядин сын у отца, / Зовуть Ванюшкаю Пивоварушкаю. / Пивовар вино варила, / Зелено вино курила».²⁴ Пиво (вино) исследователями фольклора трактуется как ритуальный напиток, а «варение пива» - как один из самых устойчивых брачных мотивов²⁵. По мысли И. А. Морозова, мотив «хмеля», «парня – гуляки и кутилы» есть переработка архаического мотива посвящаемого, находящегося в наркотическом трансе, то есть в состоянии временной обрядовой смерти²⁶. В анализируемых ученым текстах о молодце – гуляке встречается мотив «на ученье», «на мученье», трактуемый И. А. Морозовым как трансформированная замена мотива «изоляции в лесной избушке», где собственно и происходили инициационно-посвятительные церемонии. В нашем же тексте сохраняется архаи-

ческий мотив «изоляции в гремучих лесах»: Ох, вы, дети, вы, отцы, / Вы, хулиуаны-молодцы. / Где вы жили, во полях, / Во үремущих лесах²⁷.

Фрагментарно текст сохранил мотив «больной головы» – выпил рюмку, выпил две, / Зашумело в голове²⁸, – который И. А. Морозовым связывается с мотивом «алкогольного транса и похмелья». В нашем тексте зафиксирован и архаический мотив «сеяния мака». Волосы и головной убор невесты нередко связывается с маком. «Расчесывание волос, сопровождающееся потерей красоты, уподобляется посеву..., невеста и молодая при окруживании сеет свою красоту»²⁹. Таким образом, символику «сеяния мака» можно соотнести с символикой выращивания «девичьей красоты», подготовки к предстоящему браку/свадьбе, но пока «мак зеленый – несозревший, молодой» – ему еще расти, соответственно, девушка «зелена – молода» только готовится вступить в пору совершеннолетия, отсюда и мотив «потайного – восьмого возлюбленного» – «самокудривича»³⁰. Итак, в нашем тексте привлекает внимание концовка с упоминанием кудрей молодца – «мотива, столь характерного для свадебных величаний»³¹. Поэтому не случайно песня «Чижик» в середине XX в. стала исполняться на предсвадебной вечерке.

Наиболее распространенной хороводной игрой в середине XX в. в регионе с явной эротической символикой была песня-игра «Репей». «На Троицу венки завивали. Сэпью идешь, бывало, на пару, одна пара за другой. Много шло ребят и девок. С моуильника до Авзяна шли и пели «Репей». Вот сцепются девка и парень парой, дальше пара, и так много пар друу за дружкой. И вот последняя пара под руки идёт как по ручейку и наперед встает, потом опять друуая пара под руки. Вот так и идём, передвигаемси, народу много и поём: Как по улице репей стелется, расстилается.../ Как по етому репью / Я каталася, валялася. / Мой зитярь, мой репей, / Мой зитярь молодой. / Повалялася по репью, / Прилепился мой репей, / Прилепился мой репей / К девушке молодой. / Мой зитярь, мой репей, / Мой зитярь молодой.

(Эта песня длинная, тут только нащало. Бывало, до конца её допоёшь, снова нащинаешь. Он большой, «Репей» етот. Это старинная песня, от старых людей взялось. Вроде бы дальше такие слова были): Подошёл милый друг, / Обнимал и целовал, / Мой зитярь, мой репей, / Мой зитярь молодой»³².

Эротическая символика, на наш взгляд, прочитывается в мотиве «катания/валяния по репью», который тесно связан с мотивом «кувыркания» подтверждением чего может служить воспоминание Погодиной П.М., 1910 г.р., урожд. Бабаевского р-на, Вологодской области, пересказанное И.А. Морозовым: «Когда ей было еще около десяти-двенадцати лет, отец однажды при всей родне, собравшейся на праздник у них в избе, в самый разгар веселья предложил ей «кувырнуться клиночкой», на что она с готовностью согласилась... Тогда отец ... взял ее одной рукой за щиколотки и приподнял ногами почти к потолку – «а тогда без трусов-то ходили». Вся в слезах под общий хохот она убежала на поветь и сидела там до позднего вечера, пока гости не разошлись»³³. В связи с этим исследователь делает вывод, с которым мы полностью согласны: «Судя по этому рассказу, кувыркание могло быть элементом розыгрыша, подшучивания и включало в себя окрашенные эротически элементы испытания на искушенность»³⁴. Следует обратить внимание и на указанную исследователем близость мотивов «кувыркания/перекидывания» с «окрутничеством» – переменной облика, а для де-

вушки и парня – социального статуса. В современном языке «окрутить парня» – женить его на себе.

Особое внимание обратим на место сбора молодежи обоих полов в момент наступления пика совершеннолетия, то есть, переживавшей состояние переходности из доброго возраста в брачный. Это лес. В.Я. Пропп на материале сказок определил, что именно в лесу находился лагерь возрастной инициации. В.Г. Балушок отмечал: «В лесном лагере иницируемые переживали ритуальную смерть, что являлось главной чертой лиминальной фазы инициации»³⁵. Таким образом, закрепление статуса брачного возраста за девушкой в троицком цикле происходило в регионе в начале XX в. на открытом пространстве в лесу посредством разыгрывания в хороводе поцелуйных песен, в основе которых лежали архаические мотивы инициационно-посвятительного характера, безусловно, к середине XX в. сохранившиеся в трансформированном виде.

В целом, на протяжении весны происходило постепенное вовлечение в девичий хоровод парней, нарастание активной роли которых маркировалось правом выбора пары и позволением поцелуя в конце песни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее цитаты из фондов архива лаборатории народной культуры МаГУ. Орфография в цитатах представлена в соответствии с диалектным произношением.
2. *Балушок В. Г.* Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 93.
3. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры МаГУ. Магнитогорск: МаГУ, 2003. С. 143-144.
4. *Терещенко А.* Быт русского народа. Забавы. Игры. Хороводы. М.: Русская книга, 1999. Ч. IV, V. 225 с.
5. Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры МаГУ. Магнитогорск: МаГУ, 2008. С. 108.
6. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 140.
7. *Бернштам Т. А.* Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб: Наука, 1991. С. 242.
8. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 155.
9. *Морозов И. А.* Женитьба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы/женитьбы». М.: Лабиринт, 1998. С. 31, 45.
10. *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. С. 514.
11. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 188.
12. *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря ... С. 514.
13. *Бернштам Т. А.* Совершеннолетие девушки ... С. 244.
14. Там же. С. 238.
15. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 227.
16. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4: М.: Рус. яз., 1989. Т. I. С. 306.
17. Русские свадебные песни горнозаводских сёл Башкирии: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. Магнитогорск: ПМП МиниТип, 2000. С. 90.
18. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка ... С. 307.
19. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 251.
20. Там же. С. 247.

21. Там же. С. 252.
22. Русские свадебные песни горнозаводских сёл Башкирии... С. 6.
23. *Морозов И. А.* Женитьба добра молодца...С. 183.
24. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 248.
25. *Морозов, И. А.* Женитьба добра молодца...С. 41
26. Там же. С. 241.
27. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 247.
28. Там же. С. 247.
29. *Морозов И. А.* Женитьба добра молодца... С. 307.
30. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 248.
31. *Морозов И. А.* Женитьба добра молодца...С. 89.
32. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала... С. 175.
33. *Морозов, И. А.* Женитьба добра молодца...С. 120.
34. Там же. С. 120.
35. *Балушок В. Г.* Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации...С. 93.

И.А. Филиппова

О некоторых мифопоэтических доминантах весеннего календаря казачьих поселений юга Челябинской области*

Актуальность данной работы определяется необходимостью введения в научный оборот регионального материала. Анализ литературы убеждает в том, что фольклорно-этнографические материалы по народному календарю казаков юга Челябинской области до настоящего времени остаются на периферии научного знания: сведения о календарной обрядности казаков фрагментарно представлены в работах А.И. Лазарева¹, в статье О.Ю. Мальцевой² из весенних праздников казаков освящаются только Масленица, Пасха и Троица.

Разделяя точку зрения Б.Н. Путилова³, мы уверены, что локальный фольклор заслуживает самого пристального внимания. Обращение исследователей к локальному материалу позволяет, с одной стороны, показать включенность материала в общерусскую (шире славянскую) традицию на уровне отдельных тем, идей, мотивов, с другой стороны, локальный материал всегда демонстрирует вариативность традиции. Нами предпринята попытка проследить, как представлены в регионе основные мифопоэтические доминанты весеннего календаря. В статье преимущественно используются полевые материалы, собранные во время фольклорно-этнографических экспедиций в казачьи поселения юга Челябинской области. В настоящее время исследованием охвачены населенные пункты Агаповского, Варненского, Верхнеуральского, Карталинского, Кизильского и Нагайбакского районов, что позволяет репрезентативно представить весенний календарь казаков.

* Работа впервые опубликована в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры» (2009. №1. С.457-463).

В народном календаре весна определяется достаточно широким временным диапазоном, выделяют три весенних цикла: ранневесенний (недели Великого поста, день Сорока мучеников, Благовещение и др.); средневесенний (Пасха, Юрьев день, Никола вешний и др.); поздневесенний (троицко-купальская обрядность)⁴. В традиционной культуре весна считается самым важным календарным периодом: связанные с пробуждением природы изменения основных видов хозяйственной деятельности требовали обеспечения магическими средствами урожая, от которого зависело благополучие семьи, общины.

Т.А. Агапкина в монографии «Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл» определила термин «мифопоэтическая доминанта» как «некую общую тему (содержательное схождение)», которая «пронизывает определенный календарный период, присутствует на всем его протяжении и воплощается во всех его жанровых формах»⁵. В целом, анализируемые полевые материалы по весеннему календарю казаков органично включаются в доминантные темы, названные Т.А. Агапкиной, что обусловлено семантикой календарного времени. В архиве Лаборатории народной культуры МаГУ мы найдем ряд фольклорно-этнографических свидетельств, иллюстрирующих такие темы, как тема перехода, тема очищения, тема пробуждения природы, тема начала и обновления и др. Устойчивость и распространенность свидетельств подобного рода позволяет нам опустить этот полевой материал с тем, чтобы представить в статье яркие локальные традиции.

В изучаемом регионе в обычаях празднования дня Сорока великомучеников (9(22) марта) сопряжено несколько доминантных тем, если в общерусской традиции этот день связан с темой возвращения птиц, то в региональной традиции к указанной теме добавляется тема смены хозяйственной деятельности женщин, тема распознавания доли.

Во всех казачьих поселках до недавнего времени бытовал обычай «кричать жаворонков». Подчеркнем, что в полевых материалах глагол «кричать» в различных его формах встречается чаще всего, другие глаголы («закликали жаворонков», «зазывали весну», «начитывают») используются в единичных случаях. По распространенным приметам, жаворонок весной прилетает первым⁶. Жители верили, что в праздник Сорока святых «птички ваккурат прилетают» (П.Д. Кочкина, 1913 г.р.; Великопетровка)⁷. В этот день женщины пекли печенье в виде птиц с распростертыми крылышками, как бы летящих. Дети выходили на улицу, залезали на «поветь» или на крышу, где подкидывая «жаворонков», зазывали весну: «*Жавороночки, прилетите-ка, // Красну весну принесите-ка, // Нам зима-то надоела, // Весь хлеб приела, // Всю кудель переплела, // Веретенки переломала*» (Е.Д. Таныгина, 1916 г.р.; Краснинский). «*Жаворонки-жавороночки, // Прилетите, // Красно лето принесите. // Нам зима-то надоела, // Много сена переела*» (Е.А.Медведева, 1917 г.р.; Арсинский). К жаворонкам обращаются с просьбой принести весну (лето), поскольку надоевшая зима нанесла значительный ущерб хозяйству человека, при неизменности первой части закличек вторая весьма вариативна: «*нам зима назнобила*», «*весь корм поела*», «*всю скотину заморила*», «*у скотины все сено съела*» и др. Забираясь на крышу, подбрасывая жаворонков вверх, стремились ускорить приход весны, тепла. Иногда жаворонков использовали в гаданиях: «*Пекли жаворонков из теста. Запекали кто че. Если щепка – умрет человек, пуговица – хорошо жить, горох – тоже житье*» (А.П.Сурменева, 1923 г.р., Т.К. Кузьмина, 1914 г.р.; Арсинский).

Завершение цикла прядильных работ в исследуемых селах отмечено появлением ряженого персонажа *кажимотки*, а также вариативными локальными формами. В день Сорока мучеников кажimotoй рядились исключительно женщины, ряженные должны были проверить готовые мотки шерсти, результат зимнего прядения. *«Кажimotoка – работай да пряди к этому дню. Пасмы были, мотали, и на клубки мотали»* (М.Д. Шеметова, 1915 г.р.; Краснинский); *«Спрашивают: «Сколь напряла, сколь за зиму наготовила?!» Летом-то ведь другая работа... Великим постом, всегда Масленицу проведут и до Пасхи моты спрашивают»* (З.Е. Михайлова, 1918 г.р.; Увальский).

Функция ряженого персонажа отражена в словообразовательной модели слова «кажимотка», которое образовано сращением двух основ: «*кажи*» + «*мот*», где “кажи” – повелительная форма слова “казати” – показывать, давать увидеть, рассмотреть что-либо; “мот, моток” – часть пряжи, шелка, смотанная на пятинку или мотовило⁸. Отметим, что шерсть являлась обязательным элементом «костюма» кажimotoки: *«Одевались страшно: шубу овчинную выворачивали. На голову, под шапку, кудельку конопляную одевали»* (А.В. Зайцева, 1930 г.р.; Краснинский); *«Она бойка была, интересна девка. Оденется, че-нибудь на себя намотат и мотушку эту наденет и подкрадется нас поймать»* (К.В. Шеметова, 1916 г.р.; Сухтелинский); *«На шею обязательно надевали мотки из пряденой шерсти или конопли. Маски не одевали, а мазались сажей, некоторые делали из картошки зубы»* (М.А. Шеметова, 1941 г.р.; Краснинский).

Прихода кажimotoки, как правило, ожидали, поскольку о ней рассказывали взрослые, побуждая девочек к прядению, но, несмотря на это приход ряженого сопровождался страхом. *«Кажimotoка бегала и пугала маленьких девочек: «Кажimoto моты! Кажimoto, сколько напряла!»* (З.Д. Сысуева, 1929 г.р.; Краснинский). *«Не покажешь мот – бить будут лентяйку»* (А.В. Черепанова, 1923 г.р.; Краснинский).

Диалог кажimotoки с девочками не ограничивался требованием предъявить моты, кажimotoка хвалила трудолюбивых девочек, а кого-то наказывала: *«Как я помню, нас заставляли с шести-семи лет прядь. Напрядешь – кажimotoка тебя бить не будет. Стращали так. Эти кажimotoки бегали, догоняли нас. Догонит и спросит: «Сколько напряла?» – Тащишь, ей покажешь. Она похвалит. Меня пугала кажimotoка, но у меня была пряжа. Если же пряжи мало, то кажimotoка спрашивает: «Почему?» - «Скажешь, что водилась, мамке помогала»* (А.И. Грудинина, 1910 г.р.; Краснинский). *«Моты спрашивает. А эти моты подвязываются в избе, у печки, вроде как сушат их. А мама говорит: «Нет, она у нас хорошая пряжа, вишь, сколько напряла». Вот она посмотрит, скажет: «Ой, хорошая у вас девочка, много намотала». И отправится с костылем»* (З.Е. Михайлова, 1918 г.р.; Увальский).

Боясь наказания, кажimotoку пытались даже обмануть: *«Кажimotoка придет, я, грешница, залезаю на полати, я ж не умела прядь, а они справляются. Успею – покажу материн (моток). Она похвалит, скажет: «Молодец! Дай бог здоровья, жениха хорошего». А нет: «Да кто ж ты замуж возьмет?! Неумеха!»* (К.А. Кожевникова, 1923 г.р.; Краснинский). *«Кажimotoка поймат кого-нибудь, спрашивает, сколь за зиму напряла. Два-три мотка – мало, а потому ввали, говорили, больше. Боялись их»* (А.С. Арзамасцева, 1937 г.р.; Краснинский).

Появление кажimotoки в весеннем календаре казачьих поселений было сопряжено с обычаем кричать жаворонков, вследствие чего произошло частичное смещение

функций кажимотки. В пос. Арсинский, согласно результатам опроса, функцией «проверки» готовой пряжи наделяются жаворонки: *«Была такая присказка: кажи моты называлась. Кажи моты, а-то жаворонки жопу раскуют. Все так говорили, прясть заставляли»* (А.Д. Докшина, 1925 г.р.); *«Говорили: «Не будешь прясть, тебя никто замуж не возьмет. Ленивая». – Жаворонков кричали. Все говорили: «Не будешь прясть, тебе воробушка жопу раскуют». – А ты: «Жаворонок, не клюй мне жопу, вот я напряла»* (Е.А. Медведева, 1917 г.р.). Отметим, что выявленная тенденция практически заместила обычай ряжения кажимоткой в этом поселке.

Фольклорно-этнографические экспедиции последних лет зафиксировали разное состояние традиции ряжения кажимоткой, установлено, что слово «кажимотка» известно жителям многих населенных пунктов (Верхнеуральск, Карагайский, Спасский, Сыртинка), но развернутые описания ряжения зафиксированы только в пос. Арсинский, Краснинский, Сухтелинский, Увальский. Л.М. Ивлева в работе «Ряженье в русской традиционной культуре» писала о двоякой судьбе ряженья, которое либо «содержательно выдыхалось, превращалось в маскарадную затею», либо «вовсе вытеснялось из быта в область предания»⁹. Обычай ряжения кажимоткой не востребован современной культурой, семейной педагогикой, что предопределено забвением прядения в целом. Слово «кажимотка», оторванное от обряда, до настоящего времени функционирует в диалектной речи, чаще всего, слово используется в следующем контексте: *«Пугали. Щас придет кажимотка и тебя вот. Особенно маленьких детей. Так вот это бабушка у меня говорила. Так-то стращали. Придет кажимотка, заберет, говорили. Страшна она, лохматая. Так вот и пугали. Придет, утащит»* (О.Л. Фокина, 1910 г.р.; Сухтелинский).

Соглашаясь с Л.М. Ивлевой в том, что в играх ряженных «поверхностный пласт соотносится с социальной жизнью, глубинный просвечивает мифологическими значениями»¹⁰, мы определили круг мифологических образов, семантически близких кажимотке. С прядением связаны различные мифологические существа славянского пантеона: баба Рюха, баба Ляга, баба Середя¹¹; Мокошь¹²; Мара¹³. Образ Параскевы Пятницы вбирает в себя черты предшествующих языческих персонажей, неслучайно ее называют «бабьей святой». Известно, что девушки приходили молиться Параскеве, приносили подарки и жертвы (монету, белье и пряжу) и вымаливали для себя женихов («Матушка Парасковья, пошли женишка поскорее!»)¹⁴. Возможно, цель появления кажимотки, генетически связанной с «бабьей святой» Параскевой и другими женскими персонажами можно определить и как заговор судьбы, от обеих зависит удачное/неудачное замужество: *«Она похвалит, скажет: «Молодец! Дай бог здоровья, жениха хорошего». А нет: «Да кто ж ты замуж возьмет?! Неумеха!»* (Краснинский); *«Это чтоб пряла хорошо, а-то замуж не возьмут»* (Арсинский).

Т.А. Агапкина справедливо указывает на то, что каждая календарная тема «варьируется в фольклорно-этнографическом дискурсе»¹⁵. В изучаемом регионе тема завершения прядильных работ представлена в мотивах закличек, в обряде ряжения кажимоткой, в обычае предъявлять пряжу жаворонкам. Кроме выше перечисленного, стоит отметить и редкий в казачьих селах обычай катания с прядкой на Масленицу. *«Масленица идет неделю, в первый и последний день Масленицы, когда катаются, кто кудель прядет, кто ткет»* (А.А. Воробьева, 1909 г.р.; Арсинский); *«В Масленицу ездили на лошадях: кто прядет, кто ткет – человека два-три соединяется. Это было»* (Енборисова

К.М., 1923 г.р.; Арсинский). Мы предполагаем, что этот обычай можно считать своеобразной формой «ритуального изгнания», когда демонстрируется «выпровождение прошедших праздников, календарного сезона и их предметных символов»¹⁶, в нашем случае с проводами зимы провожается и зимний вид деятельности – прядение/ткачество. Фольклористам известны подобные обычаи, М.М. Валенцова указывает на то, что у русских и белорусов в последний день масленицы женщины, «празднуя окончание прядения, катались с ледяной горы на донцах прялок», а у чехов в конце масленицы прялку, украшенную лентами, возили на телеге по селу, а потом «продавали»¹⁷. Запрет ткать весной вызван опасением «заткать», «засновать» летние дожди¹⁸.

Очевидно, что в земледельческом календаре многие ритуальные действия направлены на обеспечение урожая, этот мотив прослеживается как в ранневесенний, так и в поздневесенний период. Южный Урал неслучайно считается зоной рискованного земледелия, получение урожая зависело от многих природно-климатических факторов. Поэтому на Урале, как и во многих других регионах, в поздневесенний период актуальной становится метеорологическая магия. Развитие в регионе получила традиция совершения крестных ходов, что подтверждается архивными материалами XIX века.

О распространенности окказиональных крестных ходов можно судить по сведениям, которые подавали священники в ежегодных отчетах о состоянии церквей и причтов, в отчете был обязательный пункт «о крестных ходах». Например, в отчете 1868 г., находим следующее: «поднимаются святые иконы из храма на поля во время весенних посевов для молебствия об урожае» (Георгиевка); «крестные ходы во время летнего времени бывают по обстоятельствам временно случайным как то бездождия, безведрия, и во время губительного поветрия и смертоносной заразы на скот... благодарственное молебствие совершается в полях при собрании народа и со святыми иконами» (Ташлы); «по случаю сильного градобития» (Репьевка), «по случаю засухи и многодождия» (Верхнеозерный)¹⁹. Благодичный Верхнеуральска отмечал, что в 1891 г. «вследствие засухи и необыкновенного развития вредного для полей насекомого «кобылки» вся местность страдала от страшного голода и скотомора»²⁰.

Традиция совершения молебнов на полях сохранялась и в XX веке: *«Я была там раз только на этой горе на Крупининой... Молиться ходили. Иконушки брали. Вот. Обрато пошли, а – щас не знаю, как зовут, а раньше кобылкой звали. Мелкая кобылка. Хлеб ела. Обрато вернулись, и там отслужили молебен, батюшка был, там ведь недалеко граница, гора-то Карагайская рядом. Поехали посмотреть, где кобылка, саранча, ела – поедены, а свежо – нисколь не было... Марфа Ивановна идет за водой и говорит: «Нюра, како счастье-то у нас!» Говорю: «Че?» - «Кобылка же у нас уничтожилася, исчезла. Кобылки нету, и хлеб заеденный остался»* (А.И. Грудинина, 1910 г.р.; Краснинский).

Становление духовной культуры изучаемого региона неразрывно связано с культом местной Табынской иконы Божьей Матери. Согласно легендам, обретение иконы состоялось в Девятую Пятницу по Пасхе²¹, по этой причине названная дата становится значимой в народном календаре казачьих поселений, обретает собственную семантику, но одновременно с этим вбирает и семантику окказиональных обычаев, связанных с вызыванием дождя.

В современной традиции почитание источников в Девятую Пятницу по Пасхе строго локализовано, расширяя географию работы, укажем некоторые из источников: Святой ключ в Табынском (Гафурийский район Башкирии), ключ на Малиновой горе (русские горнозаводские села Башкирии), родники Подгорья (Владимировка Варненский район), озеро Пустое (Верхнеуральский район). В архиве Лаборатории народной культуры собран значительный материал по празднованию Девятой Пятницы на озере Пустом, которое почитается жителями казачьих поселков как место, отмеченное милостью Табынской Богородицы.

Информанты говорят о чудесном явлении иконы, о помощи Табынской иконы во время засухи, после чего был дан обет – совершать крестный ход к озеру. Связывая паломничество на озеро с именем Табынской иконы, жители в устных рассказах часто указывают на то, что в Девятую Пятницу на Пустом просили дождя: *«Знаю, что молиться ходили, когда дождя не было, засуха. Ходили просили»* (В.Л. Белозерова, 1941 г.р.; Магнитогорск). Для информантов вполне очевидна взаимосвязь соборной молитвы и дождевых осадков: *«Еще оттуда едем или домой приедем – дождь был»* (К.В. Шеметова, 1916 г.р.; Сухтелинский). Непосредственно наблюдая совершение крестного хода вокруг озера, слышишь, что теперь «дождичек польет поля», «уродится овес» и т.п. Фольклорно-этнографические записи последних лет показывают, что для обеспечения благоприятных погодных условий крестного хода на озеро оказывается достаточно, поэтому организация молебна на полях не требуется. Оказиональные крестные ходы вытесняются традицией крестного хода на источники в Девятую Пятницу по Пасхе.

Значимость настоящего исследования определяется введением в научный оборот регионального материала по народному календарю. Очевидно, что представленный фольклорно-этнографический материал соотносится с общерусской традицией, несмотря на своеобразие формы воплощения отдельных тем. Полевые материалы позволяют определить и динамику календарных праздников: в настоящее время обряды и обычаи, связанные с темой завершения прядильных работ, оттесняются в «область предания», но метеорологическая тема по-прежнему востребована народным сознанием.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Лазарев А.И.* Уральские посиделки. Изд. 2-е. Челябинск, 2008; *Глинкин А.В., Лазарев А.И.* Песни оренбургских казаков: Старые и новые записи. Челябинск, 1996.
2. *Мальцева О.Ю.* Оренбургское казачество // Очерки традиционной культуры казачеств России / Под общ.ред Н.И. Бондаря. Краснодар, 2005. С.170-180.
3. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 2003. С.157-160.
4. *Голстая С.М.* Календарь народный // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С.213-214.
5. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С.21.
6. *Гура А.В.* Жаворонок // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С.157.
7. В статье используются следующие фонды архива Лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета: ЭК №12/1998, 1999, 2001 (Краснинский), ЭК №15/1999-2000 (Увальский), ЭК №22/2000-2001, ЭК №32/2005 (Арсинский), ЭК №24/2001 (Великопетровка), ЭК №27/2003 (Сухтелинский).
8. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2. СПб., 1996. С. 73, 351.

9. *Ивлева Л.* Ряженье в русской традиционной культуре. Петербург, 1994. С.9.
10. Там же. С.221.
11. *Терновская О.А., Толстой Н.И.* Баба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.1. М., 1995. С.122-123.
12. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Мокошь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С.301.
13. *Власова М.* Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. С. 235.
14. *Путилов Б.Н.* Древняя Русь в лицах: Боги и люди. СПб., 1999. С.133.
15. *Агапкина Т.А.* Ук.соч. С.21.
16. *Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н.* Изгнание ритуальное // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.2. М., 1999. С.392-393.
17. *Валенцова М.М.* Прялка // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С.394.
18. *Валенцова М.М.* Ткачество // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. С.460.
19. ГУ ГАОО, Ф.173, Оп.5, Д.10549, Л.107, 171, 172 об., 280.
20. ГУ ГАОО, Ф.173, Оп.3, Д.5262, Л.217.
21. *Модестов Н.* Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божией Матери и крестный ход из села Табынского в Оренбург и другие места Оренбургской епархии. Историко-археологический очерк. Составил действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии священник Н. Модестов (Репринтное издание 1914 года). Оренбург, 2001.

И.В. Лосева

Обещанный день в селе Кага Белорецкого района Башкортостана по материалам полевых исследований*

Экспедиционные исследования Лаборатории народной культуры МаГУ (1991-2008) в русских селах Белорецкого района Башкортостана зафиксировали любопытный материал о местных узколокальных датах – праздниках, известных и отмечаемых на протяжении всей истории сел в пределах конкретной местности.

В изучаемом регионе специфические местные праздники представлены в первую очередь обетными днями, связанными с важными событиями в истории сел и историей края в целом, и церковными датами – престольными днями, в которых естественным образом нашла отражение история образования церквей, храмов, молельных домов на данной территории.

Отдельная группа праздников, которые отмечаются и с особым уважением почитаются жителями русских сел Белорецкого района на протяжении двух с половиной столетий, – обетные дни. «Обетные праздники (другие названия – заветные, богомольные, молебствие, мольба, канун, оброчные или обещанные дни) были весьма разнородными по происхождению, времени учреждения и степени стабильности»¹.

* Работа впервые опубликована в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры» (2009. №1. С.479-484).

В отличие от престольных, обетные праздники устанавливались самими жителями сел по какому-либо обету – обещанию по религиозным соображениям. Причиной для возникновения такого праздника служило избавление жителей того или иного села или группы деревень от какого-либо стихийного бедствия, мора людей и скота и других несчастий, принесших людям и их хозяйству большой урон. Сам праздник рассматривался своего рода формой благодарности Богу, Божьей Матери, святым угодникам за спасение от страшной беды. Обетные праздники устанавливались также по случаю «явления иконы», т. е. неожиданному для всех появлению иконы в колодце, у ручья, на дереве и т. д., которое также рассматривалось как Божья воля, милость, добрый знак и требовала ответной благодарности.

В нашем регионе такие праздники носят название обещанных дней. Это узколокальный праздник, отмечаемый жителями строго ограниченной территории (в данном случае, одного конкретного села). Обетный день, как правило, был «в числе», то есть отмечался каждый год строго в один и тот же день календаря. Жители села готовились к таким дням: проводили уборку в доме, на кладбище, готовили специальную еду для стола и для кладбища на вынос. В такие дни строго запрещалось работать, потому всю важную работу старались выполнить заранее, до обещанного дня. Очевидно, что подобный обряд позволял регулировать сбои в ритме социальной жизни коллектива. Обряды по обету воспроизводились «ежегодно в память избавления от несчастья, и, таким образом, переходили на высший уровень – включались в число календарных ритуалов»².

История возникновения таких дней передается жителями села из поколения в поколение. Известно, что «одним из основных поводов для возникновения обетных праздников служило избавление жителей той или иной территории от постигшего их стихийного бедствия..., мора (эпидемии), падежа скота и других несчастий благодаря «заступничеству» святых, к которым они обратились с просьбой о помощи и которые с тех пор являются их покровителями»³.

В 60-х гг. XX в. в процессе диалектологической экспедиции в русские села Белорецкого района В.А. Сенкевичем был зафиксирован рассказ урожденного села Кага Ивана Васильевича Чернаткина, 1898 года рождения: «Обещанье 8 августа⁴ празднують⁵. Да, с 50-го года нашим населением празднуется праздник. Была раньше какая-то эпидемия, болел народ и умирал. По 12-13 гробов в день носили на кладбище, даже больше. А в *этот* день, 8 августа, ни одного гроба. Люди собрались, было молебствие, отслужили и дали, это, клятву, что вечно будем праздновать этот день. И вот с 1850-го года (мой отец родился в *этот* год) празднуется он всегда у нас. И вот в часовню раньше бывало *придуть*, а *отслужать* тут, у церкви. *Пойдут* на кладбище, там тоже часовня была, там бывало *служать* со священником. Обещали службу ту в этих случаях... Судороги, рвота, вот какая болезнь» (Чернаткин И.В., 1963 г. р., Кага)⁶.

Этот памятный день в изучаемом регионе в настоящее время активно бытует в селе Кага. Обещанный праздник отмечается жителями села ежегодно 21 августа.

Региональные информанты активно передают воспоминания своих родителей и старейших жителей села об этом дне. В своих рассказах большинство кагинцев связывают данный праздник со святым источником близ села, называемым Сажилка⁷. История и время его возникновения точно неизвестны. Появление этого ключа люди объясняют явлением святого (либо иконы) на этом месте, а также обещанием найти спасительную

жили во время мора: «В Сажилке священная вода, прямо из горы *бьет*. *Говорять*, что люди умирали, *ужас* что было. Обещали жилу найти, лишь бы не умирали. Так ходили, ногой жилу *шупали*, воду нашли, богом место *отмещено*. А искали, чтоб люди не умирали. А то сколько гробов уносили» (Кузнецова Т.Н., 1929 г. р., Кага). Пелагея Кузьмовна Быкова так рассказывает об этом источнике: «Сажилка – *колодиш*к такой в *щасовенке*, под низинкой он находится. А было дело так. Пошли *девчата* за водой, а там икона Божьей Матери – они ведра бросили и побежали за старшими и за священником. Стал он святить это место, молитвы *щитать* – струйка воды то покажется, то *исчезнет*. И поняли тогда люди, что это место Богом *отмещено*. И стали на Девятую пятницу весной на Сажилку с иконами ходить» (Быкова П.К., 1912 г. р., Кага). Урожденная Каги Наталья Михайловна Логинова вспоминает рассказ своего деда, Ивана Васильевича Чернаткина: «Про Сажилку говорили, что святой на том месте выходил. И *щас*, и раньше там иконы стояли, люди приносили *навроде*» (Логинова Н.М., 1924 г. р., Кага). Согласно полевым источникам, именно Сажилка спасла жителей Кагинского завода во второй половине XIX в. от вымирания, поскольку этот ключ был единственным незараженным источником воды во время мора.

Нападение страшной болезни на село (в рассказах и информантов - мор, холера, эпидемия, напасть) жители объясняют в двух ключах. Одни приводят рассказы о том, что причиной болезни стал попавший в немилость к людям старик-колдун (местный или наоборот, пришелец), другие объясняют это Божьей волей, своеобразным испытанием и наказанием за грехи. Анастасия Петровна Оглобличева так рассказывает об этом: «А про Обещанный день вот как отец рассказывал. Холера была, эпидемия, ну это еще до пожара 1911-го года было. Ну что, каждый день по 5-6 гробов сразу было. И тут при входе на кладбище бугрина была, могила общая. Не успевали хоронить людей и всех в общую яму клали. Ну потом, *дескать*, колдун прошел, его на Белой поймали и убили, а в голову воткнули осиноый кол. Люди дали обещание не работать в этот день молиться, так как после смерти колдуна никто больше не умер. Этот день – 21 августа – есть только в Каге. Раньше вера была, греха боялись, а теперь ничего никто не боится» (Оглобличева А.П., 1920 г. р., Кага).

По рассказам информантов, чтобы уберечься от заразной болезни тело человека смазывали дегтем. Лечили больных травами, дрожжами, против судороги использовали лед или наоборот горячие компрессы. Татьяна Дмитриевна Королева вспоминает: «Мой дед *богащ* был, работников держал. Поехал он на рудник, а бабка ему *говорить*: «Варней, гоняй быстрее, а то судорога!». *Пошти* что пословица это было в то время. Намазала его *щистым* дегтем, поехал он. И *щас* ведь тут смеются над *этими* словами, а ведь тогда не до смеха было. Он не доехал до покоса, захворал *ентой* холерой. Отхаживали, натирали дрожжами, только *этим* спасались. Говорили, что судорогой *стягивало* все тело. До Пашки Колесниковой (это граница между Центром и Устьем-Кагой⁸) болезнь дошла и дали обещание, если мол *этого* *щисла* (21 августа) прекратится болезнь – *будут* люди праздновать, поминать *огурсами* и *костеникою*. Ну и успокоилась холера. Бабку Анисиху, говорили, *отходили* льдом. Она просили, мол, дайте лед – ну давали ей лед, отошла от судороги. Он, *ентот* праздник, нигде не празднуется, только у нас, у Каге» (Королева Т.Д., 1930 г. р., Кага).

Вспоминая рассказы своей матери, Лаврухиной Домны Григорьевны, Анна Никитична Абакумова рассказывает, что на крестный ход в день избавления от смертельной болезни вышли все жители села вместе с домашним скотом: «Вот *иде* старый сельсовет раньше был, там батюшка был. Собрался народ, скотину приводили туда. Батюшка молитвы *щитал*, лампадкой освещал, скотину вокруг за ним несколько раз люди обводили. Рассказывали, скотина ревела-то, *прям* мурашки *мене*. И люди ревели, и скотина *ещо пуше*. Потом остановилась *щума-то*, не стали помирать. До сих пор на Обещанный молиться *ходють* на родник и на кладбище» (Абакумова А.Н., 1925 г. р., Кага).

В воспоминаниях известного уфимского врача Дмитрия Ивановича Татарина, сына одного из управляющих Кагинским заводом второй половины XIX в., встречается упоминание о памятном дне в селе Кага, который ежегодно отмечался местными жителями: «Каждый год, обычно в конце августа, в церкви устраивался большой торжественный молебен, на который приходило много народу, затем крестный ход шел за пруд к горе, из-под которой бил холодный кристаллический родник. Под ним была построена часовня с темными, старообрядческими иконами. Это место почему-то называли «сажелкой»⁹. Очевидно, что речь здесь идет об Обещанном дне. Татарин рассказывает, что он проходил в Каге очень торжественно: центральным моментом празднования было организованное жителями шествие с иконами, сопровождающееся пением, а также богослужение в местной церкви, на которое собирались даже «самые древние старухи и старики, калеки»¹⁰. В рассказе о своем детстве на Кагинском заводе Дмитрий Иванович вспоминает старуху-староверку Феодосью, про которую говорили, что ей около ста лет. От нее Дмитрий Татарин слышал множество рассказов о прошлом села, о бывших владельцах завода – Демидовых. Рассказывала она и о страшной болезни - холере, которая напала на село, о том, как вылечила многих травами, уберегла себя от этого мора: «И мрут, и мрут, – в каждом доме по несколько упокойников; много изб совсем досками забрили – все перемерли. Я много народу выходила своими травами, растирала, горячими бутылками обкладывала, – ну и страсть была, а сама не захворала. Народ, дурак, спервачка меня боялся, бают шабры, ведьма... И был у нас в Каге праведный батюшка, отец Сергей. Собрал он нас всех в церковь, отслужили молебен и говорит: «Пойдемте, православные, с крестным ходом к ключу, который выходит из-под горы у пруд, освятим воду и будем пить только ее. Пошел весь завод – и стар, и млад, пожалел Господь православных и снял мор»¹¹. Остается неизвестным, была ли на самом деле Сажилка изначально староверческой святыней, поскольку вполне очевидно, что официальной церковью она признавалась. Кроме отдельных упоминаний и полевых записей экспедиционных исследований ЛНК МаГУ, практически нет никаких фактических данных о староверах на Южном Урале и конкретных научных исследований по данной проблеме.

Материалы фольклорно-этнографических экспедиций в регион (90-е гг. XX – начало XXI в.), собственные наблюдения автора статьи позволили заметить невероятную устойчивость Обещанного дня в селе Кага, сопровождающуюся возрастанием интереса к истории этой даты. вполне вероятно, как замечают информанты, Обещанный день раньше отмечали и в селе Верхний Авзян, хотя такие сведения единичны и несколько запутаны (например, некоторые местные жители называют Обещанным днем в Авзяне Девятую пятницу). Так, Анна Акимовна Юлина рассказывает: «Обещанный праздник есть и в Каге, и в Авзяне, только в разные времена. В Каге его празднуют 21 августа, а в Авзяне –

31 августа. Про Кагу я знаю. В этот год много людей здесь умерло, эпидемия какая-то была... Я не помню, когда, в какой год это было. В Авзяне тоже вроде эпидемия была. Общая могила в Каге есть. В Авзяне общая могила большая, за ней до сего дня ухаживают. В этом году ее огородили, поставили большой крест на ней. К могиле люди *идут* все времена, никогда мимо не проходят» (Юлина А.А., 1927 г.р., Кага). Информант из села Кага Мария Кузьмовна Киселева вспоминает: «В 1921-ом году года был мор, умирал народ. Кидали у общую яму, 10-17 человек в день умирало, не успевали хоронить. Служить стали в церкви. Батюшка сказал: «*Делайтя* обещание *впредь* поминать». Сделали обещание поминать всех умерших у общей могиле. С тех пор и Обещанный праздник. В Авзяне была я, там яма длинная, холмик, заметно, что могила. А у нас квадрат» (Киселева М.К., 1923 г. р., Кага). Урожденная Верхнего Авзяна Александра Андреевна Калашникова отмечает: «Обещанный день у нас – Девятая пятница. Раньше часовенка была на горе. Раньше в этот день на Табынскую ходили обещать. Моя бабушка 25 раз ходила обещать, потому что дети умерли молодые. Вот ради детей 25 раз ходила обещать» (Калашникова А.А., 1910 г. р., В. Авзян).

В архивных документах есть упоминание о прохождении крестных ходов в селах региона, совершаемых с великим благоговением при большом стечении народа. В деле «Рапорты благочинных о состоянии причтов, церковноприходских попечительств, больниц и благоделен в округах Оренбургской епархии за 1888 и первое полугодие 1889 г.» отмечено: «Крестные ходы совершаются в Верхнеавязнопетровском приходе на источник в Девятую пятницу после Пасхи... В Кагинском приходе совершается крестный ход 8 августа, а в Узьянском заводе 29 августа; в Белорецком же и Тирлянском заводах крестные ходы совершаются по всем улицам селений в День Вознесения Господня. С какого времени и по чьему разрешению совершаются означенные крестные ходы в этих приходах, сведений об этом не имеется... Усердие прихожан к крестным ходам постепенно увеличивается»¹².

С 30-х гг. XX в., когда большинство церквей в районе было разрушено, затем передано под дома культуры и отдыха, крестный ход в обещанные дни в нашем регионе не проходил. Однако и в эти тяжелые годы население свято помнило об обете, данном предками в страшные годы мора. На сегодняшний день церкви сохранились в селах Верхний Авзян и Кага, где в связи с возрождением национально-культурных ценностей идет их реконструкция. Здесь проходят службы на Пасху, Рождество, Крещение, крестные ходы, а также сами обряды крещения, венчания. Вот уже многие годы жители Каги ждут окончания строительных работ в Никольской церкви, по-прежнему нет своего батюшки, однако традиции родного села они свято чтят: наблюдения последних лет показывают, что в Каге помнят о данном обете. Потому каждый год 21 августа жители идут крестным ходом из церкви к святому источнику Сажилка, где проходит служба, освящение воды, омовение ею присутствующих, а также обязательным в этот день является посещение кладбища. «Обещанный день *празднують* только у Каге. Он *бывает* 21 августа. Тогда была холера у нас. *Уся* деревня *почти* вымерла. И вот собрались женщины у Сажилки и стали молиться, дали обет. И вот теперь *этот* праздник *все* *празднують*. В *этот* день *все* кагинские, *иде* бы ни были, *все съезжаются*. На кладбище народу, машин – тьма» (Кудряшова В.М., 1925 г. р., Кага).

Таким образом, на протяжении всей истории горнозаводских селений жителями изучаемого региона отмечаются узколокальные обетные дни (Обещанный день в Каге), которые зафиксировали особо значимые моменты истории из жизни сел и устойчиво вписались в календарные ритмы. В русских селениях Башкирии обетные праздники не совпадают с престольными, а официальные торжества храмовых праздников (крестный ход, встреча иконы и шествие с ней) проходят не в престол, а в день обета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русские (Серия «Народы и культуры») / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук – М.: Наука, 2005. С. 608.
2. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 18.
3. Русские. С. 608.
4. Вероятно, что информант называет дату, ориентируясь на старый стиль.
5. В полевых текстах сохранены особенности устной речи информантов. Такие слова выделены курсивом.
6. Городской архив Магнитогорска Челябинской области. Ф. 463. Оп. 1. Д. 18. Отд. 23. Л. 196.
7. Относительно происхождения названия слова существуют два расхожих мнения. Согласно первому, СажЕлка – происходит от слова «саженец», поскольку на этом месте жители села сажали деревья. Согласно второму, СажИлка обозначает «святая жила», здесь круглый год из-под земли бьет чистая вода, которая, по словам местных жителей, никогда не замерзает.
8. Замост, Центр, Устье-Кага, Елань – отдельные части, микрорайоны села Кага Белорецкого района.
9. *Татарин Д.И.* Воспоминания // Башкирский край: Сб. статей. Уфа: Изд-во Башкирского государственного объединенного музея, 1992. Вып. 2. С. 12.
10. Там же.
11. Там же.
12. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4682. Л. 200 об.

Кулинарный календарь русских сел Белорецкого района Башкортостана

Основную и повседневную потребность человека составляет пища. Исследование и описание особенностей традиционного питания народов мира является одним из важных разделов современной этнографической науки. В отечественной науке специфика этнографического подхода к изучению пищи рассматривается в работах С.А. Арутюнова¹. Этнографов еда интересует не с точки зрения технологии ее приготовления или сравнительной питательной ценности, а как явление бытовой культуры, находящееся во взаимосвязи с другими аспектами жизни, отражающее взаимоотношения людей в обществе и нормы и формы их поведения, традиционные для данного общества. Под таким углом зрения в процессе полевых исследований мы выясняем не только специфику приготовления пищи конкретным этносом или этнографической группой в изучаемом регионе, но и выявляем приуроченность блюд к календарным праздникам, семейным обрядам и местным датам, их локализацию, устойчивость распространения, уровень сохранности. Также отдельный интерес для нас представляет региональная посуда и другие бытовые приспособления для приготовления пищи.

Устойчивость пищевого комплекса конкретного этноса, сохранение традиционных элементов питания в современной культуре позволяют говорить о самобытности национальной кухни. Особенности питания складываются в зависимости от географического расположения этноса или этнической группы, от специфики их занятий и образа жизни, а также определяются требованиями веры и сложившимися веками традициями. Однако пища как сложный полифункциональный феномен культуры не исключает взаимопроникновение и взаимовлияние со стороны системы питания других этносов. Этническая специфика пищи, свойственная народам или отдельным этнографическим группам, проявляется в традиционной устойчивости каких-либо видов пищи: «...многие примечательные особенности местной пищи устойчиво сохраняются и тогда, когда внешние условия жизни народа давно уже и значительно изменились» и именно в этом заключается сила традиций в сфере питания².

В этом ключе несомненный интерес для нас представляет специфика кулинарных традиций населения отдельных русских сел Белорецкого района, исторически и географически расположенных на территории башкирских земель.

Система питания в изучаемом регионе складывалась в рамках традиционной русской кухни. Как известно, жителями современных русских поселений Белорецкого района Башкортостана стали крестьяне, переселенные сюда со второй половины XVIII в. из разных российских губерний. Принесенные ими традиции в силу новых природно-географических, социально-экономических факторов вынуждены были адаптироваться к иным условиям: жизнь и деятельность людей целиком и полностью была подчинена основанию, развитию и обслуживанию на местах заводского производства. Заводская работа вела к полному отрыву приписного крестьянства от сельского хозяйства, которое до этого являлось для него основным и единственным источником жизнеобеспечения.

Многие из крестьян имели на новых местах приусадебные участки, сенокосные угодья, небольшое личное хозяйство, однако изначально основу их жизни составляла работа на предприятиях.

По причине отсутствия вблизи заводов продовольственных рынков, недостаточного количества пахотных земельных площадей владельцы предприятий самостоятельно обеспечивали местное население основными видами провианта извне: «Хлеб покупали мы, тут хлеба не сеяли, никакой, нет. Ничего не было из хлеба из сеяного» (Рахаева Н.И., 1921 г.р., Н. Авзян)³.

Только после закрытия заводов в конце XIX – начале XX вв., в связи с необходимостью выживания, бывшие заводские рабочие постепенно переходят к обработке земли и ведению хозяйства. Лесные и другие виды промыслов, сельское хозяйство, становятся вспомогательными средствами улучшения жизни местного населения. Очевидно, что именно в этот период начинает развиваться овощеводство, огородничество, а позднее – мелкое животноводство. Здесь выращивали картофель, капусту, морковь, лук, репу. На огородах сеяли коноплю, используя волокна на холсты, а семена на масло. Зерно сеяли редко, поскольку для этого необходимо была пашня, собственный земельный участок.

Лишь с закрытием горнозаводских предприятий у жителей русских сел Белорецкого района появилась потребность (скорее, жизненная необходимость) в том, чтобы для себя и своей семьи посадить и получить добротный урожай овощей, посеять и собрать хлеб, вырастить и получить мясо и молоко. Отсюда обращение (точнее сказать, возвращение) бывших крестьян – горнозаводских рабочих – к народным приметам и календарю: представления местных жителей о времени, природных изменениях, циклах хозяйственной деятельности моделировались с помощью народного календаря. Наиболее полно в региональных полевых записях и наблюдениях представлен весенне-летний календарь, к датам которого приурочены многочисленные приметы, запреты, а также магические действия, ритуалы, преследующие цель благотворно повлиять на будущий урожай и приплод. Достаточно разнообразное количество блюд местной русской кухни имеет отношение именно к этому временному отрезку. Оправдано данное обстоятельство тем, что большая часть сельских праздников в заводских поселках проходила в свободный от металлургической деятельности весенне-летний период времени, между Пасхой и началом полевых работ.

Система питания в регионе складывалась и подчинялась образу жизни бывших горнозаводских рабочих и их семей. Основу рациона составляли овощи, а также всевозможные затерюхи, болтушки, похлебки из муки, воды, продукты собирательства – ягоды, грибы, травы. Очень полюбилась местным жителям неприхотливая ягода калина – ее повсеместно использовали для приготовления каш, выпечки. В этой связи отметим также, что основным элементом региональной вышивки на предметах верхней одежды, фартуках, полотенцах, платочках, как показывают полевые наблюдения, являлась гроздь калины (свадебные полотенца с узором «калинка» как символ богатства и благополучия – интерпретация общерусской виноградной лозы).

Своеобразным символом культуры в рассматриваемом регионе зачастую становилось блюдо, имеющее узколокальную область распространения. Обычно это происходило вследствие делегализации, выхода за границы своей культуры⁴. Так, своего рода символами русского горнозаводского населения отдельных русских сел Белорецкого района

Башкортостана, сформированного на этих землях в процессе переселенческого движения из разных регионов России с целью работы на заводах, стали кулага – постная каша из ржаной муки и солода с добавлением тыквы, калины или других ягод (село Кага), а также калинники – сладкие пироги с калиной (села Кага, Узян).

Кулага – заварное блюдо, каша, получаемая путем запаривания ржаной муки и солода с добавлением калины или других ягод. Согласно полевым данным, кулагу варили в XVIII – нач. XX вв. только в селе Кага. «Кагинцев раньше кулажниками звали. У нас у Каге аржаную муку водой кипящей заворюють; когда остынет, дрожжей заворюють, калинки добавляют... Вот и звали нас кулажниками, что муку-то аржаную заваривали и ели. А авзянских мякинниками звали, не знай защем» (Дронова Т.Д., 1930 г.р., Кага)⁵.

Бытование в русских горнозаводских селах Белорецкого района Башкортостана выражения «Узян, Авзян, Кага – одна кулага», с одной стороны, указывает на специфику переселенческой политики, задачей которой была массовая приписка крестьян из разных мест к заводам без учета возможности сохранения семей переселенцев и их родственных отношений. В одном населенном пункте оказывались выходцы из разных областей («каша такая вот и получилась», «в одну кучу всех свалили»). С другой стороны, объединенные природными, географическими, производственными особенностями, схожими условиями работы и быта, острой необходимостью выживания, приписные крестьяне-земледельцы постепенно приобрели новый объединивший их статус – горнозаводские рабочие. Отсюда другая грань в трактовке выше обозначенного выражения – «все в одной связке оказались, в одной упряжке», «одинаково всем пришлось», «все смешались, завод всех и свел»). Взаимодействие различных групп переселенцев способствовало, с одной стороны, постепенному стиранию четких границ между ними, нивелировке различий в быту и культуре, с другой, консервации культуры в рамках одного населенного пункта, конца (края) села.

Полевые наблюдения и записи многократно подтверждают факт противопоставления жителей одного населенного пункта жителям другого, что прослеживается в особенностях говора, проведении конкретных семейных и календарных обрядов, исполнении и репертуара песен, изготовлении и ношении одежды, предпочтениях и запретах на браки между селами, приготовлении обрядовой и повседневной пищи⁶. В материалах полевых текстов устойчиво проходит информация о том, что кулагу варили и ели только в Каге. По словам жителей, в Верхнем Авзяне, например, народ был «побогаче», там «на столе и хлеб водился»: «Кагинские – кулажники. Авзянские – мякинники. Так и звали между собой. Мы тут кулагу ели, больше нечего было. А они мякину, мякушку ели, хлеб значиться был» (Желнина Л.И., 1938 г.р., Кага)⁷. Верхнеавзянских «мякинниками» звали, кагинских – «кулажниками» (Юлина А.А., 1927 г.р., Кага)⁸. «Кагинских так давно звали – «кулажники», а авзянских – «мякинники», потому что кагинские больно кулагу до смерти любили, а варили ету кулагу из аржаной муки и калины» (Королева Т.Д., 1930 г.р., Кага)⁹.

Как рассказывают старожилы, даже в Каге кулагу ели не все: те, кто победнее: «Мама моя варила кулагу, я помню, но редко. Мало мы ее ели, жили потому что не совсем худо. А вот бабушка твоя (авт. Желнина Л.И., 1938 г.р.) ее постоянно варили наверно, потому что бедно очень жили они, Киселевы и Карщики. Из ржаной муки, запаривали муку, воду добавляли, а мама моя тыкву еще клала туда. Запаривали, настаивали

и ели» (Березина М.М, 1945 г.р., Кага)¹⁰. «А мы часто варили кулагу. Есть-то нечего было раньше. То картохи прелые пекли, лепешки из них делали. А кулагу запаривали на муке, она сладкая такая была – мед прямо. Для сладости ягод добавляли, ну это уж праздник совсем, ежели с ягодами. И мать моя варила, а я сама уже редко варила. Голодно когда было, это я маленькая ишо была. А потом даже поговорочка такая была: «Приехали в Кагу есть кулагу». Нас так кулажниками и звали, а авзянских мякинниками. Не знай пощему. «Не пойду в Авзян я замуж – там чужая сторона, поговорочка другая – не привыкну долго я» (Желнина Л.И., 1938 г.р., Кага)¹¹.

Сегодня кулагу в селах региона не варят. О ней упоминают старожилы в рассказах о своих дедушках, бабушках, для которых это блюдо было самым вкуснейшим лакомством в те давние времена.

Еще один кулинарный символ культуры русского населения региона – **калинники** – сладкие пироги с калиной. В селах региона калинники готовили традиционно из ржаной муки с добавлением в нее калины. Тесто месили из того, что было: мука, вода, солод. Позднее стали добавлять яйца, постное масло, дрожжи. Туда же замешивали калину. Выпекали в специальных формах в печи. По утверждениям информантов, калинники пекли в особенные дни – пироги эти считались праздничными. Так, одна из информантов утверждает, что в Узяне, например, калинники пекли в день, когда проходила традиционная встреча авзянских и узянских жителей на территории последних: «Единственный праздник, на который Авзян приходил в Узян. На этот праздник пекли калинники – пироги с калиной. Калинник состоял из ржаной муки, а тесто перемешивали с калиной. Пироги пекли в течение нескольких дней. Пели песни: «Ой, да ты, калинушка-размалинушка, Ты не стой, не стой на горе крутой...» (Колесникова Е.П., 1915 г.р., Узян)¹².

Позднее такие пироги стали выпекать из муки высшего сорта, а калину в тесто не добавляли – ее намазывали на тесто. Таким образом, со временем пирог стал открытым – с начинкой сверху. «Пироги с калиной люблю очень. И дети мою любят. Пекла их постоянно. Ну как. Калину собирали, когда созреет. В основном, как первые морозы пойдут – это октябрь наверно где-то, вот ее собирают. Она лопается, сок так и брызжет наружу. А чтоб не лопалась ягодка, так усю гроздь и рвали с кисточкой. А потом перебирали дома, от кисти-то. Ну а потом у котлы и парить у пещку ставили. Парили долго, усю ночь могла простоять у пещке. Потом сливали воду, горещь-то куда ушла; а ягоды у банки раскладывали и на хранение у подпол, где холодно. Сахар у банки не клали, а то прокиснет махом. Ну и вот ближе к зиме, зимой, на праздники какия доставали из банки, засахаривали и повидло добавляли, или варенье какое – что было. Для сладости и связки. Тесто сдобное раскатывали, на лист железный клали (маслом смазанный) и поверх теста намазывали етими ягодами. Потом у пещку и пекли, как пироги. Ой, мед пирог полушается. Так и похрустывает на зубах калинка-то. Ну это кто как любит. Она и пахнет калина, естественно. А кому не нравятся такие пироги, и пахнет как не нравится. Вот отец твой, например, не ел такие пироги, и Сережа (внук) тож не любить на дух. И зять вот теперь тоже. Никак. На дух не переносят. Нос воротють от запаха калины. Бывало, раньше зять Володька зайдет у дом к нам: «Ху, тещя, ты опять пироги с калиной пекла!» И старалси уйти скорее из дому, пахло потому что калиной. А щас зять из дому сбегаеть, кода у мене пирогами с калиной пахнет. А другие за мед есть. Любить очень.

А дети усе едят с калиною-то. А пекли их когда, у выходные дни, на праздники всякие, дни рождения. Раньше ведь в магазинах выпечки не было, как теперь» (Желнина Л.И., 1938 г.р., Кага)¹³.

Заметим, что кулага и калинники имеют в определенной степени схожую рецептуру и технологию приготовления: и то, и другое изначально готовили путем запаривания и смешивания, как правило, ржаной муки, солода или дрожжей и ягод калины. Гораздо позднее калинники стали готовить как открытые сладкие пироги с начинкой поверх теста. Такие пироги популярны и в настоящее время. Кулага же и технология ее приготовления сохраняются лишь в памяти старейших жителей района.

Отдельные блюда стали в русских селениях Белорецкого района своеобразным локальным символом, кулинарным атрибутом конкретного праздника: жаворонки (День Сорока мучеников), косняки (Троица), яичница и блины (прощеное воскресенье – третий день Масленицы), курник (заговины, свадьба) и др.

Жаворонки – печенье орнитоморфного типа из пресного теста в виде птиц. Жаворонки в регионе выполняли своеобразную функцию «встречи весны». В день Сорока мучеников женщины пекли из теста фигурки в виде птичек с распахнутыми крыльями. Жители сел рассказывают о двух основных способах приготовления таких жаворонков. В первом случае тесто раскатывают как веревку, придают ему форму цифры «восемь», а концы поднимают в виде головы и хвоста. Другой вариант приготовления печенья заключается в следующем: за основу брали лепешку, на ней косыми надрезами намечали хвостик, клюв и крылья. Внутрь могли запекать уголек, зернышко, монету, кольцо с целью узнать судьбу своих детей: «Жаворонков мама пекла, когда мы были маленькие. Из теста пекла. Наладуют прям как настоящу печужку, глазки сделают, из черемушки глаза и носик наладут. Еще бывало мама сделает их нащеными - там солюшку положить, мак там, деньги. И вот ще кому попадетса, вроде так и жить будешь. Солюшка – значить жизнь солона, копейка – богатый будет. Детям их раздавали» (Логинова А.В., 1927 г. р., Кага)¹⁴.

Ольга Ивановна Локацкова вспоминает: «Мама пекла жаворонков. Их пекли из пресного теста. Мы ребяташки загадывали. Нас пятеро было, жили скотиной да огоро- дом. В эти жаворонки мама запекет, денежку положит, загадат то ягненка, то теленка. Попадетса – и деньги мне, и теленок мне – счастливая! Запекали в них пятаки, загадывали теленка или другую животину. Кому достанетса пятак, тому и телёнок» (Локацкова О.И., 1920 г.р., Тирлян)¹⁵. У детстве, когда девщонкой была, жаворонков пекли. Кажется, 9 марта. Я каждый год их пеку. Туды кладешь деньги, уголек. Деньги – к богатству, кто вынет уголек – к смерти. У жаворонков, бывало, глазки налажу щеремухой...» (Калашникова А.А., 1910 г.р., В. Авзян)¹⁶. Приготовленные жаворонки раздавали детям, которые обязательно должны были залезть на крыши сараев, «покликать» весну и подбросить птиц вверх как можно выше. В Тирляне вспоминают, что «весну у них встречали с жаворонками. Дети залазят с ними на повети и кричат: «Жаворонки, жаворонки! Красну весну принесите, зиму холодну унесите». Это вот как снег начинает уж таять» (Баженова А.И., 1915 г.р., Тирлян)¹⁷. Во время полевых исследований были записаны и другие варианты закличек: «Жаворонки, прилетите, принесите лето красное, весну теплую, хлебоборобную, добро в дом принесите» (Урцева В.И., 1930 г.р., Тирлян)¹⁸. В селе Кага «весну

крищали в основном девщата. Крищали так: «Жаворонки, прилетите, весну принесите» Жаворонки прилетели – щас весна придет» (Желнина Л.И., 1938 г.р., Кага)¹⁹.

Как показывают наблюдения, «жаворонки» практически ушли из бытования и употребления в пищу. В 90-е г. их еще пекли, но уже в очень редких, исключительных случаях (как правило, в качестве ритуального элемента сценической «встречи весны» в местном ДК).

Косняки – пирожки в виде треугольника с начинкой из вареных яиц и свежего зеленого лука. Готовили из пресного теста, начиняли смесью из рубленых вареных яиц и свежего зеленого лука. Иногда в начинку добавляли домашнюю сметану для связки. По свидетельствам информантов, выпекали их традиционно на Троицу, несли на кладбище. В этот день девушки плели из травы или из подорожника венки (называемые так же «косняки»), бросали в воду, гадая на судьбу. «На Троицу пекли косняки из яиц, лука, муки. Сворачивали их треугольником...» (Плохова Е.И., 1904 г.р., Ломовка)²⁰. «На Троицу несли косняки. Пекли из яиц, лука; складывали их треугольником. Лук (зеленый) до Троицы резать нельзя – грех» (Косарева М.Ф., 1930 г.р., Косарев М.Е., 1925 г.р., Ломовка)²¹. «Пекли на Троицу косняки трехугольчатые, потому что Троицы, вот и три угла» (Бардина А.Е., 1930 г.р., Ломовка)²².

В настоящее время в селах региона пекут в основном обычной (овальной) формы пирожки с начинкой из вареных яиц, зеленого лука, добавляют соль, сметану или майонез. Косняки пекут в отдельных семьях, но это уже редкость.

Блины в регионе пекли на Масленицу (отмечали ее традиционно за семь недель до Пасхи). Масленицу праздновали целую неделю, провожали зиму. По воспоминаниям информантов, самый разгульный день в году приходился здесь на прощенное воскресенье, когда зять приходил к теще на блины и приносил ей подарок. «Молодоженов, т.е. тех, которые женаты один год, приглашают в гости, кормят блинами. Теща специально для зятя готовила блины. Зять же должен был принести теще любой подарок. И я была молодая, и ко мне зять приходил» (Благова А.А., 1915 г.р., Тирлян)²³. «Молодые, которые первый год живут, идут к теще. Говорили: «Зять идет к теще по блины». Зять несет ще-нибудь ей. На Прощёный день идти, у субботу. С горы и мы на санях катались. Над молодоженами баловались, хулюганили, снегом обсыпали, мол: «Посолишь надо»» (Желнина Л.И., 1938 г.р., Кага)²⁴. В последние десятилетия прошлого столетия блины в селах региона пекли на протяжении всего празднования Масленицы. В настоящее время блины – обязательный атрибут «проводов зимы» на Масленицу в селе Кага.

В нашем регионе блины готовили так. Яйца, молоко (или негустая простокваша), мука ржаная (как правило), соль и сахар по вкусу – все тщательно размешивается, чтобы не было комочков. Тесто должно быть консистенции негустой сметаны (чем тесто более жидкое, тем тоньше будут блины). Если тесто получается совсем жидкое, блины будут прилипать к сковороде, плохо переворачиваться. Если густое – будут толстыми, похожими на оладьи. Тесто выливают на раскаленную, смазанную жиром или маслом сковороду, выпекают с двух сторон (если в печи, то с одной), смазывают маслом при желании. Особо ценятся те блины, которые получаются тонкими, прозрачными и кружевными. Запах у блинов из русской печи – особенный.

Яичница – блюдо из яиц и молока, запекаемое в печи в глиняной посуде. В нашем регионе ее готовила теща зятю на Масленицу вместе с блинами. А также на Си-

пеньку – на 3 день Троицы в регионе отмечали так называемую «бабью» Сипеньку: «Яичницу на Сипеньку готовили. Яйца с молоком мешают, ставят в печку и запекают в чашках. Это на Сипеньку» (Копытова А.Н., 1929 г.р., В. Авзян)²⁵. «На Сипеньку делали яишницу. Сипенька на третий день Троицы. Яишница – это и есть Сипенька» (Васильева А.А., 1905 г.р., В. Авзян)²⁶.

В настоящее время яичницу готовят практически в каждой семье как повседневное блюдо. В отдельных семьях яичницу готовят на Масленицу к приходу гостей. «Яишницу делали не только на Сипеньку. В последнее время часто делали, яйца езли были и молоко. Ет щас никого не держим. А тогда скотины полон двор: куры, овцы, свиньи, рогатые – корова да теляты, а у кого и лошади... Разобьешь яйца, сколько тебе надо. Какая посуда. Я в щашке делала, для супа которая, глубокая. Ну штук пять разобьешь, перемешаешь, туда молока добавишь стакана два, соли, перемешаешь все и у пещку. Постоить маленько, заглянешь – как корощкой корищневой покроиться сверху, так достаешь и на стол - айдатя есь» (Желнина Л.И., 1938 г.р., Кага)²⁷.

Курник – закрытый праздничный пирог с начинкой из мяса домашней курицы, картошки и репчатого лука. Изначально – праздничный пирог, который готовили на свадьбу в качестве обязательно атрибута свадебного стола. Известно также, что в регионе девушки пекли курник на 7 января, а за это парни угощали их пельменями («пельменное заговение», «загвины»): «Приведет, например, кавалер тебя и подруг и угощает пельменями. Называется «Пельменное заговение»» (Штырляева А.А., 1924 г.р., Ломовка)²⁸. Тесто для пирога готовили кислое, на дрожжах. На тесто выкладывали начинку слоями: куриное мясо, лук, картошка, специи и закрывали по краям, натягивая тесто к середине. По рассказам информантов, раньше в начинку добавляли куриные яйца. Пирог, как правило, готовили округлой формы. Верх курника украшали кусочками теста.

В современных календарных обрядах изучаемой местности сложнейшим образом переплелись старые и новые элементы, традиции и новации. Наиболее устойчивой и этнически маркированной в календаре русского населения горнозаводских сел Белорецкого района Башкортостана оказалась обрядовая пища. До настоящего времени в семьях старшего поколения жителей сохраняются традиции приготовления специфической обрядовой еды для поминального стола, свадьбы, Сипеньки, Пасхи, Масленицы и т.д.

Таким образом, наблюдения показывают, что южноуральская кухня русских сочетает в себе особенности питания, свойственные русскому народу из разных областей и регионов страны. Кроме того, в силу различных факторов, массовых переселенческих движений, связанных с образованием на башкирских землях металлообрабатывающих предприятий, кухня русского населения современных сел представляет своеобразный сплав исконно русской кулинарии и кухни соседних народов (башкир, татар). Полевые исследования позволяют утверждать, что именно праздничная пища изучаемого региона подвергается наибольшему иноэтническому влиянию в связи со стремлением выделить праздник из будничных дней. Поэтому на праздничном столе в русских селениях Южного Урала в настоящее время появились шашлыки, салаты, роллы, манты, беляши, яйца жареные с помидорами и луком, драники и пр. Причем, это касается, как правило, событийных семейных праздников, не приуроченных к календарю: день рождения, свадьба, проводы в армию, другие семейные торжества. Однако если в семье присутствует пожилая женщина, даже в эти даты на столе обязательно будет выпечка в виде пирогов, при-

готовленных в русской печи. В настоящее время в отдельных семьях отсутствие выпечки на праздничном столе женщины старшего поколения воспринимают очень болезненно. Данное замечание в очередной раз подтверждает, что, с одной стороны, пища в определенной степени закрепляет, отражает и выражает специфические этнические черты, с другой стороны, она является одним из самых подвижных элементов культуры, поскольку процесс приготовления пищи – занятие повседневное. Динамика в этой области связана с естественными культурными обменами между народами, этнографическими связями и отношениями, происходящими социальными изменениями в обществе, а также естественным желанием каждого человека привнести что-то новое в процесс приготовления блюд и разнообразить таким образом свой рацион.

Особо следует отметить сохранение роли женщины как основного носителя традиций в обрядовой сфере. Это проявляется в приготовлении ритуальной пищи, исполнении песен, выполнении обрядов, соблюдении запретов. Механизм культурной трансмиссии еще работает: именно от мам и бабушек девочки приобретают основные навыки приготовления пищи, что является определенной гарантией того, что она сможет накормить себя, где бы не находилась.

В селах наблюдается тенденция к украшению и обработке срубных домов современными материалами, установке пластиковых стеклопакетов, однако во многих домах по-прежнему сохраняются печи. Причины у каждого свои – для одного это всего лишь память старины, для другого – сохранение в доме печи это возможность хоть как-то уберечь собственный дом и село в целом от влияния городской культуры («чтоб было внукам что показать», «чтоб село от города чем-то еще отличалось», «печь-душа дома, как без нее – никак»), для третьего – источник здоровой и вкусной пищи. Надо заметить, что пожилые люди также по-прежнему сохраняют в быту и повседневном обиходе посуду – чугунок, керамические кринки, горшки, металлические листы для приготовления в печи пирогов и сладкой выпечки. Приспособления для выпекания и приготовления пищи в деревенской печи есть практически у каждой хозяйки: ухваты разной формы, чепельник, котлы-чугунки, металлические листы, глиняная посуда (кашник, кринки, кувшины) и пр.

Молодежь в изучаемых поселениях все больше отдает предпочтение покупной продукции в виде тортов, пирожных, булочек. В магазинах села замечена новая тенденция: появилась выпечка из окрестных сел. Так, например, в связи с закрытием хлебопекарни, в Каге сегодня продают выпечку из соседнего поселка Верхний Авзян. Это разнообразные закрытые пироги с капустой, картошкой-грибами, рисом-рыбой, черемухой, творогом, плюшки, каравайчики (в народе – «дружная семейка») и др. Кагинцы печеную продукцию покупают, но отмечают, что в Каге такие пироги пекли по-другому, а авзянские согласно своей технологии пекут: «Они ж мякинники, авзянские-то. Не то, что мы – «кулажники». У нас такие пироги открытыми всегда стряпали, а они вон закрывают их тестом, нашинка уся унутри»²⁹, – такое можно услышать в магазинах села и в настоящее время.

Коренные жители села (в большинстве представители старшего поколения) по-прежнему предпочитают употреблять в пищу только еду из печи и по возможности непокупную продукцию, приводя в качестве аргументов следующие объяснения: «так в семье повелось», «свое оно ж вкуснее и полезнее», «печка наших дедов кормила и нас не отравит», «так вкус же есть – едой настоящей пахнет, русской», «такой каши, как в печи,

ни одна чудо-юдо-духовка не сварит»³⁰. Кроме того, желание питаться продуктами своего собственного производства – это еще и вынужденная необходимость, продиктованная временем: огромный выбор, доступность и разнообразие продуктов питания на прилавках магазинов, в качестве которых, к сожалению, все чаще приходится сомневаться и разочаровываться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арутюнов С.А. Введение // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. С.3.
2. Громов Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. С. 81-85.
3. Личный фонд Сенкевича В.А // Государственный архив Магнитогорска Челябинской области. Ф. 463. Оп. 1. Д. 16. Л. 463.
4. Каппати А., Монтанари М. Итальянская кухня. История одной культуры. М.: Нов. Лит. Обозрение, 2006.
5. ЛНК МаГУ, ЭК №13а, 1998, Л.6.
6. Лосеева И.В. «Узян, Авзян, Кага – одгна кулага». К вопросу о формировании горнозаводского населения в Башкортостане и его идентификации» // Прошлое и настоящее этнологических исследований: Сб. научных статей, посвященный 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова / Отв. Ред. А.А. Никишенков. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2011. С. 138-145.
7. Кага, 2009, С3.
8. Кага, 2008, С3.
9. Кага, 2008, С3.
10. Кага, 2013, С3.
11. Кага, 2013, С3.
12. ЛНК МаГУ, ЭК №5, 1994, Л.5.
13. Кага, 2013, С3.
14. ЛНК МаГУ, ЭК №6, 1995, Л.13.
15. ЛНК МаГУ, ЭК №21/21а, 2000, Л.46 об.
16. ЛНК МаГУ, ЭК №23б, 2001, Л.14 об.
17. ЛНК МаГУ, ЭК №21/21 а, 2000, Л.33 об.
18. Там же, Л.53.
19. ЛНК МаГУ, ЭК №7а, 1996, Л.27-28.
20. ЛНК МаГУ, ЭК №11, 1998, Л.2.
21. ЛНК МаГУ, ЭК №11, 1998, Л.6.
22. ЛНК МаГУ, ЭК № 11, 1998, Л.7.
23. ЛНК МаГУ, ЭК №17, Л.52.
24. ЛНК МаГУ, ЭК №7а, 1996, Л.26-28.
25. ЛНК МаГУ, ЭК №10, 1997, Л.78.
26. ЛНК МаГУ, ЭК №10, 1997, Л.89.
27. Кага, 2007, С3.
28. ЛНК МаГУ, ЭК №11, 1998, Л.2.
29. Кага, 2012, С3.
30. Кага, Авзян, Узян, 2012, С3.

Песенно-игровой фольклор русских горнозаводских сёл
(на материале фольклорно-этнографических экспедиций 1993-2003 гг.)*

Игра в науке трактуется и как универсальное понятие, и как специфическое социокультурное явление. Американский психолог Э. Берн высказал мысль о том, что вся общественная жизнь людей состоит из игр, что эти игры достаточно серьезны и социально ответственны¹. В традиционной культуре игра рассматривается как форма поведения людей в социуме. Поэтому игровые песни являются своеобразным шифром, позволяющим восстановить утраченные во времени элементы традиционной культуры.

Т.А. Бернштам отмечала, что «игры молодежи... на сакральном уровне восходили к различным переходным формам, поэтому все они содержат элементы, важные для реконструкции так называемых «переходных обрядов»².

В период с 1993 г. по 2000 г. фольклорно-этнографические экспедиции в горнозаводские села Белорецкого района зафиксировали воспоминания о различных играх. Наряду с ролевыми («в дочки-матери», «в дом»), спортивными играми («Чижик», «Копылок», «В царицу»), которые были распространены в основном среди детей 7-10 лет, были известны и популярны молодёжные игры: «Соседи», «Фанты», «К'ондалы». Особо значимыми в молодёжной среде и бытующими здесь до середины XX века являлись игры, сопровождавшиеся песенными текстами. Примечательно, что они обязательно разыгрывались молодежью или на посиделках – в осенне-зимний период, или в хороводе – в весенне-летний период, или во время свадебной вечерки.

Среди таких песен-игр особо выделяется «Дрёма». Эту игру хорошо исследовала Т.А. Бернштам, разделив все имеющиеся варианты текстов «Дрёма» на две группы: короткие и развернутые. Короткие варианты с «мотивом дремоты», в развернутых вариантах – «мотив дремоты с куделью».

Нами было зафиксировано несколько текстов: в Ломовке, Тирляне и Авзяне. Все эти тексты являются короткими, которые сводятся к сообщению о дремоте, приказу проснуться и выбрать себе пару. По наблюдениям Бернштам Т.А. такой вариант характерен для вятской, северной, поволжской и сибирской традиций. Заметим, что все наши тексты осложнены мотивом «плетения»:

Сидит Дремушка на стульчике,
Плетет Дремушка шалковый поясок...

Плетение же является одним из видов женского творения наряду с ткачеством, прядением, шитьем, что являлось чисто женскими функциями, к которым девочку приучали с раннего возраста и по качеству выполнения этих видов деятельности судили о готовности девушки к вступлению в брак. Не случайно в регионе до середины XX в. в свадебном обряде бытовала корилка, адресованная невесте:

Мы взяли невесту
Не ткаху, не пряху

* Работа впервые опубликована в сборнике «Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала» (Магнитогорск, 2003. С.267-274).

Такую негодливую...

Примечательно, что в Авзяне в «Дрему» играли «на посиденках» осенью и зимой; в Ломовке - на Михайлов день; в Тирляне «на Кузьму гуляли, Дремушку на стульчик сажали, да пели яму...»³. Традиционно праздник «Кузьмы и Демьяна» открывал осенне-зимний период молодежной игры, которая проходила в форме «посиденок», в отдельных селах «особок», на которых девушки пряли, плели, вязали, вышивали и устраивали совместные с парнями «ночевки», позволявшие участникам игры имитировать семейные отношения, готовиться к реальному браку, то есть к переходу в другую социовозрастную группу взрослых. Игра «Дрема» - это символический этап названного перехода, который позволяет выбрать себе будущую пару в начале только для имитации семейной жизни в период «посиденок», поскольку цель указанной игры состоит в выборе себе пары:

Плетет Дремушка шалковый поясок,
Не столь плетет, сколь времечко ведет.
Ни пора ли Дремушке со стульчика слезать,
Ни пора ли Дреме красну девку выбирать.

Заметим, что состояние сна/дрематы метафорически сопоставимо со смертью и соответственно в фольклоре символизирует переход, в данном случае в другую социовозрастную группу совершеннолетних, готовых к вступлению в брак молодых людей.

Весной игра перемещалась из замкнутого пространства (избы/особки) в открытое – улицу. Вначале проходили смотры новых девичьих «кадров», в исследуемых сёлах они представляли собой церемониальные шествия вдоль центральных улиц.

«Бывало, соберемси: черные юбки, белые кохты и фартуки, идем до базару и обратно»⁴.

«Вот соберемси с девчонками и пошли с песняками по улице. Вот «Репей» пели, это девичья песня»⁵. Наиболее полный текст записан в Нижнем Авзяне от Исаевой Ф.З., 1921 г.р.

Как по улице репей, по широкой репей.
Репей тянется, расстилается.
Мой зитярь, мой репей,
Мой зитярь молодой.

Семантику репея в данном случае объясняют сами исполнители следующим образом: «... зитярь – репей тоже прилипает. Так к девке парни будут липнуть»⁶. Интересно, что в некоторых селах изучаемого региона во время свадьбы используют веник из репея.

«Когда жених с невестой проезжали на лошадях венчаться, то под ними водили веником из репея. Веник этот украшали лентами»⁷; «На свадьбу наряжали ветку репья ленточками и привязывали на дугу лошади»⁸.

Таким образом, участие в шествиях с песней «Репей» давало девушке право продолжить игру в хороводе, то есть эти шествия являлись своего рода переходом как самой игры в пространственном отношении – от замкнутого к открытому, так и для ее участников – от начала совершеннолетия к его пику, который достигался в хороводе во время троицко-семицкой недели.

В регионе большинство хороводных песен, зафиксированных нами, бытовали как свадебные. Так текст «Как на Зыковой горе», известный в традиционной культуре как

«Разгулялся Юрьев конь», практически повсеместно исполнявшийся в весеннем хороводе, в изучаемом же регионе – это песня свадебного пира.

«Её поють на свадьбе, когда молодые сидят за столом»⁹.

«На пиру в свадьбу пели эту песню»¹⁰.

Бернштам Т.А. рассматривает её в контексте «юрьевского» цикла, игры которого символизировали процесс полового созревания Юрья: «Выросший Юрий, – пишет она, – носитель половой энергии для всеобщего оплодотворения, проверяющий также готовность к нему и качество обоих полов»¹¹. Разгулявшийся Юрьев конь в данном случае символизирует «пору» совершеннолетия молодежи. В записанном нами тексте отсутствует строчка «разгулялся Юрьев конь», вместо нее «разыгрался сивый конь». Заметим, что в изучаемой локальной зоне практически не сохранились сведения о каких-либо особенных песнях, играх, обрядах, кроме символического первого выгона скота на Юрьев день. Наверное, это, прежде всего, связано с природно-климатическими условиями и характером основного вида деятельности поселенцев – металлургическое делопроизводство. Поэтому, на наш взгляд, не случайно песня «юрьевского» цикла оказалась в свадебном, как более устойчивом и относительно независимом и в пространстве, и во времени. Этому способствовало семантическая близость весенних и свадебных обрядов.

Результатом такого, на наш взгляд, перехода из календарной обрядности в свадебную является песня-игра «Венчик», широко распространенная в отдельных селах как «вечерошняя», исполняемая на свадебной вечерке за день перед свадьбой.

«На вечерках сперва «Венчик» пели. Все по кругу ходили, держались за руки, а посереде жених с невестой»¹². Заметим, что эта песня была зафиксирована как святочная в Южной Сибири, в Вятской губернии. П.В. Киреевский ее фиксирует как собственно святочную под названием «Игра в соседи».

В Верхнем и Нижнем Авзяне эта песня-игра стала названием целого игрового цикла. «На вечерке в иуры иурали, «у венчик» ходили. Парень девку берет и ходит парочка по избе, а ей песни поють»¹³. Названный игровой цикл составляло несколько песен, но традиционно начинала его песня «Венчик», исполняемая только жениху с невестой.

«Когда на вечерке по кругу ходили молодые, то им сперва «Венчик» пели»¹⁴.

Далее в центре оказывалась следующая за женихом и невестой пара, для которой звучали «Заиньки». В Авзяне зафиксировано несколько вариантов таких текстов, исполнявшихся, как правило, друг за другом.

«Когда в венчик играем, то приговариваем:

1. Заинька по горенке
Бегом бежит, бегом...
2. Зайка серенький,
Глаз веселенький.
Зайка в сторону скошил,
Щаю, кофию купил.
3. Заинька окол саду,
Серенький окол саду...
4. Зайка, зайка,
Что с тобой?¹⁵

Напомним, что образ зайца в народных представлениях был наделен эротической символикой.

Вслед за «Зайньками» исполняли песню:

Брала, брала яуодку-земляничку,
Напорола ноженьку на былинку...

В игровом фольклоре, особенно в свадебном, символика непокрытых рук/ног была связана с нарушением поведенческого комплекса девушки/невесты и всегда представляла определенную угрозу быть обманутой, покинутой.

Любил меня миленький да недолго,
Помнил меня миленький да годочек.
Уехал мой миленький в городочек.

В названной песне, несмотря на нарушение запрета, девушка выдерживает испытание любовной игры:

А я за ним девица не гонюся.
Гонится, гонится его душа за мной,
Его душа за мной, за русью косой.

Как правило, заканчивается этот игровой цикл песней:

Из вещерки девка шла,
Молодчика провела...

Все эти песни, в основном, имели формульные концовки, мотивирующие выбор партнера и смену в центре.

- 1 А: үде мы сойдемси, тут споклонимси.
 Разойдемси, ой да разойдемси,
 С кумой распростимси.
 Б: үде мы сходимси, поздравимси
 Попрашаемси, до свиданья пойдем.
- 2 А: Некуда зайньке выскочить,
 Некуда бедному выпрыгнуть.
 Зайнька, зайнька, отворяй ворота!
 Красная девица цалует молодца!
 Б: А үде рябинушка стояла
 Среди кружка.
 И, ну поцалуй, дружка.
3. У мне ли, у молоденьки, сизянький үолубщик.
 үголубушка сүурковала, семь раз селовала.
4. У во вторник уставал,
 Красну девку целовал.

По окончании игрового танца, парень целует девушку, с которой ходил по кругу, встает в круг, а девушка выбирает себе следующую пару. Так эта игра продолжалась, пока каждый из ее участников не побывает в центре круга. Причем, девушка, выбирая себе пару, передавала вышитый платочек избранному жениху. Часто на этом платочке были вышиты инициалы избранника. Интересно, что в регионе до сих пор в памяти хранят существовавший до середины XX века обряд обмена предметами, указывающий на возникно-

вение союза между людьми. Как писал А.К. Байбурин: «Вещь в народной культуре наряду с языком, мифом, обрядом входила в общую семиотическую систему, она наделялась своим «характером» с помощью различных украшений, которые для человека традиционной культуры более чем просто украшение»¹⁶. Нами была зафиксирована традиция дарить понравившемуся парню вышитый платочек: «Девчата вышивают платочек носовой, слова разные там, и дарят парню своему». «Платочки вышивали, венчики назывались. Два уголка вышивали «крестом»: середка – ягодка, вверх – веточки, цветочки»¹⁷.

Именно такие платочки были в центре песенно-игрового цикла, называемого в изучаемом регионе «У венчик». Предположительно, игра получила название по наличию и активному использованию в ней платочка-«венчика», а не по песне «Веночек». В свою очередь песня «Веночек», на наш взгляд, изначально была троицкой, поскольку текст песни указывает на обряд кумления, элементы которого в регионе прослеживаются в семицко-троицком цикле, на что указывает факт обменивания яйцами в девичьей группе во время троицкой трапезы в лесу: «Тебе вот красное [яйцо], а тебе - синее, потом мы их хранили у божнички»¹⁸.

Элементом троицкой обрядности было и ритуальное завивание венков, что говорило о замкнутости девичьей группы, ее девственности. Заметим, что именно во время семика-троицы возрастает ритуальная деятельность девичьей группы, что символизировало наступление пика совершеннолетия, отразившегося в обряде «развивания венков», который в отдельных селах региона проходил, как правило, пожалуй, в самом сакральном месте деревенского пространства - кладбище, на могилах умерших родственников. Развивание против солнца, отмечает Бернштам Т.А., символизировало готовность к любовным отношениям, в регионе эта готовность маркировалась с разрешения и благословления предков рода - семьи. Таким образом, песня «Венчик» хорошо вписывается в контекст семицко-троицкой обрядности, символизировавший пик совершеннолетия молодежи.

Пик совершеннолетия должен заканчиваться браком, то есть свадьбой, которая в символическом и социальном плане представляла собой смерть и воскресение прежде всего невесты, поэтому именно с невестой связано большее число элементов, маркирующих моменты переходных обрядов из социовозрастной группы совершеннолетней девушки - невесты в группу взрослых - молодых, молодух. Символика смерти/воскресения ярко проявляется в широко распространенной в отдельных селах региона свадебной лирической песне «Лебедушка», в которой символика пуха/пера совпадает с символикой волос/косы, то есть самой невесты. Таким образом, «пух пушить» - волосы расплетать - красоту отдавать - быть готовой к браку, к подчинению чужой воли, к переходу из группы невест в группу молодых. Причем в отдельных селах региона был распространен обряд «хождения за пером», в основе которого был ритуал дарения пуховой подушки или горсти пуха/пера невесте свекровью. Названный ритуал зафиксирован в песне-игре, встречающейся в сборнике П.В. Киреевского:

Кого люблю, кого люблю,
Того поцелую,
Пуховой подушечкой
Того подарю.

На наш взгляд, песня «Лебедушка» и обряд «хождения за пером» носил символический характер передачи/перехода пуха/пера (подушки), волос/косы, красоты, воли девушки в неволю, в подчинение «сокола» - молодца, то есть в другую социовозрастную группу - взрослых женщин (молодок), для поведенческого комплекса которых было характерно подчинение воли мужа.

Итак, анализ семантики вещественных, вербальных и действенных компонентов календарной и свадебной обрядности изучаемого региона позволяет рассматривать игру как границу между формами бытия, границу, которая отделяет «живых» от «мертвых», «своих» от «чужих». Преодоление этой границы представляет возможность участникам игры повысить свой социальный статус и изменить в связи с этим круг ритуальных обязанностей, а значит и весь поведенческий комплекс в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М., 1988. С.10.
2. Бернштам Т.А. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // Советская этнография. 1986. № 6. С. 25.
3. ЭК-21, 2000 г., п. 3, л. 10.
4. ЭК-14, 1999 г., п. 3, л. 13
5. ЭК-20, 2000 г., п. 3, л. 7.
6. ЭК-20, 2000 г., п. 3, л. 16.
7. ЭК-17, 1999 г., п. 3, л. 6.
8. ЭК-19, 2000 г., п. 3, л. 1.
9. ЭК-14, 1999 г., п. III, л. 2.
10. ЭК-14, 1999 г., п. I, л. 9.
11. Бернштам Т.А. «Молодая» и «старая» игра в аспекте космосоциальных половозрастных процессов // Живая старина. 1995. № 2. С. 19
12. ЭК-10^а, 1997 г., п. II, л. 8.
13. ЭК-10^а, 1997 г., п. I, л. 39.
14. ЭК-10^а, 1997 г., п. I, л. 43.
15. ЭК-10^а, 1997 г., п. I, л. 43
16. Байбурин А.К. О жизни вещей в народной культуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 2.
17. ЭК-13, 1998 г.
18. ЭК-13, 1998 г.

Фотография в диалоге человека со временем*

Изобретение фотографии с ее способностью удовлетворять массовый спрос на портрет можно сопоставить с появлением письменности в культуре. В XX веке фотография успешно освоила способность живописи визуально передавать мгновения жизни. Фотограф при этом получил самосознание художника. Семантика слова фотография достаточно открыта нашему слуху. С развитием новых технологий, с применением новых инструментов и приспособлений «списывать жизнь» становится не только престижно, но и легко, увлекательно, выгодно. По мере развития массовой фотографии фотограф неумолимо становился еще и летописцем. Именно в этой функции, функции документального архива, фотография оказалась востребована наукой в первую очередь. Фотографический материал придавал работам историков, этнографов, фольклористов необходимый уровень убедительности. Этот путь прошли и фольклористы Магнитогорского государственного университета, издательские проекты которых включали региональные фотоматериалы, как иллюстративный фон¹. В настоящей статье мы рассмотрим фотографическую коллекцию лаборатории, как источник сведений по народной культуре региона².

Полевая работа фольклориста включает разные способы коммуникативной деятельности. Обращение к материалу семейного альбома помогает выйти на уровень «насыщенного описания» (К. Гирц) фактов народной культуры. В быту фотографирование ориентировано на фиксацию значимого (переломного, критического) события в жизни семьи, отсюда популярность общесемейной тематики фотографий: юбилейные торжества, свадьба, похороны. Фотографии, профессиональные и любительские, представляют для исследователя подробные репортажи событий, где всегда можно отыскать нерасказанные подробности. Можно говорить о поэтике семейной фотографии: она избирательна не только по отношению к ситуации. Время семейной фотографии – особо приближенное к человеку время. Здесь он прежде всего член семьи – родитель, ребенок, родственник, друг, – словом, частный человек, человек недеформированный социальным статусом. Фотографии этой темы наработали свои приемы «постановки натуры», определили типы/маски действующих лиц (глава семьи, хранительница очага, родоначальники семейного древа, продолжатели рода). Мастера фотографического искусства, следуя стилю «живописной идеализации людей» научились обустроить пространство, наполнять его нужными предметами. Устойчивость фотографической поэтики дает возможность с достаточной степенью достоверности интерпретировать снимки, утратившие своих владельцев. Из коллекции «Фотографии неизвестных» снимок № 1. К началу XX века большие семьи сохранились у старообрядцев и купцов. Одежда фотографирующихся, постановочный характер фотографии (молодая женщина неловко держит музыкальный инструмент) говорят о материальном достатке в этом большом семействе. В

* Работа впервые опубликована в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры» (2009. №1. С.657-666).

тоже время балалайка позволяет настаивать на купеческих корнях семьи, так как старообрядцы, не говоря уже о дворянах, относились к этому инструменту пренебрежительно.

На снимке № 2 этой же коллекции представлено два поколения семьи казаков станицы Краснинской Верхнеуральского р-на. О том, что это семья казачьего урядника, мы судим по парадной форме главы семейства (три полосы на погонах). В центр композиции посажен наследник. С рождением мальчика благополучие семьи значительно возросло. Семья оренбургского казака получала дополнительный земельный надел, площадь которого менялась и в среднем составляла 20 десятин³. Старшей девочке-подростку фотограф дал в руки букет, знак подрастающей красавицы. Для фотографирования все вышли на улицу (у двора, во дворе), за спинами – створки больших ворот. Такая постановка натуры была распространенным явлением. На снимке № 3 – неразделенная семья казаков Панферовых: родители, взрослые дети с семьями, внуки. В центре мальчик, четырехлетний Анисим (1910 г.р.).

Устойчивые черты поэтики семейного фотографирования не отменяют других систем, конструирующих понимание фотографического текста. Речь идет об устном комментировании, которое может сделать фотографию событием особого рода. Не случайно И.А. Разумова включила семейный альбом в свое исследование по устной словесности современной семьи, где по поводу фотографии заметила: она «требует интерпретирующего текста»⁴. Верному пониманию фотографии помогает вызванный собирателем разговор-воспоминание с ее владельцами, как это зафиксировано в следующей записи тетради фольклориста. Комментируя снимок № 4, где в центр посажены родители – Ананий Иванович и Елена Николаевна Овсянниковы, правнук Алексей Александрович Овсянников рассказал: «Казаков отличало от других сословий то, что они сильно почитали старших. Вот, к примеру, тщедушный старикашка, маленький, сухонький... Он мог внуку, здоровенному детине под потолок ростом сказать «сделай то-то», что ему пожелается, или наказать, или заставить его что-то делать. И не дай Бог, он не выполнит его пожелание или каким-то образом проявит к нему неуважение! Старичок мог пожаловаться в казачье управление, и этого внука *ложили* на лавку и за не почитание старших и хорошо отстегивали плетью. Были специальные исполнители»⁵.

Ценность студийного снимка №5 могла раскрыться только при комментировании, когда выяснился его ритуальный характер: «Это я первый раз бабушкой стала. Костюм у меня бостоновый был, вот я в нем стою. Вот мне это было интересно – какая бабушка это я. Вот поехала и сфотографировалась» (Петрова Н.А., 1935 г.р.)⁶. В той же монографии И.А. Разумова отметила, что фотографирование стало неотъемлемой частью «переходных ритуалов» (первый звонок, выпускные вечера, праздники совершеннолетия, юбилейные торжества и т. п.), вместе с тем эта фотография открывает возможности изучения еще одного важнейшего жизненного поворота, давно потерянного исследователями в динамично развивающейся культуре.

Постижение смысла следующей группы фотографий также определяется контекстом, хотя выяснение времени и повода для фотографирования выводит их за рамки частной жизни, а контекст имеет письменный характер. Речь идет о фотографиях, связанных с Великой отечественной войной. На снимке № 6 семья Галины Анатольевны Лочкаревой. Семья фотографировалась в 1941 году перед отъездом отца – Анатолия Александровича – на войну. Фотографу удалось передать последние дни семейного счастья.

Дети свободно выставлены вокруг родителей; младшая Галя, с игрушкой в руках, посажена в центр группы. Удивительно похожие на отца мальчики устроились с его стороны. Семья Моисеевых из п. Тайсара Верхнеуральского р-на сфотографировалась уже во время войны (фото № 7). На переднем плане в центре – родители: Иван Игнатьевич (1887 г.р.), жена Анна (1900 г.р.). За родителями фотограф поставил детей (слева на право) – Николай (1932 г.р.), Валентина (1928 г.р.), Татьяна (1929 г.р.). Фотография предназначалась старшему сыну Константину, находящемуся на фронте. Тема семьи и родного дома подчеркивается фоном, выбранным для фотографирования. Вместе с тем этот экзотический для русской культуры дом находится в полном разрыве с происходящим. В глазах взрослых – напряжение и тревога, в глазах детей – почти испуг. Вместе семья больше никогда не соберется. Константин Иванович в годы войны пропал без вести.

Выведение фотографического материала в контекст письменных документов эпохи (воспоминания участников войны, дневники и пр.) расширяет границы «общечеловеческого разговора» (К. Гирц) о том трагическом времени. Рассказы «извне» достраивают истории появления снимков, передают общие судьбы, «общую эмоцию» (Е. Петровская). «Живые» документы эпохи позволяют из первых рук оценить силу фотографии в условиях фронтовой жизни. Она возвращала память о самой возможности мирного времени, семейного счастья, любви, поэтому в письмах военного времени о фотографиях пишут часто.

Весной 1942 года был призван на фронт восемнадцатилетний Иван Гаврилов (1924 г.р.). В письмах первых месяцев военной жизни звучат постоянные просьбы прислать домашние фотографии. В них, прежде всего, тяга к дому, потребность семейного материнского оберегающего влияния. Фотография призвана восполнить разрушающуюся связь. «Мама, я прошу вас, вышлите мне фотокарточки – свою и Маруськину (сестра) большую. Мама, я стараюсь учиться на «хорошо» и свое слово сдерживаю, хотя не сплю то время, которое нам дают; и я уверен, что еще самое многое – месяц, а там пойдет, как по маслу. Ну, пока, до свидания. Жду фотокарточки. С приветом к вам, ваш сын» (без даты); «Как будешь писать письма, положи свою и Маруськину фотокарточки, что она в пальто, большая; и маленькую, в альбоме на первой странице» (12 апреля 1942 года); «Мама, если можете, то вышлите мне фото (нрзб.), а то я уже начинаю забывать образ ваш!» (21 06 1943)⁷.

Тоска по семье и матери в письмах Ефима Даниловича Хозумова (1923 г.р.). Сын репрессированного мансийского охотника, глава большой, оставшейся без мужчины семьи, был призван на фронт в 1941 году. «Мама, вы сфотографируйтесь и мне отправьте фотографию» (5 апреля 1943 г.); «Мама, отправьте мне фотографию, вы все вместе сфотографируйтесь» (12 апреля 1943 г.)⁸. Процитированные фрагменты писем «перекрашивают» восприятие снимков и предназначенных на фронт, и присланных с фронта. Подробности бытования фотографий, раскрывают их внутреннюю ценность, связанную с личными переживаниями, эмоциональным состоянием человека того времени. Фотография, отправленная Иваном Гавриловым в 1943 г. домой, прокомментирована в самом письме уже не мальчиком, а защитником и воином. В нем и покровительственное обращение «мамаша», и гордость за то, что смог долгое время оберегать ее от волнений, и радость от того, что остался жив, как мы знаем теперь, в исторически значимом сражении: «Здравствуйте, моя дорогая мамаша! Во первых строках моего письма я сообщаю,

что я жив и здоров, чего и вам желаю. Мама, ждите фотокарточки: я сфотографировался и вышлю следующим письмом. Вы спрашиваете, где я был, на каком фронте. Теперь можно написать, что я был на Сталинградском фронте. 2 февраля вошли в Сталинград, а 3 двинулись дальше, а сейчас находимся на ремонте и одновременно отдыхаем. Дайте адрес отца. Ваш сын Иван Гаврилов» (11 марта 1943 г.)⁹.

Письмо А.И. Араскина открывает новую тему фотографических снимков, оно сопровождает фотографию, предназначенную молодой жене Рае. Между строк письма – бережливость мужа, боязнь разочаровать далекую возлюбленную не героическим внешним видом: «1 января 1943 года нас погрузили в санитарный эшелон. Рая, я успел сфотографироваться и получил карточки, 4 штуки, сдал 30 рублей, но снялся не важно, в халате. Нельзя было одевать одежду. Вышел ничего, только в халате»¹⁰.

Драматическую сторону бытования фотографии передают последние страницы чудом сохранившегося дневника неизвестного бойца. Незадолго перед последним боем, предчувствуя, что «приговорен», молодой человек писал: «Я достал фотографию Саши (любимая девушка), и мне припомнилось все прошлое, и на моих глазах навернулись слезы. Неужели я должен погибнуть как скотина, и во имя чего? Да, надежды на жизнь нет. Мой коротенький, двадцативосьмилетний жизненный путь подходит к концу. Прощай жизнь!»¹¹.

Сведение фотографического и эпистолярного диалогов времени оказалось полезным и для исследовательских программ лаборатории, так как выявлялись новые не разработанные или мало разработанные темы.

Распространенным типом письменного комментирования фотографического снимка являются надписи на обратной стороне. Достаточно определенная связь таких записей помогла восстановить смысл следующей фотографии: «На долгую память другу по оружию Михаилу Альмухаметову от Размысловского Балеслава. 16.05.1945 г.» (фото № 8). Такими снимками обменивались фронтовые друзья перед разлукой.

Просмотр коллекции фотографического материала заставил обратить внимание на то, что популярность развернутых комментирующих надписей приходится на 50-60-е годы XX века. Доступность фотографирования, стремительно меняющаяся жизнь, по сути, скорректировали диалог человека со временем. Эпическая масштабность семейного снимка вытесняется лирическим диалогом отдельных людей. На таких фотографиях жизнь представлена в ее новых героях (чаще молодых и энергичных), в новых значимых временных отрезках: годы дружбы, совместной учебы, время проживания в одной комнате общежития, факт интересной встречи или любовного романа. Фотография «на память» самая распространенная в домашних альбомах. Надписи содержат не только указание на адресата, место, время, в их содержании преобладает словесный комментарий дарителя.

Здесь нет красоты,
Она не всем дается.
Здесь русская душа,
А в ней простое сердце бьется.
На память Люде от Н. 22.2.1955 г.

Будет нужна, то храни,

А не нужна, то – порви.
Если любишь, то сбереги,
А не любишь – изорви.
23.12. 1952 г.

Комментирующее слово, на фоне не всегда выразительного снимка, направлено на пробуждение воспоминания:

Когда-нибудь среди бумаг, покрытых слоем пыли,
Найдешь ты карточку мою и вспомнишь,
как мы жили.

В серой дымке туманной вечер...
Вспоминая прошедшие дни,
Вспомни друзей и товарищей.
Не забудь и вспомни.

Вспомни день прощания за околицей.

Сама карточка не заменяет жизни, скорее подчеркивает утрату прошлого:

В честь нашей чудесной дружбы.
Пусть эти мертвые черты,
напомнят что-нибудь живое.

Если встретится нам не придется,
Уж настанет такая судьба,
Пусть на память тебе остается

Неподвижная личность моя.

Попавшие в архив лаборатории из разных населенных пунктов и в разное время надписи бытуют в общих формульных конструкциях.

Пусть ветер шумит за окном,
Пусть веет сибирская вьюга,
Пусть люди забудут о нас,
Но мы не забудем друг друга
(п. Янгелька, Агаповского р-на).

На память брату Николаю от сестры Лизы.
Пусть ветер дует,
Пусть воеет осенняя вьюга,
Пусть люди забудут о нас,
Но мы не забудем друг друга
(п. Кирябинка, Учалинского р-на).

Иногда надписи имеют наставительную функция и адресованы взрослыми младшим в семье:

На память племяннику Павлику от дяди Коли.
Учись хорошо и отлично, в жизни все это пригодится.
Жизнь – это море, будь хорошим пловцом.
8.1. 1954.

Иллюстративная функция фотографии утратила свою научную актуальность, но сама фотография при этом приобрела целый ряд новых для себя значений. В исследовательском поле современного фольклориста она восполнила затерянные в динамично развивающейся культуре традиционные ценности семьи, открыла новые формы диалога человека друг с другом и со временем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. Вып. 2; Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – Вып. 3.
2. Коллекция фотографического материала лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета.
3. История казачества Азиатской России. - Екатеринбург, 1995. С. 122.
4. *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. М., 2001. С.181.
5. Архив лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета. Ф.П. 2006-2007, т. 1.
6. Архив ЛНК. ЭК-40, 2008.
7. Музей истории Агаповского р-на, Челябинской обл. П-56, п-56а.
8. Фронтовые письма Е.Д. Хозумова (из фондов этнографического музея под открытым небом «Найотыр Маа» п. Сосьва, Березовского района ХМАО-Югры).
9. Музей истории Агаповского р-на, Челябинской обл. П-56, п-56а.
10. Коллекция писем ЛНК. «Милосердие», п. № 5, т. 12.
11. Музей истории Агаповского р-на, Челябинской обл. Дневник неизвестного.
12. Коллекция лаборатории народной культуры МаГУ, фотографии 2007-2008 гг.

Приложение

- Фото № 1. Коллекция «Фотографии неизвестных». Начало XX века. Школьный музей п. Краснинского Верхнеуральского р-на Челябинской обл.
- Фото № 2. Коллекция «Фотографии неизвестных». Начало XX века. Школьный музей п. Краснинского Верхнеуральского р-на Челябинской обл.
- Фото № 3. Семья краснинских казаков Панферовых. Ок.1914 г. Семейный архив. Магнитогорск.
- Фото № 4. Семья чесменских казаков Овсянниковых. Начало XX века. Семейный архив. Чесма, Челябинской обл.
- Фото № 5. Петрова Н.А. Семейный архив. Кирябинское, Учалинского района, Республика Башкортостан.
- Фото № 6. Семья Г. А. Лочкаревой. Магнитогорск, Челябинской обл. 1941 г. Семейный архив.
- Фото № 7. Семья Моисеевых. Тайсара, Верхнеуральского р-на, Челябинской обл. Семейный архив.
- Фото № 8. Коллекция «Фотографии неизвестных». Архив ЛНК МаГУ.

φωτο Νο1

φωτο Νο2

φωτο Νο3

Φωτο Νο4

Φωτο Νο5

φωτο Νο6

Φωτο Νο7

Φωτο Νο8

**Реализация регионального компонента
в образовательном процессе школы
(урок «Весенние заклички как жанр
устного народного творчества»)**

Представленные материалы по весеннему календарю могут быть использованы на уроках литературы в начальной или средней школе, на элективных курсах по изучению истории и культуры родного края. Модули урока легко адаптируются для обучающихся разного возраста. Работа на занятиях организуется в группах по 5-6 чел.

Цель урока – расширение представлений обучающихся о народном календаре за счет введения регионального материала, позволяющего определить жанрово-родовые признаки заклички как произведения устного народного творчества и как «вербального кода» ритуала/обряда.

После изучения темы возможно проведение общешкольного/классного мероприятия на открытом воздухе, когда дети приносят испеченных дома «жаворонков» и исполняют тексты закличек.

Предметные результаты выделены курсивом, метапредметные – подчеркнуты одной чертой, личностные – обозначены *.

Деятельность учителя и обучающихся	Средства	Результаты
<p>Мотивационный блок</p> <ul style="list-style-type: none"> • Скажите, когда мы празднуем Новый год? • Всегда ли новый год начинался 1 января? • Знаем ли мы, как встречали новый год весной? 	<p>Модель календаря</p>	<p><i>С 1492 г. до 1699 г. новый год отмечался 1 сентября, до 1492 г. – 1 марта.</i></p> <p><u>Анализ модели</u></p> <p>*Мотивация к изучению нового материала</p>
<p>Информационно-аналитический блок</p> <p>I. Сегодня мы познакомимся с одним из обрядов (ритуалов) весеннего народного календаря. Вам будет предложен раздаточный материал для анализа, тексты сгруппированы по месту их записи.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Прочтите историческую справку об истории образования выбранного вами населенного пункта. • Найдите поселок на карте. • Как вы думаете, почему важно указание места записи? Влияет ли место записи на содержание текста? Аргументируйте свои гипотезы. 	<p>Карта юга Челябинской области</p> <p>Историч. справка составляется по словарю Н.И. Шувалова «От Парижа до Берлина по карте Челябинской области»</p>	<p><i>Материал, предложенный для анализа, записан в казачьих поселках, основанных в 18-19 вв. на Южном Урале.</i></p> <p><i>Сопоставление текстов, записанных в разных местах, позволяет увидеть общее (универсальное) и различное (локальное, региональное).</i></p> <p><u>Умение работать с картой, формулировать гипотезы, аргументировать свою точку зрения</u></p> <p><i>Понимание важности фиксации места записи</i></p>

<p>II. Исследуйте предложенные тексты, ответьте на вопросы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Кому адресованы тексты? Выпишите обращения. Какие особенности употребления слов можете назвать? • Как можно определить «эмоциональный настрой» текстов (приказ, угроза, просьба, мольба и др.)? В чем это выражается? • Можно ли говорить о существовании ритма в тексте? Аргументируйте свою точку зрения. • Атрибуты каких времен года упоминаются в текстах? Почему? Подумайте, как можно определить цель исполнения текстов. <p>III. Прочтите фрагмент статьи Н.И. Толстого, назовите элементы обряда, принадлежащие разным кодам.</p> <p>IV. Почему заклички исполнялись в каждом населенном пункте? Что можно сказать о населении Южного Урала?</p>	<p>Тексты закличек с описанием элементов обряда, места записи, сведений об информанте подбираются из хрестоматии</p> <p>фрагмент статьи Н.И. Толстого</p>	<p><u>Способность к сотрудничеству и коммуникации</u></p> <p><i>Понимание особенностей заклички как жанра УНТ: обращение к птицам-вестникам весны, просьба (глаголы повелительного наклонения, уменьшит.- ласкат.суффиксы), наличие ритма, перечисление атрибутов сменяющихся времен года.</i></p> <p><i>Варианты текста</i></p> <p><u>Анализ текста на уровне семантики, композиции, синтаксиса</u></p> <p><i>Расширение объема теоретического понятия «ритуал/обряд» за счет выделения разных «кодов» обряда</i></p> <p><u>Способность к переносу знаний</u></p>
<p>Рефлексивный блок</p> <ul style="list-style-type: none"> • Что изменилось в вашем понимании мира, народного календаря, ритуала? 		<p><u>Способность к рефлексии</u></p> <p>*Понимание цели учебной деятельности</p>
<p>Оценочный блок</p> <p>I. Для домашней работы предлагаем на выбор следующие задания:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Прочтите в хрестоматии информацию о способах изготовления ритуального печенья, из пластилина попробуйте изготовить своего жаворонка. 2. Подумайте, какие тексты «закличек» могли бы звучать сегодня (в условиях города и/или деревни). Попробуйте сочинить свою закличку. 3. Запишите текст заклички от родственников старшего поколения. <p>II. Работа в группах: предложите критерии для оценивания полученных результатов</p>	<p>Хрестоматия</p>	<p><i>Способность создавать текст определенного жанра</i></p> <p><u>Способность выделить этапы процесса изготовления в тексте</u></p> <p><u>Навык интервьюирования и оформления текста в соответствии с требованиями науки (Ф.И.О. информанта, год и место рождения, место и год записи)</u></p> <p><i>Соответствие традиции (зад.1, 2), точность фиксации (зад.3) как критерии оценивания конечного продукта</i></p>

III. Обсуждение и утверждение критериев	Способность делать осознанный выбор учебного задания, навыки самоконтроля
---	---

Приложение

Толстой Н.И. Вторичная функция обрядового символа // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Изд. 2-е, испр. – М.: изд-во «Индрик», 1995. – С. 167.

Традиционный обряд представляет собой культурный *текст*, включающий в себя элементы, принадлежащие разным кодам: *акциональному* (обряд – последовательность определенных ритуальных действий), *реальному*, или *предметному* (в обряде производятся действия с некоторыми обыденными предметами или со специально изготовленными ритуальными предметами), *вербальному* (обряд содержит словесные формулы, приговоры, благопожелания и т.п., сюда же относятся терминология и имена), а также *персональному* (ритуальные действия совершаются определенными исполнителями и могут быть адресованы определенным лицам или персонажам), *локативному* (действия приурочены к ритуально значимым элементам внешнего и внутреннего пространства или вообще пространственно ориентированы – вверх, вниз, вглубь и т.д.), *темпоральному* (действия, как правило, производятся в определенное время года, суток, до или после какого-либо события семейного или социального и т.п.), *музыкальному* (в сочетании со словом или независимо), *изобразительному* (изобразительные средства ритуальных предметов, пищи, одежды, утвари и т.п.) и т.д.

Лингвистический комментарий*

Говоры исследуемых населенных пунктов отличаются значительной разнородностью фонетических, морфологических, словообразовательных, лексических и синтаксических черт. Это обусловлено вторичным характером заселения данного региона, приведшим к тому, что на сравнительно небольшой территории сосуществуют говоры, принадлежащие разным наречиям русского языка. Так, большая часть говоров горнозаводских поселений тяготеет к южнорусскому наречию, меньшая же часть несет в себе признаки севернорусского наречия. Также севернорусский диалектный характер угадывается в говорах казачьих поселений. Кроме того, междиалектное взаимодействие и языковое контактирование приводит к тому, что в южнорусских говорах могут встречаться севернорусские диалектные черты и наоборот.

Фонетика

Звуковой строй говоров горнозаводских сёл Верхний Авзян, Нижний Авзян, Кага, Узьян, Инзер сформировался под влиянием диалектов южной группы южнорусского наречия. Об этом, в частности, свидетельствует такое явление вокальной системы, как *аканье*, то есть совпадение после твердых согласных в 1-й предударной позиции /а/ и /о/ в [а]: *а́собки, ка́линник*. Для этих говоров характерно также *яканье* – совпадение в 1-й предударной позиции /'а/ и /'э/ в ['а] после мягких согласных (*пякля́, кипятя́ть, щя́жэ́лай*) или в [а] – после непарных твердых (*жани́х, цалу́еть*). Отмечены случаи прогрессивной межслоговой ассимиляции гласных по ряду (гласный среднего ряда /ы/ переходит в [у] под влиянием предшествующего /у/): *мужуки*.

Одной из ярких особенностей консонантной системы южнорусских говоров является реализация на месте литературного взрывного /г/ фрикативного [ɣ] в сильной позиции (*убе́руть, помо́уали, о́уород, иурали, у́лазами, у́нездо*) и переход его в [x] – в слабой (*вокру́х, доло́х*). Южнорусским характером говора объясняется явления *шоканья* и *соканья*, то есть ослабления смычной части аффрикат /ч'/ и /ц/ (*було́щкы, пти́щкы, ко́льсо*), а также замены по аналогии /т'/ на [ш'] (*щя́жэ́лай*).

Произношение губно-зубных согласных отличается от литературного: /в/ реализуется как неслоговой [ʋ] (*деуки, уверху, унахлэ́стку, уперэ́д, у субботу, усю неделю, уся́щина*), а /ф/ переходит либо в [x] (*кохта*), либо в [xф] (*у сарахфа́не*). В данных говорах отмечается и такая южнорусская черта, как усиление среднеязычного сонорного /j/ и появление его в тех позициях, в которых при литературном произношении этот звук отсутствует: *ету, етот, етой, йых, в йыгры*.

В области заднеязычных наблюдаются явления перехода /х/ в [к] (*Паска, кара́уд*) и прогрессивного ассимилятивного смягчения /к/ (*скамейкю, пенькю, ре́щкю, толька*). Характерной чертой, общей для южнорусских говоров Авзяна, Каги, Узьяна и севернорусских говоров Ломовки, Тирляна, казачьих поселений, является отвердение долгих шипящих /ш'ш'/ и /ж'ж'/: *ташшэ́ть тэ́шшэ́, прошшались, шшэ́пощкы, попожжэ́* (Авзян,

* Работа впервые опубликована в сборнике «Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала» (Магнитогорск, 2003. С.275-279).

Кага); *поташишыла*, *ежжать* (Тирлян, Ломовка), *заправшык*, *училишиэ* (Арси). В говоре Ломовки, кроме того, встречаются факты замены /ш'ш'/ твердой аффрикатой [шч]: *ешчо*.

К чертам, позволяющим классифицировать говоры Ломовки, Тирляна и казачьих поселений Великопетровка, Краснинский, Арси, Увалька, Кацбах как севернорусские и причислить их к владими́ро-поволжской группе, относятся неполное оканье, то есть различие /o/ и /a/ в 1-й предударной позиции (*выгоня́м*, *слома́м*, *Рожаствó*, *поташи́ла*) и взрывной характер [г] (*богатай*). Однако наряду с оканьем в данных говорах наблюдается и нехарактерное для севернорусского наречия яканье: *собяру́ться*, *яму́*, *дывчо́нку*, *цалу́ются*, *жани́х*. Кроме того, следует отметить факультативное произношение [γ] фрикативного: *у́ром у́ремел*, *у́ремучего*, *жуу́щий*. Эти черты, возможно, возникли в результате междиалектного взаимодействия.

В говорах казачьих поселений можно найти следы ёканья – перехода /'э/ в ['o] в неударной позиции (*ребё́тня*, *по робя́там*), а также следы /ô/ и /ê/ закрытых, которые обнаруживаются в фактах сближения ударных гласных среднего и верхнего подъема (*кварте́ра*, *хы́ть*, *на сту́лике* (от стол).

Характерной особенностью, противопоставляющей эти говоры южнорусским, является ослабление /j/, приводящей к его полной редукции с выпадением следующего за ним гласного: *выгоня́м*, *слома́м*, *оплаша́т*, *чита́т*, *быва́т*, *така*, *которы́*, *всяки́*, *незамужни́*. Здесь же отмечаются переход заднеязычного /к/ в [х]: *Хреще́ние*, *хрест*, *хто*.

Морфология

Особенности грамматики также позволяют противопоставить южнорусские говоры севернорусским. Так, если глагольные формы настоящего и будущего времени 3-го лица в севернорусских говорах Ломовки, Тирляна и казачьих поселений соответствует литературному языку – оканчиваются на твердый *т*, то говоры большинства исследуемых горнозаводских сел имеют свою специфику – смягченное *т* в соответствующих формах: *зано́сютъ* *обратно*, *скотину́ провожаю́тъ*, *старухи́ махаю́тъ*, *девица́ косу́ не плетё́тъ*, *назовё́тъ*, *соврё́тъ*.

Подобное противопоставление прослеживается и в формах личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа: для южнорусских говоров горнозаводских сел характерно окончание ['э] (в противоположность литературному языку и севернорусскому наречию с окончанием ['а]): *у ми́не* *день ро́ждения*; *у мене́* *была́ ю́бка красна́я*; *ми́не*, *девку́* *молоду́*, *у ны́нешнем* *ю́ду*.

В говорах Авзяна, Каги, Узяна, Инзера наблюдается такое южнорусское диалектное явление, как ослабление и разрушение категории среднего рода имен существительных. При этом существительные среднего рода могут переходить в категорию женского рода: *веселья́* *пошла́*, *чучелу́* *дела́ли*, *щя́* *яи́щка*, с этой *яи́щкяй*, *белай* *воло́кнэ́й*, *вербу́* *приноси́ли* *на вербу́ю* *воскресе́нья*, *мы́* *просу́* *сея́ли*, *сея́ли*, *мы́* *просу́* *выто́пшим*. Нередки случаи совпадения среднего рода и мужским родом, касающееся прежде всего парадигмы множественного числа, что традиционно для подобных говоров: *кары́ты* *были́*, *кто́* *на санка́х*, *кто́* *на кары́тах*, *кладу́т* *кольца́*, *хто́* *яйца́*.

Прочие особенности в выражении категории рода характерны как для южнорусских, так и для севернорусских говоров Тирляна, Ломовки, Великопетровки и др. Например, существительные женского рода могут переходить в мужской род (*кадри́ль* *тан-*

цевали: он у моде был, танцевали кадрили, уродися конопей, лён и конопей, приеду я из няньков, собачонку с собачонком, берёзков везде дома натычешь), а существительные мужского рода – в женский (*Егория* пришла с теплом, *щуунку* повесили, лицо *тюлей* завешивали, всем по *жаворонке*). В изучаемых говорах встречается случаи склонения несклоняемых в литературном языке существительных: шаль сверх пальты надевали.

Существительные, в литературном языке употребляемые только в форме множественного числа (*pluralia tantum*), могут быть представлены и в форме единственного числа – в этом состоит диалектная специфика в выражении категории числа: качались на круглой качеле. В говорах обоих типов отмечены особые формы выражения множественного числа именительного падежа: *стаишуть* стула (стулья), все как бесья, ребята наши с нами, девщаты.

В формах косвенных падежей как множественного, так и единственного числа отмечено большое количество диалектных отклонений от литературной нормы: на моуилы родителей, ходили по дворьям, нажила себе двадцать внучатов, явилась Божья Мать в ручью, приезжали с Авзяну, сидит Дремушка на стулицы.

В южнорусских говорах горнозаводских сел наблюдается выраженная тенденция к разрушению 3-го типа склонения и к переходу существительных женского рода в 1-е склонение: вот кадрили – семь пар, у пуховой шале, церкву разорили, парни с *уармоней*, на Красную горку устраивали *кащелю*.

Здесь же в прилагательных мужского рода именительного падежа единственного числа встречается безударное окончание *-ай*: день *постнай*, овес *яркай*.

Своеобразие форм настоящего и будущего времени глаголов с основами на *-з*, *-к* обусловлено традиционными для литературного языка чередованиями *з/ж* и *к/ч*. В исследуемых говорах, южнорусских и севернорусских, это чередование может быть не выражено: «Коляду» споешь и *убегишь*; *лягешь* и глаза *защуришь*.

Преимущественно в южнорусских говорах горнозаводских поселений возвратный постфикс *-ся* (*-сь*) после согласных реализуется как *-си* (*ложишьси*, *приснилси*, *женилси*, *каталси*), а после гласных – как *-ся* (*каталися*). Также здесь наблюдается характерное для южнорусского наречия смешение двух типов спряжения; это, в частности, выражается в том, что глаголы 2-го спряжения в форме 3-го лица настоящего и будущего времени могут иметь окончания 1-го типа: *нарядются*. Областные формы деепричастий представлены суффиксом прошедшего времени *-миш* с опущенной частицей *-ся*: спать *ложишься одемши*.

В севернорусском говоре Ломовки при образовании формы повелительного наклонения сохраняется инфинитивная основа: не *баловай*.

Словообразование

В говорах горнозаводских сел распространены случаи диалектного словообразования: *колодчик* ‘колодец’, *коробейки* ‘коробки’, *на корякушках* ‘на корячках’; *хлопичные* ‘хлопчатобумажные’, *растопорый* ‘растопыренный’, *картошный* ‘картофельный, сделанный из картофеля’, *по-молодучи* ‘по-молодежному’, *просунывали* ‘просовывали’, *сцелела* ‘уцелела’, *вчераь* ‘вчера’.

Немало областных словообразовательных вариантов встречено и в говорах казачьих поселений: *улка* ‘улица’, *вилки* ‘вилы’, *налупяжить* ‘излупить, избить’, *защуришь* ‘сощуришь’, *канчивается* ‘заканчивается’, *откель* ‘откуда’.

Синтаксис

Диалектные особенности находят свое отражение в строении словосочетаний и предложений. В говорах горнозаводских сел встречаются характерные для обоих наречий случаи управления существительным с использованием предлога *с* вместо литературного *из* при обозначении места начала движения: приезжали *с* Каги, приходили даже *с* Авзяну. В традиционной для литературного языка структуре “делать для кого” может использоваться предлог *про*: стряпала тёща *про* зятя пирогу.

В области синтаксиса простого предложения можно обнаружить такое распространенное в русских говорах явление, как смысловое согласование подлежащего со сказуемым (в противоположность формально-грамматическому в литературном языке). В частности, подобная тенденция выражается в том, что употребляемое только в единственном числе (*singularia tantum*) собирательное существительное сочетается с со сказуемым во множественном числе, что невозможно в литературной речи: Вроде детвора строили (качели).

Кроме того, в текстах встречаются характерные для живой разговорной речи повторы, усечения, вставные пояснительные конструкции, а бессоюзная связь преобладают над союзной: Стукнешься об столб – замуж выйдешь в этом году; Валенок за ворота бросали – *куды* носом, оттуда и жених будет; На этот праздник нельзя землю трогать: земля – именинница.

Словарные материалы к сборнику календарно-обрядового фольклора Южного Урала*

Словарные материалы составлены из диалектных слов и выражений, встречающихся в сборнике. В системе функциональных помет, принятых в словаре, указывается место функционирования языковой единицы: (гзс) – горнозаводские села; (кс) – казачьи станицы.

Словник включает более 160 слов и выражений, передающих самобытность, оригинальность южноуральской речи. При формировании словника предпочтение отдавалось этнографическим (*вечерки, волосник, кажмотка, калинник, косник, судник*), собственно лексическим (*бадаг, буздылка, бузовать, могильник, подловка, раздорожье*) и лексико-семантическим (*городок, живот, катушка, орехи, полоть*) диалектизмам, вследствие чего большинство фонетических, грамматических и словообразовательных вариантов осталось за рамками словаря (подробнее о них см. «Лингвистический комментарий»).

Каждая единица сопровождается кратким лингвистическим толкованием, которое помогает составить обобщенное системное представление о характеризующем предмете или явлении без указания на его несущественные или факультативные признаки. Составители не ставили своей целью дать подробное энциклопедическое описание того или иного этнографического или фольклорного факта, поскольку это должно стать предметом более детального исторического и филологического исследования. Толкование базируется на общеупотребительной литературной лексике; *курсивом* в определении выделяются диалектные слова, объяснение которым находится в данном словаре.

Словарная статья содержит акцентологическую и грамматическую характеристику каждого слова, а также иллюстрации, в роли которых выступают предложения носителей диалекта или фрагменты фольклорных текстов, зафиксированных в данном сборнике. Отдельные единицы сопровождаются указанием на их принадлежность к определенной тематической или синонимической группе: [ср. тж. ...], [см. тж. ...].

АЙДА́, АЙДА́ТЕ, модал. (гзс, кс). Пойдем! Пойдемте! Ну, Петровиш, *айда* пойдем, нащнём покос. Бывало, бабы скажутъ: «*Айда́те*, девки, за черёмухой».

АПА́ЙКА, -и, ж (гзс). Женщина тюркской национальности. *Животными хочешь рядись, кто цыганкой, апайкой, и идет ворожит, наговорит не знай чо.*

БАДА́Г, -а, м (кс). Палка. *Мать меня снарядит: горб приделает, шубу оденет, подпоясает, бадаг даст, для веселья.*

БА́ЛОВАТЬ, -ую, -уешь; несов. (гзс). Шутить; издеваться, приставать. *А ещё, когда «Коляду» ходили петь, споешь, а тебе снегу или воды в карман подставленный нальют, насытят – баловали.*

* Работа впервые опубликована в сборнике «Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала» (Магнитогорск, 2003. С.280-295).

БАСТРИК, -а, м (гзс). Жердь, длинная палка. *На Рождество бастрик на дворе ставят – на какую сторону упадет, там и жених.*

БОЖНИЦА, -ы, ж (гзс). Особое место в сельском доме, где находились иконы и другие культовые принадлежности; красный угол. *Яйца на божнице хранились от Пасхи до Пасхи.*

БУЗДЫЛКА, -и, ж (гзс). Стебель; прут. *Из соломы буздылки такая повесють на потолок.*

БУЗОВАТЬ, -ую, -уешь; несов. (гзс). Бить. *И она идет, он давай её бузовать.*

БУЛГУЧКА, -и, ж (гзс). Молодая женщина. *Едут там всякие, на лошадах выезжают, кто в коробу поставит ступку, толокно толкут, мычут, прядут, сидят и распевают – это булгучки ездют, женищины, которые молоденькие, едут в этом коробу.*

БУЧИЛКА, -и, ж (гзс). Кипящая, бурлящая вода. *Делали щёлок из золы и заливали. И клали туда бучилку горячую.*

БУЧИЛО, -а, ср, **БУЧИЛА**, -ы, ж (гзс). Пучина; водоворот. *Идём на буцилу, ветку разбираем и бросаем в воду.*

БЫЛКА, -и, ж (гзс). Травинка, стебелек. *На Петров день костер зацветает. Его нужно косить, када пожелаешь, или на цвету; в нем былка крупная.*

ВАЛЁЖ, -а, м (гзс). О ночевке вповалку, на полу. *А потом все парами спать ложились. Бывало, от самого стола до залавка валеж был.*

ВАНЮКА, -и, ж (гзс). Высокая болотная трава с жестким стеблем. *Потом наподобие свистулек стали делать дудки из ванюки, травка высокая такая, лист растопорый, жесткая, растет по болотам.*

ВЕРЕЙ, -ея, м (гзс). Столб для укрепления ворот. *А вереюшки, они точеные, спозолоченные.*

ВЕЧЁРКИ, -рок, чаще мн. (гзс, кс). Вечернее собрание деревенской молодежи с песнями и танцами, часто с совместной ночевкой. *Вечерки всегда были и ночевки были. Собирались на вечерки ребята, девки. Ну, лет с четырнадцати-пятнадцати или больше. Попрошишь у кого – пустят, и пойдешь. На вечерках плясали, пели. По три пары было. Для вечеров снимают дом, где все собираются, сидят, поют песни [см. тж. особки, посиделки].*

ВЕЧЕРИТЬ, -ую, -уешь; несов. (гзс). Ужинать. *Девчата прядут, кто вяжет, квасу наделают, вечеруют, вяжут.*

ВЗАПРАВДУ, нар. (гзс). По-настоящему. *Укрыли её белой простыней и давай выть в шутку, а потом взавправду.*

ВОДИТЬ, вожу́, во́дишь; несов. (гзс). Разводить, ставить (о напитке). *На Кузьму-Демьяна девчата водили квас, угощали ребят.*

ВОЛОСНИК, -а, м (гзс). 1. Женский головной убор, надеваемый на заплетенные в косы и свернутые на голове волосы. 2. Шапочка или платочек вышитый. *Бабушка, бабушка, дай косник, не дашь косник – утащу волосник.*

ВЯЗАЛКА, -и, ж (гзс). Вязаная вещь. *Мы ходили по вечерам, вязалки вязали.*

ГЛЯДЕ́ЛЬЩИК, -а, м (гзс). Зритель. *В этот день было много глядельщиков – старух, детей. Они заходили в избу, глядели на молодежь и уходили.*

ГНЁТ, -а, м (гзс). Жердь для скрепления сена при перевозке. *Гнёт в ворота ставили.*

ГОВЕ́ТЬ, -ёю, -ёшь; несов. (гзс). Соблюдать пост. *Половинка говенья преломилась, кадушка с молоком прикатилась.*

ГОВЯ́Х, -а, м. (кс). Овечий помет. *Догонят ребятишек, говяхи считать заставят.*

ГОЛЛА́НДКА, -и, ж (гзс). Печь особой конструкции. *И у меня под 40°, и сон снился всю ночь, будто голанку ломают много людей, черные такие, и душно мне.*

ГОРОДО́К, -дка, м (гзс). Огороженная территория кладбища; кладбище. *У нас все в воскресенье ходят к родителям, а в Верхнем Авзяне – в субботу. А сами-то венки уже в городке налаживали.*

ГОРШЕ́ЧНИК, -а, м (гзс). Глиняная посуда. *Возьмут щашку утиную, хорошие такие блестящие были щашки – уршещники.*

ДОЙ́НИЦА, -ы, ж (гзс). Емкость, ведро, посуда для дойки. *А когда первый весенний гром грохнет, дойницу хватай и беги воду набирай, чтоб молока больше корова давала.*

ДО́НКНУТЬ, -ну, ешь; совер. (кс). Ударить (о колоколе), зазвонить. *Как только колокол донкнул, так все – уже вечерня на Великий пост.*

ДРЫ́ГАНЦЫ, -ев, мн. (гзс). Танцы, преимущественно молодежные, ритмичные. *А там уже пошли вальсы, дрыганцы пошли, кадрили отменили.*

ЖАЛЕ́ТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. (гзс). Обниматься; ласкать. *Даже не целовались, если только жалелись. Если парень задумает поцеловать, он такую пощечину получит, чтоб знал свое место.*

ЖИВО́Т, -а, м (гзс). Жизнь. *Дай им, господи, и скота, и живота, и куриного пера.*

ЗАВЁХЫВА́ТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. (гзс). Часто биться, заходиться (о сердце). *Они раскачают, аж через козлы не перелетишь, и сердце завёхывается.*

ЗАГОВЕ́НЬЕ, -ья, ср (гзс, кс). Начало поста, связанное с запретом на потребление пищи животного происхождения. *Прошли пожинки 25 июля, заговелись, двенадцатого будем разговляться, и только ягодками.*

ЗАПО́Н, -а, м (гзс). Фартук. *Одевали юбки старинные, длинные запоны, шаль вышитая, фуфайка подпояснная.*

ЗАСЛЮ́НКА, -и, ж (кс). То, чем заслоняют что-либо; заграждение, напр., в печи. *Вместо гармошки иногда играли на заслонке.*

ЗАТЕСА́ТЬ ЛОПАТКУ (гзс). Не прийти на свидание, на вечерки; пренебречь вниманием девушки (о парне). *Если девушка не пришла сама, по башке придётся; не пришла она – набудзырить её парень. А если он не пришёл – лопатку затесал.*

ЗАТИРУ́ХА, -и, ж (кс). Мучная похлебка. *Затируху ели.*

ЗНОБИТЬ, -блю, бишь; *несов.* (кс). Морозить. *Нам зима-то надоела, все руки познобила...*

КАДРЕЛЬ, -и, *ж* (гзс). Старье, рваньё; ерунда. *Катались с уоры, наряжались не знай у щего, усякую кадраль одевали.*

КАЖИМОТКА, -и, *ж* (кс). Ряженая женщина в Великий пост, призванная играть роль мифического существа, якобы контролирующего количество и качество пряжи, подготовленной девушкой в течение зимы. *Женщины в Великий пост должны были прясть и ткать. А кажимотка бегала и пугала маленьких девочек: «Кажы моты. Кажы, сколько напярала». Отсюда и название – кажимотка. Я сама бегала. Мать меня снарядит: горб приделает, шубу оденет, подпоясает, бадаг даст, для веселья.*

КАЛИННИК, -а, *м* (гзс). Пирог из ржаной муки с начинкой из калины. *Сходишь, калины наберешь, засушишь и вот напечешь пирогов-калинников. Мочалом их перевязывали и в печь ставили.*

КАРАГОД, -а, *м* (гзс). Хоровод. *Карагод водили, кода тепло станет. Карагод водють, даже мальчишки ходють.*

КАРТІНКИ, -ок, *мн.* (гзс). Бранные слова и выражения. *А дальше мама у нас пела, с картинками: «...Проел Дуне сарафан, сарафан, / Над самой над «дырой».*

КАТУШКА, -и, *ж* (гзс). Гора, с которой можно кататься на санях. *На Рождество ходили на катушку, на гору, там катались на санях, плясали, водили хороводы.*

КВАШНЯ, -и, *ж* (гзс). Посуда, обычно деревянное корыто (кадка) для теста. *К Рождеству ставили ёлку, квашню. Тесто все ставили, пироги всякие пекли.*

КИСЛУШКА, -и, *ж* (гзс). Сухое домашнее вино. *Готовились так: стряпали, вино покупали, водку, кислушку готовили или бражку.*

КОЗЛІНА, -ы, *ж* (гзс). Жердь, используемая для сборки козлов. *Три козлины с одной стороны и с другой три. Жердь на козлины клали и веревку тянули.*

КОЗЛЫ, -ов, *мн.* (гзс). Сооружение из трех, как правило, жердей, козлин, используемое в качестве опоры для чего-л, напр., для качелей. *На Пасху делали козлы из жердей: с одного боку три жерди и другого три жерди, и уверху их связывали верёвкой. Метров шесть они высотой были. Сверху на их клали большую жердь и привязывали верёвку, на её клали дощечку.*

КОЛОДА, -ы, *ж* (гзс). Колодец; колодезный сруб. *Колоды делали в головешках.*

КОЛЯДОВАТЬ, -ую, -уешь; *несов.* (гзс). Ходить по дворам перед Рождеством (5, 6 января по нов. ст.), распевая календарные песни, преимущественно «Коляду», и ожидая денег или угощения. *Колядовать по домам ходили, но больно-то не наряжались, больше песни пели: «Коляда-Коляда, где была?..»*

КОРОБ, -а, *м* (гзс). Большая плетёная корзина из берёзовых прутьев для телеги и саней. *Её [свинью] поймали, положили под короб, утром женщина оказалась.*

КОСАРЬ, -ря, *м*, **КОСАРЁК**, -рька, *м* (гзс). Косой нож большого размера для выскребания деревянных поверхностей. *Выщистят колодец, выскребут косарьком.*

КОСНИК, -а, м, **КОСНЯК**, -а, м (гзс). 1. Пирог треугольной формы с начинкой из яиц и лука. *Пекли на Троицу косняки – трёхугольчатые, потому что Троица, вот и три угла.* 2. Венок, заплетенный в виде косички, который вешали на оконный косяк. *Косняки, бывало, в лесу их плетешь. Из берёзки, а можно из цветочков, и вот начинаешь завивать. Берёшь подорожник за палочку-стебелёк. Наберешь их и начинаешь: согнешь их вместе и плетёшь, а потом сверху завяжешь его. Или берёшь один стебелёк, складываешь вдвое, чтобы была петелька, и затем берёшь ещё один стебелёк и заплетаешь в косичку. Потом берешь ещё и ещё. Потом эти косняки в Белую бросали, а кто и домой приносил.*

КОШАВА́, -ы, ж (кс). Снаряженная лошадь, запряженная в сани. *В кошаве сидела молодушка, а девки стоя танцевали и пели.*

КОШЕВА́, -ы, ж (гзс). Зимняя плетеная повозка, устанавливаемая на полозья. *Прялки собирали – и в кошеву, и катали.*

КРА́ЛЬКА, -и, ж (гзс). Небольшое кондитерское изделие. *С рыбой пироги, кто каких кралек, кто чаво напекеть.*

КУДЕ́ЛЬ, -и, ж, **КУДЕ́ЛЬКА**, -и, ж (гзс, кс). Определенное количество шерсти, приготовленное для прядения. *Святки пройдут, тут опять начинаешь: кудельки, моты, хлопья, лён прясть, пряжу.*

КУЖЕ́ЛЬКА, -и, ж (кс). 1. То же, что кудель, куделька. *Кужелька, нащипанная шерсть, клочок с полкило.* 2. Неряшливая, несобранная женщина. *Говорят, как кужелька ходит. Это была просто насмешка: она как кужелька настоящая, ходит как кужелька.*

КУЛУГУ́Р, -а, м (гзс). 1. Старовер. 2. Человек другой веры; иноверец. *Сталовер, кулууур, молисси, в землю улядишь, а сам сажашь.*

КУ́РНИК, -а, м (гзс). Пирог с начинкой из мяса, преимущественно куриного. *В Рождество пекли курники, делали пельмени.*

КУТА́З, -а, м (гзс). Колокольчик достаточно большого размера. *Утром мужик наряжался, кутаз на шею вешал – Масленица.*

КУТЬЯ́, -ьи, ж (гзс). 1. Ячменная каша. 2. Жидкая горошница с накрошенными в нее сочными, которая готовилась в Рождество. *Угощали кутьей. Кутья – счастье в дом.*

ЛЕДЯ́НКА, -и, ж (гзс). Кусок навоза, облитый водой и замороженный, предназначенный для катания с горы. *Ледянку замораживали – кал говяжий – и катались с горы.*

ЛЕ́ЖЕНЬ, -жня, м (кс). Маленький ребенок, лежащий в колыбели. *Нажила себе лебёдка, себе двадцать внучатов: два и сижня, два лёжня, два поползня, два у лавочки стоят [ср. тж. поползень, сижень].*

ЛЕСИ́НА, -ы, ж (гзс). 1. Отдельно стоящее дерево. *На кашелю шли, как на праздник! На кладбище лесина была, там тоже качались.* 2. Жердь; деревянная перекладина. *Ходят, венки завивают, берут лесинку и повязывают тряпочек и идут вить венки из берёзы [см. тж. матка].*

ЛИСТОВУ́ШКА, -и, ж (гзс). Переносная железная печь. *Листовушку бабы, пещку, на сани ставили и ехали.*

ЛОГУН, -а, м (гзс). Костер на луге. *Обязательно жгут логуны ребятишки, мужчины. Всю ночь сидять и жгуть.*

МАРГАЛУШКА, -и, ж (гзс). Простейший светильник; лампа-ночник на масле, жидком сале. *И обязательно засиживаешься на посиденках с маргалушкой. А если пришли ребята, да мы их пустили, они занимают стол с маргалушкой, а мы уж на пороге сидим, вяжем, а они в карты режутся.*

МАСЛЕНКА, -и, ж (кс). Чучело Масленицы, большая соломенная кукла. *А у нас в последний день в воскресенье вечером соломки у каждого двора натащат – Масленку сожгли. Три дня катаются: пятница, суббота, воскресенье. На снегу сожгут Масленку.*

МАТКА, -и, ж (гзс). 1. Деревянная несущая балка в сельском доме или надворной постройке. *За матку у сарае её [о качелях] привязывали. На кащелю шли, как на праздник!* 2. Большая ветка. *Бывало, девчатами-то тут матку срубим или отломим берёзу хорошую. Урядим её тряпками усякими, лентами. Поешь песню, идешь на речку и бросаешь венки эти, из берёзы-то, в воду: какой венок потонет, значит, умрешь. И матку эту вперед бросаешь [см. тж. лесина].*

МАХЕРИН, -а, м (гзс). Мужчина, ухаживающий за девушкой или женщиной. *Махера с махерином, ухажерка с ухажером, так тогда назывались они.*

МЕКАТЬ, -аю, аешь; несов. (гзс). Кидать вверх; подбрасывать. *Яйца на Троицу красят и на кладбище носят. Мекали, чтоб лён вырос. Бросаешь, и если не разобьется, то лён хороший будет.*

МОГИЛЬНИК, -а, м (гзс). Кладбище. *А на следующий день говорили: «С могильника мертвый шел».*

МОЛОДУШКА, -и, ж (кс). Женщина в первый год замужества. *Все молодушки, что зимой замуж вышли, хорошо, красиво одеваются. В цветных платках, поверх пальто завязаны. Прокатываются верхом на лошадях все в один ряд по улице, все молодушки.*

МОЛОЖАЙКА, -и, ж (гзс). Девушка на выданье; невеста. *Ево [праздник Красной горки] и справляли, бывало, у кого были моложайки. Раньше на иво, бывало, свадьбы играли.*

МОТУШКА, -и, ж (кс). Палочка, *Были кажимотки: кажимотки ходили с мотушкой, с мотком пряжи.*

МОТЫ, -ов, мн. (гзс). Смотанная пряжа; мотки шерсти. *Святки пройдут, тут опять начинаешь: кудельки, моты, хлопья, лён прясть, пряжу.*

МОХРЫ, -хров, мн. (гзс). Потрепанная, изношенная, рваная одежда. *Всё на себя надевали, всё что есть – все шубы, все мохры и дерюги и все половички поодеваешь.*

МОЧКИ, -чек, мн. (кс). Моченые конопля и лен. *С бабушкой всё ходила: охлопки пряла, а она – мочки, намоченную коноплю.*

МЫКАТЬ, -чу, -чешь; несов. (гзс). Чесать лен для пряжи. *Едут там всякие, на лошадях выезжают, кто в коробу поставит ступку, толочно толкут, мычут, прядут, сидят и распевают – это булгучки ездют, женщины, которые молоденькие, едут в этом коробу.*

МЯЛЬНИЦА, -ы, ж (гзс). Приспособление для сминания, утрамбовывания снопов. *Мяльницу возьмут, в короб поставят.*

МЯСОЕД, -а, м (гзс). Время после поста, когда разрешается есть пищу животного происхождения – мясо, молоко, масло и т. п. *И вот за Рождеством уже мясоед – Святки. И вот сколько недель бывает мясоед – кода семь, кода восемь – за Пасхой гоняется. Мясоед пройдет – тут уже Масленица, Пасха.*

НАБУЗДЫРИТЬ, -рю, -ришь; *совер.* (гзс). Отколотить, наказать. *Если девушка не пришла сама, по башке придётся; не пришла она – набуздырить её парень. А если он не пришёл – лопатку затесал.*

НАМЫЧКА, -и, ж (гзс). Пучек вычесанного волокна льна или конопли, приготовленный для прядения. *Намычки несут, кто вяжет, кто прядуть.*

НАХЛЁСТКА, -и, ж (гзс). Веревка, ремень для хлестания. *Женихов у спрашивают, нахлесткой дадут, раскачивают, хлещуть.*

ОЛЁШНИК, -а, м (гзс). Коричневая краска, приготовленная из древесины ольхи. *На Пасху, у кого какая краска есть, шелуха, олешиник, той и красили яйца.*

ОПОЯСКА, -и, ж (кс). Ремень, пояс. *Лошадь чистят, половик стелют, упояской привяжут и едут красивые.*

ОРЕХИ, -ов, чаще *мн.* (гзс, кс). Твердый округлый кал животных. *Вот раз нам дали «орехов» овечьих. Мы спели, хозяин нам целую горсть сыпет, а они черные, мы обрадовались. Вот в морду бы ему!*

ОСОБА, -ы, ж (гзс). Изба или баня, в которой молодежь собиралась на *особки*, на ссыпки. *Особой избу называли. Если я живу, баня если есть, если свободна – особа.*

ОСОБИНА, -ы, ж (гзс). То же, что *особа*. *Девушки снимают себе квартиру, несут дров, керосину. Вяжут. На одной улице бывало две *особины*.*

ОСОБКА, -и, ж (гзс). 1. То же, что *особки*. 2. То же, что *особа*. *Зайдем в *особку*, нас старуха не узнает.*

ОСОБКИ, -бок, чаще *мн.* (гзс). Собрание деревенской молодежи с рукодельем, песнями и играми [см. тж. *вечёрки, посиделки*]. *Особки устраивались осенью в Михайлов день. Заранее кто-то отдавал под *особки* свою избу. Девушки приходили туда раньше, чтобы приготовить курники, пироги с мясом. В *особки* ходили с делом – с вязанием, шитьем. Рассаживались по лавкам, вышивали и пели песни. Позже приходили парни и тоже садились на лавки. Вышивая, девушки обвязывали платочки как подарок тому, кто приглянется. Играли в «Дрёму», «Ланту», мяч, в «Чучу», в камешки, в «Черту», хороводы водили.*

ОХАЛЬНИЧАТЬ, -аю, -аешь, **АХАЛЬНИЧАТЬ**, -аю, -аешь; *несов.* (гзс). Вести себя непристойно, вызывающе; безобразничать. *Были и такие, говорили: «Ишь, *ахальничают, ходют*».*

ОХАЛЬНЫЙ, -ая, -ое (гзс). Неприличный, непристойного содержания. *Много таких песенок-то было, и *охальные* были.*

ОХЛОПЬЯ, -ьев, *мн.* (гзс). Вычески, негодный для пряжи остаток. *Кот кошку звал в *охлопья* спать..*

ПАРЕНКИ, -нок, чаще *мн.* (кс). Пареные овощи, реже – ягоды. *Давали морковных, репных *паренок*, конских «орехов» – для смеху.*

ПА́СМО, -а, ср., **ПАСМА**, -ы, ж. (гзс). Отдел мотка льняных или пеньковых ниток. *Пасмы были, мотали и на клубки мотали.*

ПАШКЕ́ТНИК, -а, м (гзс). Блюдо, приготовленное в пашкетнице (глиняном горшочке), из мяса с картофелем. *Пашкетник делали. Мелко мясо резали, луку, лавровый туда и сверху картошещку. Вкуснятина.*

ПАШКЕ́ТНЫЙ, -ая, -ое (гзс). То же, что пашкетник. *Блины всю неделю пекли, пашкетной, щи мясные варили.*

ПЕЛЬМЕ́ННИЧАТЬ, -аю, -аешь; несов. (гзс). Лепить пельмени; собираться на пельмени. *Пельменнищали на Кузьмишки, 14 ноября. Тут уж бывало мяса зарежут. Артелю собирались в какой-нибудь дом. Ребятишки с уармошками, и напляшимси.*

ПЕРЕМЕ́КИВАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. (гзс). Кувыркаться, переворачиваться. *Когда был уром, мы перемёкывались.*

ПИМЫ́, -ов, чаще мн. (гзс, кс). Валенки. *Всяко ворожили: пимы кидали, ребята возьмут да утащат. Поманежут, только потом отдадут.*

ПОВЕ́СИТЬ ЧА́ЙНИК (гзс). Отказать молодому человеку в своем внимании, пренебречь его ухаживанием (о девушке). *Если парень попросится на ночевку, а его не оставят – знацит, щайник повесили.*

ПОВЕ́СИТЬ ЧУГУНО́К (ЧУГУ́НКУ) (гзс). Отказать молодому человеку или девушке в своем внимании. *Если парень или девка пришли и ушли [надолго не остались], то шуунку повесили.*

ПОВЕ́ТЬ, -ти, ж (гзс, кс). Навес на хозяйственном дворе для хранения сена. *Спали обычно на повети. Вот такая была честность.*

ПО́ДЛОВКА, -и, ж (гзс). Чердак. *Мой свекр уворил у первый день поста: «Блины на подловку надо поднять до сборного».*

ПОЛО́ТЬ, -лю, -лешь; несов. (гзс). Собирать. *Мы-то у крууу полем, а ребята дли крууу.*

ПОПЕРЁ́Д, предл. (гзс). Посреди. *Поперед двора стоит бадья, бадья точеная, позолоченная.*

ПОПЛО́ШЕ, нареч. (гзс). Хуже. *На Коляду соберемся, дивно нас, нарядимся поплоче и идем, ночью-то не видно...*

ПО́ПОЛЗЕНЬ, -зня, м (кс). Маленький ребенок, умеющий еще только ползать. *Нажила себе лебёдка, себе двадцать внучатов: два и сижня, два лёжня, два поползня, два у лавочки стоят [см. тж. лежень, сижень].*

ПОСИДЕ́ЛКИ, -лок, чаще мн. (гзс). Собрание деревенской молодежи, обычно в осенне-зимний период, с рукодельем, песнями и танцами, часто с совместной ночевкой. *На посиделки собирались, чтобы весело было. Девчата прядут, ребята ходили, ждали до тех пор, пока девки работы не одолеют. Потом ночевка... И пряли, и вязали, носки вязали, кружева, скатерти... Кто чего делал, ни один без дела не сидел. Бывало, рассядимси в избе и запоём... На вечера звали, не приглашенные не пойдут, а на посиделки мою приходит кто уудно [см. тж. вечёрки, особки].*

ПОСИДЁНКИ, -нок, чаще *мн.* (гзс). То же, что *посиделки*. Тут и картошку копаешь, и в колхозе работаешь. И обязательно засиживаешься на *посиденках* с маргалушкой. Вяжем кружева, прядем, вяжем носки, чулки. А если пришли ребята, да мы их пустили, они занимают стол с маргалушкой, а мы уж на пороге сидим, вяжем, а они в карты режутся. Песни были, балалайка была [ср. вечерки, особки].

ПОСИДЁНКИ, -нок, чаще *мн.* (кс). Собрание замужних женщин с рукоделием, гуляньем. Только *посиденки* делали мы, как только вышли замуж. Когда молодые еще были. Также прядли. Только парней не было: мужья дома спят, пока мы на *посиденках*.

ПОСИДЁННИЧАТЬ, -аю, -аешь; *несов.* (гзс). Участвовать в посиденках. Ребята к им придут *посиденничать*. А девчат без дела не пускают, обязательно прядут или вяжут.

ПОСКО́НЬ, -и, *ж* (гзс). Одежда, рубаха из холста. Бабы тогда ещё лён прядли. Вынесут гребень, наденут *посконь* и давай ево мять.

ПО́СТОВАТЬ, -ую, -уешь; *несов.* (кс). Соблюдать пост. *Постовали*, ели скоромно: семя конопляное, тыкву пареную, картошку. А на Рождество разговлялись.

ПО́ТЧЕВАТЬ, -ую, -уешь; *несов.* (гзс). Угощать, кормить. А потом с собой приносили, угощения-то. Так и *потчевали*.

ПРОБЕ́ЖНЫЙ, -ая, -ое (гзс). Проточный. Девки шли на речку, надо, чтобы *пробежная* вода была. У колодец не ходили, у рещку ходили.

ПРОГОЛО́СНЫЙ, -ая, -ое (кс). Громкий, звонкий, с голосом (о песне). Проезжали, песни пели хорошие, *проголосоные*.

ПРОПО́Й, -я, *м* (гзс). Часть свадебного ритуала: завершающая часть сватовства, когда родители невесты дают согласие на свадьбу и выставляют угощение для сватов. Свадьбу играют на Красную горку – *пропой*, потом две недели опять свадеб не было.

ПУ́ЖАЛА, ПУЖА́ЛА, -ы, *м* и *ж* (гзс). Ряженный, который может напугать. Пужалы – это так одевались, чтобы их не узнали. Ребят убирали, чтоб не напугать, а то один зайкой остался, как ряженных увидел. Мазались сажеей, одевали маски [см. тж. рядиха, святка, чуда].

ПУЖИЛО, -а, *ср.*, **ПУ́ЖИЛА**, -ы, *ж*. (гзс). Чучело; пугало. Пужилу жгли на Масленицу.

ПУЛЯ́ТЬСЯ, -юсь, -ешься; *несов.* (гзс). Кидать друг в друга. Ну, снежками *популяремся*.

ПЯТИДЕСЯ́ТНИЦА, -ы, *ж* (гзс). Церковный праздник Троица, отмечаемый на пятидесятый день после Пасхи. Под Троицу, *пятидесятницу*, на кладбище ходють.

РАЗГОВЛЯ́ТЬСЯ, -юсь, -ешься; *несов.* (кс). Заканчивать поститься, начиная есть пищу животного происхождения. А на Рождество *разговлялись*. Обязательно на столе курник, блины, сыр.

РАЗДОРО́ЖЬЕ, -ья, *ср* (гзс). Перекресток. Кидали бастрик на *раздорожье*.

РЕМКИ́, -ков, *мн.* (кс). Старые, изношенные вещи. *Рямки*, рваньё наденут; завешаются, лицо не видно. Боялись их шибко.

РЕПЕЙ, -ея, м (гзс). Пасхальное украшение в виде каркаса из ржаной соломы с прикрепленными к нему яичной скорлупой, конфетными обертками и т.п. *Репей на Паску делали. Соломы ржаной хорошей выберем, чтобы протыкать. Ету солому нарежем, сколь надо. И налаживали етот репей. Украшали: бумагу красили, яйцами украшали. Вешали для красоты на окна, тюли-то не было.*

РУБЕЛЬ, -ля, м (гзс). Деревянное приспособление с рубцами для обработки белья при стирке. *Они собрали портянки и ушли на речку. Они как ушли, как махнули рубелем.*

РУНА, -ы, ж (гзс). Сплетение веток. *Под липой на руне лежит змея – скорпия.*

РЯДИХА, -и, ж (гзс). Женщина-ряженая, которая ходила после Рождества, на Святки. *Рядихи ходили только на Святки. Если женщина, то в мужчину наряжается, всяка разна одёжа надевается. Голос меняли – совсем хрипят, всяко [см. тж. пужала, святка, чуда].*

РЯЖЕНЕЦ, -нца, м (гзс). Ряженный. *На Масленицу блины пекут, а ряженцов, тех не было.*

САДОК, -дка, м (гзс). Место на хозяйственном дворе, обнесенное изгородью, для содержания животных в неволе; загон для домашних животных). *Бегали, садки мерили; рейки пересчитывали в полисаднике, сколь ухватишь.*

САМОДЁЛ, -а, м., часто в зн. нареч. (гзс). Само собой, в свое время, естественным путем. *Самодел покажет, когда замуж идти.*

СВЯТКА, -и, м. и ж (гзс). 1. Ряженный; ряженая. *Вон святки идут – это ряженые. Шубу наизнанку, лицо спрятано, платком завязано. На голову всё выворотит, как будто зверь какой идёт. Маленьких пугали. Хвост приделывали, лицо сажей мазали, мукой.* 2. Женщина, одевающаяся вычурно, претенциозно. *Сейчас не рядимся; только, кто оденется мудрено, то говорят: «Ты чо, как святка, собралась»? [см. тж. пужала, рядиха, чуда].*

СЕМЬК, -а, м (кс). Троицын и Духов день; седьмой четверг после Пасхи. *Я на семик-то ходила. Мы пели «Чечётку» там, девчонки соберемся и пели эту песню. Улицами собирались, нас вот человек двадцать было*

СИЖЕНЬ, -ня, м (кс). Ребенок, начинающий садиться. *Нажила себе лебёдка, себе двадцать внучатов: два и сижня, два лёжня, два поползня, два у лавочки стоят [см. тж. лежень, поползень].*

СИПЁНЬКА, -и, ж (гзс). Праздник на третий день Троицы. *Сипенька на Троицу на третий день. Нынче вот никто не собирал, а раньше вынесем стол, пойдём двое яйца с кузовом собирать на дворы – кто пойдёт на сипеньки. Наберём яиц, яшню кто нажарить, кто рыбки, кто что. Стола два на улицу вынесем, всю эту стряпню оставим и тут уже пойдёт у нас гулянка-сипенька. И пляшем до утра. Гармонь играет, только раздаётся всюду.*

СИПОВКА, -и, ж (гзс). То же, что сипенька. *Сипеньку отмечали на третий день после Троицы. По-другому иногда этот праздник называли сиповкой.*

СИСЯТНИК, -а, м (гзс). Складка на женской одежде для груди. *Сарафаны были очень широкие, выделявали сисятник.*

СКОРОМИТЬСЯ, -люсь, -ишься; *несов.*; **ОСКОРОМИТЬСЯ**, -люсь, -ишься; *совер.* (гзс). Употреблять пищу животного происхождения: мясо, масло, молоко. *И скоромиться не давали – ни молоко, ни мясо есть.*

СКОРПИЯ, -ии, *ж* (гзс). Змея в народной мифологии. *Под липой на руне лежит змея – скорпия.*

СНИМАТЬ, -аю, -аешь; *несов.* (гзс). Убирать урожай с огорода. *Все работы заканчивали, капусту снимали.*

СОЧЕЛ, -а, *м* (гзс). Рождественское кушанье – рисовая каша с изюмом. *Так как рождественский пост, ели пшеничную кашу, рис с изюмом – сочел.*

С ПЕРЕМОЧКОЙ (гзс). О лете с достаточным количеством осадков. *Ежели жаркое лето, она [земляника] засыхает; ежели с перемошкой лето, она во какая на делянках!*

ССЫПАТЬСЯ, -аюсь, -аешься; *несов.* (гзс). Участвовать в ссыпке. *Девки наряжались, приходили парни с гармошкой, и девушки пели, плясали. Это называлось «ссыпались», сходились, значит.*

ССЫПКА, -и, *ж* (гзс). Собрание деревенской молодежи, устраиваемое обычно на Михайлов день (8 ноября по нов. ст.), день Кузьмы и Демьяна (14 ноября) и после Рождества (8 января), с угощением в складчину, с песнями, танцами и играми, часто с совместной ночевкой. *На ссыпки я сама ходила. Откупаешь квартиру, дрова тащишь. Ходили парни табуном, оставались ночевать. Это у нас был девичий праздник [см. тж. вечерки, особки, посиделки].*

СТАРИЧОК, -а, *м.* (кс). Ряженный мужчина в новогодние праздники. *В Новый год и Рождество ходили старички. Шубы, маски одевали, ребят догоняли. Это мужики снаряжались.*

СТОЛЕШНИК, -а, *м* (гзс). Скатерть. *Вязали столешники – скатерти на стол, утиральники холщовые.*

СУДНИК, -а, *м* (кс). Лавка у печки, на которой стоит посуда. *Как на суднике сметана, у сметаны два Степана...*

СУПРЯДКИ, -док, чаще *мн.* (гзс). Собрание деревенских женщин с рукодельем, преимущественно прядением, и угощением, которое готовит хозяйка дома. *Супрядки – это задумает женщина напрясть, приутовит ще-нибудь, созовет людей, прядуть. Потом ууостит всех, попотчует. Женщины ходили [ср. вечерки, особки, посиделки, посиденки].*

ТРОЙЧАНКА, -и, *ж* (кс). Праздник на третий день Троицы. *Третий день Троицы назывался тройчанка.*

ТЫН, -а, *м* (гзс). Забор. *У Лисовских на дворе / Стоит тын железный. / Как по этим по тыну, / Всем по маковице-маковке, / Всем по луковке, по верейшке.*

ТЫРЫКАТЬ, -аю, -аешь; *несов.* (гзс). Голосовое сопровождение женского уличного пения с пропеванием слогов «ты-ры». *Потырыкали, потырыкали под песню. Танцуем русскую в частушках. Ноги только успевают переворачиваться.*

ТЫЧИНКА, -и, *ж* (гзс). Точеная палочка в заборе. *На Святки считаешь тычинки, которыми огород загорожен, и сколько тычинок – в такой год замуж выйдешь.*

ТЯТЯ, -и, м (гзс). Отец. *Один [венки] на **тятю** кинешь, другой – на сестру, третий – на маму.*

УБУ́К, -а, м (гзс). Приспособление для стирки - посуда в виде широкого бревна с выдолбленной серединой. *В **убук** ложилось белье, пересыпалось золой и заливалось кипятком. А воду кипятили: ложили в чугуны с водой раскаленные камни. После двенадцати часов шли на двор – если кто натыкался на **убук**, то на мясоед замуж выйдет.*

УТИРА́ЛЬНИК, -а, м (гзс). Полотенце. *Вязали столешники – скатерти на стол, **утиральники** холщовые.*

ХВОРСИ́ТЬ, -рщю, -рсишь; несов. (гзс). Ворчать, ругать. *Если [курица начинала клевать] зеркало, **хворсит** будет свекровь.*

ХЛЮ́ПЬЯ, -ьев, мн. То же, что охлопья. *Святки пройдут, тут опять начинаешь: кудельки, моты, **хлопья**, лён прясть, пряжу.*

ХОХЛА́ЦКИЙ, -ая, -ое (кс). Украинский. *Коляда – **хохлацкая**, мы её не поём.*

ЧА́ПЕЛЬНИК, -а, м (гзс). Сквородник. *Егорий 6 мая, в этот день старались скотину выгнать в поле вербой с вербоного воскресенья или **чapelьником**.*

ЧЕТВÉРИК, -а, м (кс). Четверг. *В лес перед Троицей ходили завивать венки, в **четверик** чистый.*

ЧУ́ДА, -ы, ж (гзс). Женщина-ряженая, которая чудит, чудесит. *А помнишь, Зоя, Соня Краснова пришла рядихой, а мужик сидит, а она почти голая, чуть-чуть прикрыта. А они с Дусей Александровой **чуды** были. Чуть прикрыли грех-то [см. тж. пужала, рядиха, святка].*

ШАЙТА́Н, -а, м (гзс). Дьявол, нечистая сила. *Кто святками ходил, того заставляли купаться в проруби. Так он, **шайтан**, образ человеческий менял.*

ШИ́БКО, нареч. (гзс). Очень. *Утром ходили по домам старухи, какие **шибко** бедные и какие выпить любят, и пели «Рождество».*

ШУПА́Н, -а, м (гзс). Халат. *Наряжались Масленицей: наденуть **шупан** какой-нибудь, юбку длинную, пойдут разметать снег полами.*

ЩЕЛБА́Н, -а, м (гзс). Щелчок по лбу. *В Святки вечерами ничего не делали, а играли в карты и в шашки, которые делали из липы. Всего их было десять штук, если кто проигрывал, то **щелбаны** ставили.*

ЩЁЛОК, -а, м (гзс). Отвар золы для стирки; настой кипятка на золе. *Нельзя стирать, баню топить, **щелок** делать, ругаться.*

Фотоматериалы из архива лаборатории

Девятая пятница на Малиновой горе, В. Авзян, 1907 г.

Узян, начало XX в.

Обещанный день 21 августа, Кага, 2007 г.

Обещанный день 21 августа, Кага, 2007 г.

Реконструкция ряжения кажмоткой, Краснинский, 1999 г.

В.Авзян, 1997 г.

П.А. Данилюк на проводах зимы, Степное Верхнеуральский р-н, 1980 г.

Троицкая родительская суббота, Авзян

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Рожкова Т.И. Предисловие</i>	4
ОСЕННИЙ КАЛЕНДАРЬ	10
Примечания к текстам.....	21
ЗИМНИЙ КАЛЕНДАРЬ	23
Примечания к текстам.....	42
Святочные гадания	45
Примечания к текстам.....	52
ВЕСЕННИЙ КАЛЕНДАРЬ	54
Масленица	55
Примечания к текстам.....	62
Жаворонки	63
Примечания к текстам.....	74
Благовещение, Пасха, Красная горка, Егорий	76
Примечания к текстам.....	89
Троицкая неделя	91
Примечания к текстам.....	108
ЛЕТНИЙ КАЛЕНДАРЬ	111
Примечания к текстам.....	116
Колядки	117
Примечания к текстам.....	128
Песни: игровые, хороводные, беседные	129
Примечания к текстам.....	143
МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ	
<i>Моисеева С.А.</i> Динамика поведения молодежи в весеннем календарно-обрядовом фольклоре русских Башкортостана (на материале экспедиций ЛНК МаГУ в горнозаводские села Белорецкого района).....	145
<i>Филиппова И.А.</i> О некоторых мифопоэтических доминантах весеннего календаря казачьих поселений юга Челябинской области.....	152
<i>Лосеева И.В.</i> Обещанный день в селе Кага Белорецкого района Башкортостана по материалам полевых исследований.....	158
<i>Лосеева И.В.</i> Кулинарный календарь русских сел Белорецкого района Башкортостана.....	164
<i>Моисеева С.А.</i> Песенно-игровой фольклор русских горнозаводских сёл.....	173
<i>Рожкова Т.И.</i> Фотография в диалоге человека со временем.....	179
<i>Филиппова И.А.</i> Реализация регионального компонента в образовательном процессе школы (урок «Весенние заклички как жанр устного народного творчества»).....	186
<i>Саляев В.А.</i> Лингвистический комментарий.....	189
<i>Саляев В.А., Сопова Т.Г.</i> Словарные материалы к сборнику.....	193
Фотоматериалы из архива лаборатории	205

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЮЖНОГО УРАЛА

хрестоматия

На обложке – фото фрагмента рушника из этнографической коллекции лаборатории народной культуры МаГУ

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 30.12.2013 г.

Формат 60×84¹/₁₆ Усл.печ.л. 12,32. Уч.-изд.л. 11,78

Тираж 500 экз. Заказ 475.

Издательство Магнитогорского государственного университета
455038, Магнитогорск, пр. Ленина, 114
Типография МаГУ